Основные цели издания:
1. Предоставить возможность профессорско-преподавательскому составу РАУ опубликовать результаты своих научных исследований в русскоязычном издании.
2. Способствовать консолидации творческого и интеллектуального потенциала РАУ вокруг «Вестника».
3. Способствовать научному росту молодых преподавателей и аспирантов, облегчить публикацию их научных работ.
4. Способствовать обсуждению актуальных научных проблем как на страницах издания, так и путем организации различных мероприятий: круглых столов, теоретических и научно-практических семинаров, конференций и т.д.
Одной из главных целей издания является ознакомление российской и вообще русскоязычной научной (и не только) общественности с достижениями в области гуманитарных и общественных наук в Армении и привлечение к сотрудничеству ведущих специалистов из других научных и образовательных центров как РА, так и РФ.
В 2003г., по решению Ученого совета, вышел первый номер «Вестника РАУ» (гуманитарные и общественные науки) **(открыть в pdf формате)**. В него вошли статьи, подготовленные на основе докладов, прочитанных на научной конференции, посвященной 200-летию МИД России. «Вестник» открывается приветственным словом Чрезвычайного и Полномочного посла Российской Федерации в Республике Армения Дрюкова А.М. Тематика научных статей широкая, затрагиваются самые различные сферы и аспекты армяно-российских взаимоотношений. Распространение сборника различными организациями или физическими лицами возможно лишь после заключения соответствующего договора с редакцией журнала.
В печати находится второй номер «Вестника РАУ» (общественные и гуманитарные науки).

Российско-Армянский (Славянский) государственный университет

Печатается по решению
Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

N 1/2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИЗ МАТЕРИАЛОВ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 200-ЛЕТИЮ МИД РОССИИ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ПОЛНОМОЧНОГО ПОСЛА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ ДРЮКОВА А. М.

Мне очень приятно открыть нашу научную конференцию «Россия и Армения: XXI век», посвященную 200 - летию МИД России.

Видимо, с самого первого шага человечества, когда оно стало осознавать себя, дипломатия, внешние сношения заняли то важное место, которое продолжают занимать и в нынешнее время.

Двести лет МИД России – это относительная дата (можно сказать рубежная) с момента, когда Александр I подписал рескрипт о создании восьми министерств в Российской Империи. Российская дипломатия, которая этим указом была организована как МИД, прошла очень большой путь как до этого рубежного момента, так и после. Когда государство сильное, когда очень сильная экономика, когда стабильная и спокойная внутренняя политика, когда сильная армия (не скроем этого), тогда дипломатам намного легче.

Если посмотреть на историю российской дипломатии, то это действительно славный путь, который прошли дипломаты.

Я не хочу говорить (об этом известно) о ситуации, которая сложилась вокруг России после окончания Крымской войны, когда Россия была практически повержена, низложена с высот общеевропейского клуба, в котором она принимала самое активное участие. По меткому выражению министра иностранных дел А. Горчакова, после этой войны в течение 20 лет Россия «собиралась, она восстанавливала свои позиции». И в том, что Россия через 20 лет стала более могущественным игроком на международной арене, большая заслуга принадлежит российской дипломатии, которую возглавлял Горчаков.

Очень много пришлось поработать российской дипломатии и в регионе, где мы сейчас с вами находимся. Возьмем русско-турецкие войны. Здесь и пример поражения русской дипломатии (хотя я могу сказать с полной ответственностью, что российская дипломатия была вынуждена отступить под давлением превосходящих сил противника), но в то же время это и история побед российской дипломатии.

Российская внешняя политика оказалась в очень сложном положении после Октябрьской революции. Как вы знаете, произошла полная смена кадров российской дипломатии, нужно было готовить новых дипломатов. Тем более, что шла полоса непризнания Советской России. И даже в то время (если мы вспомним Рапалльский договор) это был действительно дипломатический прорыв в обеспечении интересов молодого Советского государства.

В том составе, в каком мы сейчас находимся, мы отчисляем историю от 1946 г., когда вновь был образован Совет Министров Советского Союза и были учреждены министерства, в том числе и МИД.

Я считаю, что сейчас мир переживает наиважнейший, наиответственнейший момент в своем развитии. Сейчас стоит вопрос: «какими мы будем?».

11 сентября прошлого года изменило мир. Мир стал совсем другим. С одной стороны, он осознал, что цивилизации грозят общие вызовы: международный терроризм, наркобизнес, наркоторговля, торговля людьми, оружием, экологические проблемы – вызовы, которые невозможно решить, не объединившись. Вместе с тем, сейчас явственно прослеживается линия того, чтобы одна держава являлась бы определяющей во всей мировой политике. Как вы знаете, вчера президент США Буш выступил со своей программной речью, в которой объяснял, почему США переходят от военной доктрины сдерживания и запугивания к

доктрине нанесения превентивного удара по своему собственному решению. Естественно, как объясняется, в целях обеспечения национальных интересов США.

Это крайне опасное развитие, которое может привести к тому, что возникнет пауза во всех наших отношениях. В то время, когда уже существует отработанная система международных организаций, в первую очередь, ООН, и те органы, которые действительно несут ответственность за мир и безопасность на нашей земле, заявляется: «мы не считаем себя связанными никакими многосторонними договорами и мы будем определять свои действия, исходя из своих собственных интересов». Прямо скажу, что это очень опасное развитие. И вот тут для дипломатии всех стран наступает очень важный и ответственный момент. Правда, в своей вчерашней речи Буш уже несколько изменил свою тональность и сказал, что США будут действовать, исходя или сообразуясь с решениями и мнением ООН.

Сейчас и Россия и Армения переживают очень ответственный момент становления своей государственности. Нашим странам в нынешнем состоянии всего 10 лет, но это не значит, что мы начинаем исчислять свое сотрудничество только этим 10-летним периодом. Мы все хорошо знаем нашу историю, мы все хорошо знаем корни нашего единства, которое было закреплено и на поле брани, и в дипломатических сражениях, и в культурной, духовной и экономической сферах. Я считаю, что эти наши связи, эти наши истоки являются залогом честного взаимодействия наших стран, наших народов.

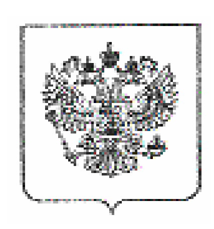
Сейчас на Кавказе очень сложная и очень опасная ситуация, которая грозит всеобщей дестабилизацией, которую нельзя допустить ни в коем случае.

Россия, как кавказская страна, кровно заинтересована в том, чтобы в Кавказском регионе (не разделяя его на Северный и Южный Кавказ) царили мир, стабильность и безопасность. Только эти условия могут позволить нам развивать экономику, улучшать социальное положение наших народов, развивать сотрудничество. Россия делает все от нее зависящее именно в этом направлении. В этих действиях надежным и уже проверенным партнером, союзником является Армения.

Я могу с полной ответственностью сказать, что руководство Российского государства очень высоко ценит наше внешнеполитическое взаимодействие, которое сложилось за это время. На международной арене Россия и Армения выступают практически с единых позиций. Я также хочу отметить, что мы можем гордиться уровнем взаимоотношений в военной и военно-технической областях. Сейчас мы предпринимаем активные шаги по повышению уровня нашего научно-технического и экономического взаимодействия.

Последние встречи, которые состоялись между руководителями наших государств в этом месяце (встреча двух президентов в Кишиневе, а также официальный визит секретаря Совета безопасности и министра обороны Армении С. Саркисяна в Москву), дают основание утверждать, что достигнуты соглашения по всем направлениям. Но, как всегда, время ставит новые задачи. Я считаю, что перед нашими внешнеполитическими ведомствами, между нашими государствами и народами стоят действительно огромные задачи по социально-экономическому развитию наших двух государств. И здесь наше взаимодействие будет играть основополагающую роль. Заканчивая свое вступительное слово, хотел бы поблагодарить руководство Российско- Армянского (Славянского) государственного университета, которое выступило и инициатором, и организатором этой конференции.

Я могу сказать, что молодой университет уверенно превращается в центр научной и культурной жизни Еревана и всей Армении. И в этом плане я хочу еще раз поблагодарить руководство университета и всех преподавателей, администрацию университета за организацию этой конференции, пожелать им всяческих успехов. И хочу пожелать успеха всем участникам этой конференции.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Участникам международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию МИД России (Ереван, 8 октября 2002 года)

Уважаемые участники и гости конференции!

В нынешнем году Министерство иностранных дел Российской Федерации отмечает свое 200-летие. Его учреждение стало важной вехой на большом историческом пути российской дипломатии. Именно за последние два столетия были выкованы и закалены основополагающие принципы российской дипломатической школы, отличительной чертой которой является четкое понимание и отстаивание стратегических интересов государства.

Большой вклад в становление и развитие российской дипломатии внесли А. М. Горчаков, Г. В. Чичерин, А. А. Громыко, деятельность которых наложила отпечаток на развитие страны в целом.

Россия последовательно проводит линию на построение многополюсной модели международных отношений, основанной на подлинном равноправии государств, безусловном верховенстве международных норм и укреплении центральной и координирующей роли ООН. Это особенно важно в эпоху глобализации, когда мировому сообществу приходится противостоять общим угрозам – в первую очередь международному терроризму и экстремизму, распространению оружия массового уничтожения, транснациональной преступности и глобальным финансово-экономическим кризисам.

С удовлетворением отмечаем высокий уровень союзнического взаимодействия в этом деле дипломатических служб России и Армении, которое характеризуется общностью подходов к решению мировых проблем, совпадением позиций практически по всем вопросам международных отношений.

Эти традиции восходят к славному прошлому, когда основанный в 1815 году армянской диаспорой Московский Лазаревский институт восточных языков был кузницей кадров для российской дипломатической службы. Гордимся тем, что в наши дни в Москве готовятся специалисты по внешней политике для Республики Армения.

Среди главных задач нового этапа российско-армянских отношений –
дальнейшее развитие военно-политического стратегического партнерства, углубление экономической интеграции, создание эффективной основы для всестороннего взаимодействия двух стран в культурной, образовательной и других областях.

Россия – кавказская держава, естественно, что ее внешняя политика в регионе направлена на развитие полнокровных отношений со всеми странами и народами Закавказья. Мы прилагаем немалые усилия, чтобы помочь развязать тугой узел карабахского конфликта, не допустить возобновления кровопролития в других «горячих точках» Южного Кавказа.

Уверен, настоящая конференция послужит действенным инструментом дальнейшего укрепления братских взаимоотношений народов России и Армении во имя достижения общих целей мира, стабильности и процветания на Кавказе.

Желаю успехов в этом благородном деле.

С уважением

И. Иванов

Москва, 6 октября 2002 г.

MINISTER OF FOREIGN AFFAIRS OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

В Президиум научной конференции
«Россия и Армения: XXI век»

Уважаемый г-н ректор Российско-Армянского (Славянского)
государственного университета,
Уважаемый г-н Посол Российской Федерации в Армении,
Уважаемые гости, представители МИД РФ,
Дорогие соотечественники

Научная конференция «Россия и Армения: XXI век» посвящена важному периоду российской истории – последним двум столетиям XX века – периоду создания и функционирования Министерства иностранных дел России. Проводимая по воле истории в начале третьего тысячелетия Конференция призвана подвести итоги двухсотлетней деятельности Российского государства в сфере дипломатии и международных отношений.

Вместе с тем Конференция обсудит судьбоносные периоды армянской истории – возрождение армянской государственности в форме Первой Республики, политико-экономическое и культурное становление Второй (Советской) Республики и, наконец, рождение Третьей Республики, идущей по пути независимого развития вот уже более 10 лет.

Не сомневаюсь, что особый интерес представят оценки и точки зрения докладчиков по различным аспектам армяно-русских отношений этого периода.

Праздник 200-летия МИД России – это одновременно и праздник нашей, армянской дипломатии, праздник МИД Армении, народ которой исторически связывал свое будущее с русским народом, а в новых условиях установил и развивает с Россией надежные союзнические отношения, прочные узы стратегического сотрудничества как в сфере политики, так и экономики.

Желаю участникам Конференции всяческих успехов в работе.

Рассматриваю Конференцию, проводимую под непосредственной эгидой Российско-армянского (Славянского) Государственного Университета, как весомый вклад в дело упрочения отношений дружбы и братства между Арменией и Россией, между армянским и русским народами

К 200 - ЛЕТИЮ МИД РОССИИ

Мелихов И. А.

Дорогие друзья! Оглашенное приветствие Игоря Сергеевича Иванова является, безусловно, выражением сердечной признательности Российско-Армянскому (Славянскому) государственному университету, Министерству иностранных дел Республики Армения за их усилия в организации настоящего форума, наглядно демонстрирующего традиционные узы дружбы, глубокой взаимной симпатии и сотрудничества между народами наших стран.

Нынешний год является юбилейным в истории становления и развития единой системы органов исполнительной власти России.

Как уже отмечал Анатолий Матвеевич Дрюков, наш посол в Республике Армения, 200 лет назад 20 сентября (по новому стилю) 1802 г. император Александр I издал Манифест об образовании первых восьми российских министерств, включая Министерство иностранных дел. Появление МИД в качестве головного ведомства, ответственного за разработку и осуществление внешней политики России, послужило важным фактором в отстаивании отечественных интересов в международных делах, в развитии многоплановых связей с внешним миром, в формировании российской дипломатической службы.

Разумеется, Манифест Александра I не определяет возраст российской дипломатической службы. К моменту создания МИД она уже прошла большой исторический путь, исходной точкой которого, как считают современные российские ученые, явилось подписание в 860 г. договора о Мире и любви между древней Русью и Византией. В середине XVI в. в России появилось и свое внешнеполитическое ведомство – Посольский Приказ. В 1720 г., на волне реформ Петра Великого, его сменила Коллегия иностранных дел, продолжавшая существовать параллельно с министерством и в первой трети XIX в. В чем смысл нынешнего юбилея? Ответ на него очевиден, хотя и неоднозначен. Дело в том, что юбилеи происходят тогда, когда они происходят. О них можно забыть, но не отложить. Отличительная черта российских демократических реформ – возвращение исторической памяти, попытка, выражаясь языком Шекспира, «восстановить нарушенную связь времен». В этом смысле обращение в связи с юбилеем к богатейшему историческому опыту, накопленному отечественной дипломатией – уникальная возможность для осмысления, а порой и переосмысления геополитических императивов российской внешней политики применительно к изменившимся условиям, к новой демократической самоидентификации России.

Мероприятия в связи с 200-летием весьма разнообразны по своему характеру и субстантивному наполнению. Причем они, как это следует из сегодняшнего примера, проходят не только в самой России, но и за ее пределами – в ближнем и дальнем зарубежье. Центральным мероприятием было, безусловно, состоявшееся в июле сего года Совещание послов с участием президента В. В. Путина, который определил конкретные цели и задачи российской дипломатической службы. Важным практическим шагом по воссозданию истории российского внешнеполитического ведомства явилось образование внутриминистерского музея – Центра истории российской дипломатии. Наряду с огромной познавательной ролью Центр выполняет благородную морально-нравственную миссию в плане утверждения уважительного отношения к нашим коллегам-предшественникам, радевшим за интересы Отечества, что особенно важно для начинающих дипломатов. Ярким проявлением такого подхода явилось и восстановление (при инициативном участии Министерства) захоронения во Владимирской области первого министра иностранных дел России – А. Р. Воронцова. 8 сентября сего года туда выезжали И. С. Иванов и представители руководства Министерства. На могилу А. Р. Воронцова,

находящуюся в храме его родового имения, были возложены цветы. Нами предприняты практические шаги по восстановлению захоронения министра иностранных дел А. Чарторыйского, поляка по происхождению, похороненного в городе Синява Краковского Воеводства.

Мемориальные мероприятия были проведены российскими посольствами и консульствами и в тех странах, где похоронены российские дипломаты. Фактически впервые официальными российскими представителями, каковыми являются послы, были возложены цветы на могилы бывших министров Милюкова (в Париже), Сазонова (в Ницце), Терещенко (в Монако), Румянцева (Гоби). Приведены в порядок захоронения советских министров и видных дипломатов на Новодевичьем кладбище в Москве. Совместно с российскими учеными историко-документальный департамент МИД России проделал многотрудную, в некотором смысле уникальную работу, подготовив к изданию трехтомник «Очерки истории МИД России. 1802-2002 гг.». Рассчитываем, что он будет опубликован в следующем месяце.

Важными мероприятиями в контексте 200-летия Министерства явились: организованная весной этого года в МГИМО научно-практическая конференция, на которой с докладом «Традиции российской дипломатической школы» выступил И. С. Иванов, выставка «Из истории российской дипломатии» в Государственном Историческом Музее, торжественная церемония открытия которой состоялась в сентябре сего года при участии представителей правительства, видных деятелей науки и культуры. Показателем высокого интереса к этой экспозиции, многие экспонаты которой никогда раньше не выставлялись, служит тот факт, что на выставке аккредитовались 63 журналиста.

Весьма представительные мероприятия в связи с 200-летием проходят за рубежом. Базовые выставки развернуты в большинстве загранучреждений. В ряде случаев они организовывались при активном участии страны пребывания, например, Австрии, Ирана, Уругвая, Японии, Болгарии и других стран.

Проводятся научно-практические конференции, круглые столы, торжественные заседания и приемы, публикуются приуроченные к юбилею материалы из СМИ.

Дорогие друзья, отмечая юбилей МИД России, мы обращаем свои взоры к дружественным народам, с которыми в течение длительного исторического периода совместно отстаивали свои общие интересы в международных делах. Мне особенно приятно говорить об этом здесь, в Ереване, административно-политическом и культурном центре армянского народа, с которым мы связаны историческими узами.

Первые контакты Армении и Древней Руси прослеживаются с давних пор, по крайней мере с XII в. К этому времени с армянского языка на русский уже было переведено «Житие Григория Просветителя», а с русского на армянский – «Житие Бориса и Глеба». Характерно, что уже в этот период торговый путь с юга через Персию к Белому морю назывался «Армянской дорогой».

Историческая наука пришла к выводу, что уже в конце X в. в Древней Руси появилась первая армянская община. Это было связано с женитьбой князя Владимира Святославича на сестре византийского императора Василия II, по происхождению армянина. Впоследствии армянская колония возникла и в Великом Новгороде. Армянские воины неоднократно приглашались русскими князьями для участия в борьбе с половцами. Слава армянских лекарей на Руси была столь значительна, что им было доверено лечение князя Владимира Мономаха. В свою очередь, русский художник Фрол расписывал городской храм армянской столицы Ани. На крышке мраморного саркофага Ярослава Мудрого изображены буквы армянского алфавита.

Таким образом, наши народы знали друг друга и успешно взаимодействовали задолго до того, как на политической карте Евразии появились многочисленные государственные образования.

Российско-армянские связи особенно окрепли при Петре I. Уже тогда известный армянский политический деятель Исраэл Ори представил русскому царю план освобождения своей страны, сопроводив его словами: «Нет у нас иной надежды, мы надеемся на Бога и твою страну». Петр I взял армянских купцов под особое покровительство, которое в дальнейшем на протяжении всего XVII – первой половины XIX вв. подтверждалось царскими грамотами.

Сейчас народы наших стран приближаются к важной юбилейной дате – 175-летию официального оформления вхождения Восточной Армении в состав России.

Этот акт, зафиксированный в качестве одного из условий русско-персидского Туркменчайского мирного договора, явился венцом длительной совместной борьбы армянского и русского народов. Армяно-русское единение было сцементировано такими именами, как Исраэл Ори, Петр I, Иосиф (Овсеп) Эмин, Александр Грибоедов. Оно сыграло прогрессивную роль в развитии армянской государственности, политической и общественной жизни обоих наших народов.

Друзья, наши народы были вместе на протяжении длительной истории. Мы и сейчас, в постсоветский период, объединены тесными многопрофильными связями, приверженностью общим идеалам и традициям, глубокими взаимными симпатиями. Сегодняшняя встреча – новое тому подтверждение.

Желаю дружественному армянскому народу благополучия и процветания.

В заключение хотел бы передать в дар Российско-Армянскому государственному университету двухтомный сборник. Это документы и материалы, посвященные присутствию России в Святой Земле.

Двухтомник был опубликован в связи с 2000-летием христианства и 1000-летием присутствия российского посольства в Иерусалиме.

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

АРМЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В. (НЕКОТРЫЕ АСПЕКТЫ)

Мелконян А. А.

Армяно-русские политические контакты вышли на качественно новый уровень в начале XVIII в., когда выдающийся деятель армянского освободительного движения Исраел Ори, окончательно разочаровавшись в политике западноевропейских стран в отношении мусульманоподданных христианских народов Востока, с целью их освобождения обратился за помощью к российскому правительству.

Общеизвестно, что этот период принято считать началом формирования пророссийской политической ориентации армянского народа. Без сомнения, после этого восточнокавказская политика России приобрела более целеустремленный и целенаправленный характер. Не случайно, что российский император Петр I в начале XVIII в. организовал ряд посольств в Иран во главе с Исраелом Ори, Артемием Волынским и Минасом Тиграняном. После определенной разведывательной деятельности в 1722 г. последовал Каспийский поход, который хотя и не принес успеха России, но способствовал оживлению национально-освободительного движения в Арцахе, Сюнике и Восточной Грузии.

Во второй половине XVIII в. российская внешняя политика на Кавказе добилась более ощутимых успехов. Подписание Георгиевского трактата в 1783 г., в силу которого Восточно-грузинское царство перешло под протекторат России, стало началом военно-политического утверждения Российской империи в Закавказье. Эта политика приняла более активный и действенный характер с конца XVIII в., когда были организованы новые военные походы русских войск в Закавказье, и в 1801 г. по манифесту Александра I Восточная Грузия вошла в состав Российской империи.

Именно этот переломный период совпадает с датой создания Министерства иностранных дел России. История показала, что по сравнению со старыми петровскими коллегиями, министерства оказались более эффективными ведомствами, соответствующими духу времени. Об этом свидетельствуют многочисленные исторические документы, хранящиеся в различных архивах, особенно в Архиве Внешней Политики России (АВПР), Российском Государственном Военно-историческом архиве (РГВИА), Российском Государственном Историческом Архиве (РГИА) Санкт-Петербурга, а также различных архивных учреждениях Грузии и Армении. Эти документы освещают восточную политику Российской империи в Турции, Иране и других странах, отношение российского правительства к христианским народам, в том числе и к армянам.

Сохранился богатый архивный материал о деятельности не только российских посольств в Константинополе и Тегеране, но и дипломатических представительств-консульств в разных городах Западной Армении и других армянонаселенных регионах. Исключительное значение для исследования истории Армении имеют архивные фонды: ф. "Посольство в Константинополе" АВПР, ф. 450 "Турция" РГВИА, ф. 2 "Главнокомандующий в Грузии", ф. 11 "Дипломатическая канцелярия наместника Кавказского" ЦГИАГ и другие.

Что характерно для внешней политики России в Закавказье в этот период? Как в армянской, так и в российской историографии неоднократно отмечалось, что активизация российской внешней политики на Кавказе объективно совпадала с национально-освободительными чаяниями армянского народа, особенно в деле консолидации армянского этнического элемента в Восточной Армении со всеми ее положительными политическими, социально-экономическими и культурными последствиями. В принципе соглашаясь и придерживаясь этой точки зрения, тем не менее хотелось бы привлечь внимание к некоторым аспектам внешнеполитического курса России, сыгравшим отрицательную роль в успехе ее политики на Кавказе.

Несомненно, в отличие от Коллегии иностранных дел, МИД России вел более четкую и определенную политику, целью которой было утверждение российского господства в Закавказском регионе. В то же время, надо отметить несогласованность и нескоординированность общей политики как МИД-а, так и местных военных властей на Кавказе. Заметим также, что политику на Кавказе часто диктовало не столько

внешнеполитическое ведомство империи, сколько главнокомандующие, а впоследствии и кавказские наместники. Так что не случайно, что иногда эти подходы не только не совпадали с общей внешнеполитической линией правительства, но даже противоречили ей. Приведем лишь некоторые примеры.

После присоединения Восточной Грузии МИД России предложил концепцию более осторожной политики в отношении Османской империи, имея целью присоединение территорий Восточной Армении, входящих в состав Персии. Однако главнокомандующий на Кавказе князь П. Цицианов пошел на обострение отношений с Турцией, с целью присоединения к империи также Ахалцихского пашалыка1, в результате чего Россия оказалась в состоянии войны с обеими соседними державами. Подобные случаи повторялись и в периоды правления генералов Тормасова, Ермолова, Паскевича и других.

Главнокомандующие на Кавказе, особенно в периоды военных действий, диктовали политику в малоизученном для России регионе, а МИД-у России оставалось только принимать во внимание сложившиеся внешнеполитические обстоятельства. Данный подход наиболее характерен для правления фельдмаршала графа И. Ф. Паскевича-Эриванского. При определении границ на юге в первую очередь принимались во внимание именно его предложения и рекомендации, особенно в вопросе определения южной границы Восточной Армении с Персией (согласно условиям Туркменчайского договора). Однако после военных успехов графа Паскевича в Западной Армении, при заключении Адрианопольского мира МИД России вместе с царским правительством решили перейти к своим непосредственным функциям — определению новых государственных границ и отношений с южными соседями, не считаясь при этом с интересами Российской империи. Если главнокомандующий считал необходимым присоединение Карса, Баязета и Эрзерума к России как важнейших стратегических пунктов, то МИД России, а также начальник Генерального штаба И. Дибич, не ставя в известность Паскевича, заключили мир, который предусматривал возврат Турции приобретенных силой русского оружия земель Западной Армении. В результате этого армянское население, так много сделавшее для успеха русского оружия, оказалось перед реальной опасностью физической расправы со стороны турецкого правительства.

К сожалению, приоритетность балканской политики по сравнению с кавказской и западноармянской во внешнеполитической линии российского МИД-а проявлялась в течение всего XIX в. и в начале XX в. При этом надо особо отметить, что данная линия проводилась не только в территориальных вопросах, но и в демографической политике. В армянской историографии, особенно советского периода, преобладал подход, согласно которому Россия в своей политике в отношении турецкоподданных народов всегда отдавала предпочтение армянам и опиралась на их поддержку, особенно в ходе военных действий. Отметим, что хотя этот подход имеет основания, тем не менее однозначно утверждать об этом нельзя.

Так, например, несмотря на то, что император Александр I в своих рескриптах и указах главнокомандующим на Кавказе не раз отмечал необходимость тонкой и особой политики в отношении армян как преданного России этнического элемента2, русские военачальники продолжали в первую очередь уделять внимание привлечению на свою сторону племен курдов, туркменов, карапапахов, лазов и кавказских татар, при этом не считаясь со значительными материальными затратами и дипломатическими усилиями3. Общеизвестен тот факт, что сумма в 380 тыс. руб. серебром, затраченная на переселение западных армян в 1830 г. в Закавказье, была первоначально выделена царским правительством для привлечения на свою сторону курдских племен. Эта попытка как тогда, так и в будущем, потерпела провал, так и не став уроком для некоторых политиков. Думаю, что уместно по этому поводу провести историческую параллель с сегодняшней действительностью. Несмотря на то, что Армения является главным военно-политическим союзником России в Закавказье, тем не менее малейшие реверансы других государств в сторону Москвы часто приводили и приводят к кардинальному пересмотру всей кавказской политики Кремля.

Хочу обратить внимание также на некоторые аспекты демографической политики России, которым исследователи и политики уделяли мало внимания или давали одностороннюю оценку. Ни для кого не секрет, что в результате демографической политики Российской империи в конце 20-х и начале 30-х гг. XIX столетия Восточная Армения приобрела свой прежний этнический (армянский) облик. Однако почему-то умалчивается, что недальновидная политика царского правительства часто противоречила интересам христианского населения и приводила к опустошению целых областей Закавказья и Западной Армении. Обратимся к фактам.

С целью оживления экономической жизни опустошенной Лорийской (Южно-Борчалинской) области, входившей до этого в состав Восточной Грузии, российские военные власти в начале XIX в. не раз организовывали депортации армянского населения из соседних регионов, принадлежащих Турции и Персии. В результате действий главнокомандующих Цицианова, Тормасова, Паулуччи территории Ереванского ханства, Ахалцихского и Карского пашалыков лишились части своего коренного армянского населения. Только в ноябре 1810 г., после неудачной осады Ахалцихской крепости, генерал Тормасов насильственно переселил 1500 христианских семей со всем своим движимым имуществом в Лори и окрестности Тифлиса, не обеспечив их необходимыми средствами, в результате чего многие семьи погибли или рассеялись. Сам Тормасов писал царю,

что он так разорил этот край, что врагу понадобится долгое время для его заселения и экономического восстановления4.

Аналогичная демографическая политика продолжалась и в ходе последующих русско-турецких войн. Когда к России перешли Восточная Армения и Ахалкалакский и Ахалцихский уезды, в основном потерявшие свою прежнюю этническую картину в результате недальновидной политики, они стали заселяться переселенцами уже из других районов Западной Армении — Карса, Баязета, Эрзерума и т. д. Так что Россия, в первую очередь, руководствовалась принципом заселения перешедших к ней территорий за счет населения соседних областей Западной Армении, входивших в тот период в состав Османской империи.

Мы убеждены, что откровенное обсуждение этих и многих других проблем даст возможность избежать исторических ошибок во имя дальнейшего развития армяно-русских многовековых связей, особенно на данный момент, когда наш регион стоит перед новыми испытаниями в результате кардинального изменения геополитической обстановки в Закавказье.

1. Акты Кавказской Археографической Комисии (АКАК). Т I. Тифлис, 1868. С. 342.
2. Там же. Т. II. С. 436.
3. ЦГИА РА, ф. 342, оп. 1, д. 2, лл. 1-1 об.
4. АКАК. Т. IV. Тифлис, 1870. С. 813.

ИДЕЯ АРМЯНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ (XVIII-XIX вв.)

Мурадян М. А.

Во второй половине XVII в. на арену европейской политики вступила Россия. С этого периода начинается политическая переориентация деятелей армянского национально-освободительного движения с Западной Европы на Россию, и, соответственно, освобождение Армении и восстановление национальной государственности постепенно связывается с русским государством. Всесторонний анализ международных отношений, соотношения сил в мировой дипломатии, внешней политики великих держав, свидетельствуют о зрелости армянской политической мысли. В переломные моменты истории наблюдается всплеск политической мысли, выдвигаются и разрабатываются насущные внешнеполитические задачи, имеющие определяющее значение в исторических судьбах народов.

Проблему восстановления армянского царства Россия, естественно, рассматривала в общем контексте своей восточной политики. Русское государство установило политические контакты с деятелями армянского освободительного движения 60-70-х гг. XVII в. С русской стороны переговоры вел крупный дипломат — глава Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин, который, по оценке В. О. Ключевского, был "самый замечательный из московских государственных людей XVII в."1. А. Л. Ордин-Нащокина "англичанин Колинс прямо называет великим политиком, который не уступит ни одному из европейских министров"2. Именно он принял в Москве представителя армянской торговой компании Новой Джуги купца Григора Лусикенца, вел с ним не только переговоры относительно подписания торгового договора, но и затронул вопросы внешнеполитического характера. По свидетельству С. М. Соловьева, Ордин-Нащокин в мае 1667 г., учитывая интересы армянских купцов, составил торговый договор. Он, по просьбе армян, утвердил агентом компании англичанина Брейна, который обязывался послать своих верных людей в Астрахань, Новгород, Архангельск и другие "порубежные города", верно и честно служить армянской торговой компании, русскому царю и его боярам3.

После А. Л. Ордин-Нащокина Посольский приказ возглавил Артамон Матвеев, который в 1673 г. подписал второй торговый договор с армянами. В связи с этим интересно отметить, что голландский посланник в России "Фан-Кленк сделал предложение, чтоб позволено было голландцам торговать с персиянами в России и пропустить персиян через Россию с шелком-сырцом в Голландию". Однако русские решили отказать голландцам, считая, что "лучше всего оставить прежний второй договор с армянами"4. Для такого решения немаловажную роль сыграл политический фактор: формирование прорусской ориентации в армянском освободительном движении.

Кроме того, в этот период Эчмиадзинский католикос Акоп Джугаеци обратился к русскому царю Алексею Михайловичу, чтобы он "соблаговолил оказать поддержку" армянам. В письме католикоса подчеркивается, что "русская власть в глазах персов имеет великое значение и в случае посредничества царя,

возможно, они не будут мучить тех (т. е. армян - М. М.), которые к нему направили свои взоры"5. Аналогичное прошение отправил царю Гандзасарский (Арцахский) католикос Петрос. О возрастающей международной роли и военно-политической силе России свидетельствовало приглашение войти в "Священную лигу". "Священная лига" была создана в 1684 г., когда против Османской империи объединились Австрия, Венеция, Речь Посполитая. После заключения "Вечного мира" с Польшей в 1686 г. Москва разрывает отношения с Турцией и Крымом, отказывается от Бахчисарайского договора 1681 г. и вступает в союз, направленнный против султана и его вассала — крымского хана. Этим Россия значительно активизирует восточное направление своей внешней политики и проявляет соответствующий интерес к армянам.

Антитурецкая направленность "Священной лиги", участие России в этом союзе, с одной стороны, объясняют, почему на этом этапе освободительной борьбы армянские деятели ориентировались на Европу, с другой — неизбежность прорусской политической ориентации. Особое место в разработке и реализации программ по восстановлению армянской государственности принадлежит XVIII столетию. В периоды царствования Петра I и Екатерины II эта политическая проблема выдвигается на первый план, возводится в ранг русской государственной политики. Начиная с петровской эпохи Армения занимает самостоятельное место во внешней политике России, а армянский народ вскоре становится ее союзником в борьбе против султанской Турции и шахской Персии.

Русские государственные, военно-политические деятели и дипломаты понимали, что армянский народ, ориентируясь на Россию, главным образом желает восстановить национальную независимость и государственность под покровительством могущественных российских монархов. Российская дипломатия эту проблему рассматривала на фоне русско-армянских военно-политических отношений, в свете борьбы армянского народа против чужеземного господства. Дальновидные и трезвомыслящие русские политики справедливо считали, что программы армянских деятелей значительно способствуют осуществлению внешнеполитических задач Российской империи. В этом смысле важное политическое значение имело прибытие в С.-Петербург родоначальника прорусской политической ориентации армянского освободительного движения Исраела Ори, с которым официальные переговоры вели опытнейший дипломат петровской эпохи, руководитель Посольского приказа Ф. А. Головин, переводчик и видный политический деятель Н. С. Милеску.

Огромное политическое значение имела аудиенция И. Ори у русского царя. Исраел Ори сообщил им о цели своего приезда в Москву, рассказал, что приехал после 20-летнего пребывания в Западной Европе, по совету и с рекомендательным письмом курфюрста Пфальца Иоанна Вильгельма, сообщил о согласии курфюрста и австрийского императора Леопольда I оказать всемерное содействие в восстановлении армянского государства, вместе с тем, они признавали важное значение России и решающую роль русского царя. Более того, Иоанн Вильгельм, учитывая реальную международную обстановку и соотношение военно-политических сил, настоятельно советовал обратиться к Петру I и выразил твердое убеждение, что без активной военной помощи России невозможно осуществить программу восстановления армянской государственности.

Исраел Ори предоставил рекомендательные грамоты австрийского императора и пфальцского курфюрста, а также послание армянских меликов. Продолжительность переговоров (1701-1703 гг.) на столь высоком уровне свидетельствует о желании русского правительства всесторонне обсудить вопросы, поднятые Исраелом Ори. В письме к Петру I Ори писал: "Без сомнения, Вашему царскому величеству известно, что в Армянской земле в старину был король и князья христианские, а потом от несогласия своего пришли под иго неверных. Больше 250 лет стонем мы под этим игом, и как сыны Адамовы ожидали пришествия мессии, который бы избавил их от вечной смерти, так…. наш народ жил и живет надеждою помощи от Вашего царского величества. Есть пророчество, что… придет из августейшего московского дома великий государь, превосходящий храбростью Александра Македонского, он возьмет царство армянское и христиан избавит. Мы верим, что исполнение этого пророчества приближается".

"Орию, - пишет С. М. Соловьев, - было объявлено, что царское величество принимает его предложение благоприятно, начать и совершить предприятие не отрицается, только не теперь, потому что теперь идет война шведская и начинать другую войну трудно, а когда шведская война кончится, то освобождение армян будет предпринято непременно"6. Россия могла оказать только дипломатическую помощь в смысле давления на шахский двор для облегчения положения армян. Но важно то, что и в политическом, и в военном смысле русское правительство еще в 1701—1703 гг., несмотря на сложность международного положения и первые серьезные неудачи, не отвергло предложения армян, а потребовало обстоятельного письменного изложения их требований и программу действий для их освобождения. Более того, Ори в чине полковника русской армии с дипломатической миссией был отправлен в Персию под видом папского посланника, но умер на обратном пути в Астрахани.

Петр I, учитывая письма армянских католикосов Гандзасара и Эчмиадзина, в которых вновь подчеркивалась политическая ориентация на Россию, откликнулся новой грамотой — "Императорская милость и приветствие честному армянскому народу", которую в Гандазасар доставил армянин Иван Карапет. Затем 10

ноября 1724 г. император всероссийский официально заявил: "Мы… Армянский народ в особливую нашу императорскую милость и протекцию приняли".

Однако Петр I не завершил удачно начатый после победоносной Северной войны (1700—1721 гг.) Каспийский поход. В 1723 г. Петр I заключил договор с Персией, а в 1724 г. — с Турцией, вызвав большое разочарование среди армянского народа, особенно повстанцев Арцаха и Сюника, которые с нетерпением ждали военно-политической помощи от России. Петр I отложил свой поход на более благоприятное время, но смерть, последовавшая в 1725 г., не позволила ему организовать новый, столь необходимый для армянской национально-освободительной борьбы, поход. "Если бы Богу, - пишет Карапет Езян (Эзов), - угодно было продлить жизнь Петра, судьба прикавказских стран и народов была бы иная"7 .

Таким образом, восточная политика России объективно совпадала с освободительными устремлениями армянского народа, поэтому получила широкую поддержку среди всех слоев нации. Вполне закономерно, что уже при Екатерине II во внешней политике империи были предприняты более или менее конкретные шаги по восстановлению армянской государственности под эгидой России. Преемственность российской дипломатии в восточной политике была исторически необходимой, поскольку исходила также из национально-государственных интересов России.

Идея восточного "барьера" или создания в Закавказье, под протекторатом России, армянского государства стала основной с начала 80-х гг. XVIII в. Следует указать на еще один факт — в этот период закладываются основы возникновения Восточного вопроса, который в XIX столетии стал одним из узловых в летописи мировой дипломатии. Вместе с тем, о проектах восстановления армянской государственности Шаамира Шаамиряна и Овсепа Аргутяна были осведомлены Григорий и Павел Потемкины, Александр Суворов, Александр Безбородко, которые действовали в этом направлении с ведома и согласия великой императрицы. "Армянский дом (парламент), - подчеркивается в программе Шаамиряна, - признает Российскую империю как своего освободителя и будет другом друзей императора и врагом его врагов. А великий император должен любить друзей Армении и ненавидеть ее врагов". Сроком на 20 лет на территории Армении остается русская войсковая часть, численностью в шесть тысяч человек. Армения становится независимым государством со своим посольством в С.-Петербурге. Согласно проекту Аргутяна, Армения должна была находиться под протекторатом России. Столицей страны должен был стать один из двух древних армянских городов — Ани или Эчмиадзин. В январе 1780 г. представители русского государства ведут переговоры с предводителем армянской епархии в России Овсепом Аргутяном и с известным представителем армянской освободительной мысли Ованесом Лазаряном. В переговорах принимал участие и великий русский полководец А. В. Суворов, который, как пишет Аргутян, "весьма обнадежил нас в том, что они намерены восстановить наше государство"8. Поэтому они были уверены, что Россия, учитывая свои внешнеполитические интересы, действительно хотела восстановить армянское царство под своим покровительством. "Нашей целью, - писал из далекой Индии другой деятель армянского освободительного движения и просветитель Мовсес Баграмян, - должно быть восстановление армянского государства и создание свободной Матери-Армении, где объединятся все рассеявшиеся по свету скитальцы-соотечественники. Для достижения этой цели не следует останавливаться ни перед какими жертвами. Мы должны восстановить границы своей родины, не затрагивая интересов других народов. Нет, мы не желаем ничего иного, кроме как получить лишь наше собственное и законное наследие, потерянное нами по неорганизованности и нерадивости. То, что потеряно нами по невежеству, мы обязаны получить обратно мудростью и храбростью"9. Национально-освободительная борьба — характерная черта политической истории армянского народа.

Российская дипломатия приступила к активным действиям по восстановлению армянской государственности после присоединения Крыма (1783г.), но фактически отказалась от них, когда началась вторая русско-турецкая война во второй половине XVIII в. Об этом свидетельствуют сообщения светлейшего князя Г. Потемкина императрице, его официальная переписка с будущим канцлером А. Безбородко, инструкции генерал-поручику П. Потемкину, полковнику В. Томаре (Тамаре), переговоры с представителями Али Мурат-хана, одного из претендентов на персидскую корону.

Вначале русское правительство хотело решить вопрос восстановления армянского царства военным путем, однако сложившаяся обстановка в Персии вселила надежду осуществить ее политическими и дипломатическими способами. В это время в Персии началась борьба за шахскую корону, в которой вначале успех сопутствовал Али Мурат-хану. Однако он понимал, что для этого необходимо заручиться поддержкой могущественной русской императрицы. Российская дипломатия сочла возможным воспользоваться благоприятной для России политической обстановкой. Князь Г. Потемкин направил в Исфаган для переговоров с Али Мурат-ханом или с его министрами полковника В. Тамару, чтобы убедить их принять предложения России относительно Армении.

Последнему предстояло убедить Али Мурат-хана в том, что отношение России к Армении не противоречит интересам Персии, ибо шахская власть может быть сильной и монолитной лишь в том случае, если она будет состоять только из персов. Таким образом, исходя из наставлений Г. Потемкина, русской

дипломатии следовало внушить Али Мурат-хану, что интересы Персии требуют как можно скорее признать отделение Восточной Армении от шахской державы.

Такая тактика русской дипломатии на первый взгляд выглядела чуть ли не наивной и нереальной, но в создавшихся конкретных условиях, когда Али Мурат-хан остро нуждался в военно-политической поддержке, она в целом была оправдана, ибо сложившаяся политическая обстановка сама давала надежду на успешное решение вопроса мирным, дипломатическим путем. Более того, Али Мурат-хан искал у России не только помощи для утверждения на шахском престоле, но и для защиты от турок. Поэтому он склонялся к тому, чтобы уступить России Карабах, Карадаг, Нахичеванскую и Ереванскую области.

В письме к императрице Г. Потемкин отмечает, что Али Мурат-хан ищет союза с Россией, и если ее императорское величество согласится признать его шахом, то можно будет добровольно отделить Персидскую Армению. Эту идею Г. Потемкин развивает и в письме к А. Безбородко. Потемкин и Безбородко стремились убедить Али Мурат-хана, что создание армянского государства в интересах самой Персии и по той причине, что в качестве самостоятельного царства Армения стала бы буферным государством между Персией и Турцией. Поэтому Безбородко предлагал получить согласие хана на добровольную уступку Армении и тех армянских земель, которые будут завоеваны Али Мурат-ханом в случае войны с турками, и заключить оборонительный союз против Турции.

Таким образом, русская дипломатия хотела восстановить армянское царство, не только сохраняя дружественные отношения с Персией, но и с ее помощью присоединить к Армении ее исконные земли, которые находились под игом Турции. В этой связи небезынтересно свидетельство русского военного историка В. Потто, что всемогущий князь Г. Потемкин стремился сделаться царем восстановленной Армении, которая должна была граничить с Персией, Турцией и Россией и иметь порт в Каспийском море, и что он заказал в Индии и в Китае богатую фарфоровую посуду с золотыми гербами древних армянских царей10. Обсуждался даже церемониал коронования нового армянского царя в Эчмиадзине, новый герб Армении, учреждение армянских государственных орденов11 .

Русское правительство готовилось восстановить армянское государство на исконно армянской земле и Карабах (Арцах) и Карадаг превратить в армянскую, ни от кого, кроме России, независимую область, дабы, подражая карабахским армянам, прочие сильные армянские провинции следовали их примеру и могли бы, наконец, восстановить в Азии христианское государство12. Хотя исторические источники и официальные документы неопровержимо свидетельствуют, что Арцах являлся исконно армянской землей, тем не менее, вопреки этому, грубо фальсифицируя исторические факты, азербайджанские историки проблему Нагорного Карабаха освещают в кривом зеркале, с помощью лжи и клеветы хотят "доказать" недоказуемое, а их политическое руководство - "осуществить" неосуществимое.

Разумеется, внешнеполитическая линия Российского государства на восстановление армянского царства полностью соответствовала чаяниям армянских общин России. Русская дипломатия учитывала враждебную позицию Порты в отношении Армении. Турция хотела не только увековечить тяжелое иго западных армян, но и помешать восстановлению армянской государственности на территории Восточной Армении. Таким образом, политика Османской империи и на данном этапе истории была направлена как против России, так и против всего армянского народа.

Русские историки П. Бутков и Т. Юзефович полагали, что проект восстановления армянской государственности был вполне осуществим в условиях благоприятной международной обстановки. "Среди планов Великой Екатерины, - писал Юзефович, - значительное место занимала мысль об основании сильного христианского Грузино-Армянского царства в пределах Персии и части Азиатской Турции"13 .

Однако замыслы бескровного восстановления армянской государственности не осуществились, ибо скончался Али Мурат-хан, а борьба за персидскую корону закончилась победой другого претендента — Ага Магомет-хана, занявшего явно воинствующую позицию по отношению к России. А это означало, что идея восстановления армянской государственности мирным путем осталась лишь на бумаге, как сокровенная мечта деятелей армянского освободительного движения. Война с Турцией окончательно отвлекла силы России: стремление окончательно утвердиться на Черном море стало первоочередной внешнеполитической задачей империи. После заключения мира с Турцией в Яссах (1891г.) дело об освобождении Армении по рескрипту Екатерины II было поручено графу Валериану Зубову. Но смерть Екатерины II, незавершенный персидский поход Зубова оставили открытым вопрос о восстановлении армянской государственности. Было ли это последовательной и целеустремленной внешнеполитической линией или это мотивировалось тактическими соображениями, неизвестно, тем более что с начала XIX в. внешняя политика России в отношении Армении претерпела существенные изменения. Хотя вопрос был снят с повестки дня, тем не менее сама идея и особенно конкретные военные и дипломатические шаги к ее осуществлению, безусловно, оставили свой положительный след. Эта идея продолжала воодушевлять армянский народ на борьбу за восстановление своей государственности.

Манифестом от 18 января 1801 г. император включил Грузию в число русских областей (по завещанию последнего грузинского царя Георгия XII). Этот политический акт был окончательно закреплен новым Манифестом от 12 сентября 1801 г., в котором император Александр I официально объявил о присоединении Восточной Грузии к России. Такой принципиально новый внешнеполитический курс обусловлен следующими военно-политическими факторами. Во-первых, русское правительсто не ожидало такой слабости со стороны Грузии во время варварского нашествия Ага-Магомет-хана. Во-вторых, после того, как Восточная Грузия вошла в состав Российской империи, восстановление самостоятельного армянского государства под покровительством России потеряло смысл. В-третьих, с точки зрения русских политических, государственных и военных деятелей Грузия и Армения, как самостоятельные государства, не смогли бы выполнить функции барьера на южных рубежах империи, что и стало главной причиной изменения внешнеполитического курса России. Эта новая линия во внешней политике русского государства была заметным отступлением от прежних замыслов. По Туркменчайскому договору (10 февраля 1828 г.) к России были присоединены бывшие Ереванское и Нахичеванское ханства и Ордубадский район. 20 марта 1828 г. император Николай I утвердил этот договор, а 21 марта подписал указ об образовании Армянской области. Царское правительство рассматривало Армянскую область лишь как территориальную единицу, входящую в состав империи. Тем не менее присоединение Восточной Армении к России имело прогрессивное значение в исторических судьбах армянского народа.

Известный немецкий ученый XIX в. барон Август фон Гакстгаузен также считал присоединение Восточной Армении к России положительным историческим событием. К такому выводу он пришел в результате тщательного изучения истории армяно-русских политических отношений. Немаловажное значение имели также его встречи и близкое знакомство с автором бессмертного исторического романа "Раны Армении", великим просветителем-демократом Хачатуром Абовяном и с крупным деятелем армянского освободительного движения Нерсесом Аштаракеци. "Абовян, - отмечал Гакстгаузен, - был один из тех благородных, рассудительных и правдивых людей, которых мы редко встречаем в жизни. Армяне смотрели на преобладание русских не как на завоевание, но как на желанное освобождение. Это народ истинно и верно привязанный к России"14. По глубокому убеждению автора, после присоединения Восточной Армении к России будут созданы все необходимые условия для дальнейшего развития армянского народа. "Родина этого народа ныне присоединена к государству европейски образованному, все духовные силы народа могут свободно развиваться. Европа для него открыта, и потому он может участвовать в общем просвещении". Таким образом, Гакстгаузен справедливо полагал, что Россия с ее политическим строем, экономическим и культурным уровнем развития стояла выше Персии и Турции, что исторически обусловило прогрессивное значение присоединения Восточной Армении. "Историческая миссия России состоит в том, чтоб дать армянам возможность духовного развития, к которому они давно уже стремятся"15. В подтверждение своей мысли он упоминает открытый в Москве Лазаревский институт — крупнейший культурный центр армянского народа.

Именно на этой небольшой территории впоследстжии были образованы три армянские Республики, каждая из которых внесла свой вклад в процесс полного восстановления и дальнейшего развития армянской государственности. Поэтому, на наш взгляд, исторические корни и политические истоки восстановления армянской государственности следует искать именно в важнейшем акте присоединения Восточной Армении к России.

На современном этапе военно-политические отношения между Российской Федерацией и Республикой Армения приобрели существенно новый характер, они развиваются плодотворно и взаимовыгодно, на качественно новом уровне, как суверенные государства и равноправные субъекты международных отношений и международного права. Историческая истина заключается в том, что сильная РА, свободное и независимое существование НКР созвучны стратегическим интересам России, а политическое могущество, военная мощь, экономическое процветание РФ — серьезная гарантия, важный компонент, главный фактор безопасности РА.

1. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 3. Сочинения. Т. 3. М., 1957. С. 334.
2. Там же. С. 340.
3. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М. 1961. Кн.6 (тт. 11-12). С.566.
4. Там же. С. 239.
5. Из истории вековой дружбы. М., 1983. С. 18.
6. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн.9 (тт. 17-18). С. 387-390.
7. Эзов Г. А. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898. С. LXXIV.
8. История армянского народа. Ереван, 1980. С. 171.
9. Там же. С. 180

10. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках эпизодах, легендах и биографиях. Т.3. Персидская война 1826-1828 гг. Вып. 4-й. СПб., 1887. С. 718.
11. "История Армении" / составил Абаза В. А. СПб., 1889. С. 99-100.
12. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Ч. 2. С. 142.
13. Юзефович Т. П. Договоры России с Востоком. СПб., 1869. С. XIV.
14. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. Путевые впечатления и воспоминания Барона Августа фон Гакстгаузена. СПб., 1857. Ч. 1. С. 170, Ч. II. С. 20.
15. Там же. С. 35.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ “НОВОЙ” ГРАНИЦЫ РОССИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (1808-1810 гг.)

Тунян В. Г.

Политика России на Южном Кавказе в начале XIX в. остается одним из малоизученных отрезков исторического процесса, фрагментарно представленным в трудах отдельных историков1. Освещения требует совмещение ведомственных интересов, личностного фактора и процесса подготовки мирных договоров по присоединению Закавказья. Имеющиеся источники и архивные материалы позволяют расширить представления о ходе подготовки и воплощения политики самодержавия на южной окраине России.

В 1803 г. чиновник министерства иностранных дел П. М. Литвинов был направлен царем Александром I в Грузию для "облегчения трудов" главноуправляющего Кавказа П. Д. Цицианова. В Отношении министра внутренних дел от 21 сентября Цицианову указывалось: "Его Величеству не угодно было определить никакого наименования чиновнику сему, ни точного назначения служения ему"2. Рекомендовалось использовать его способности в сношениях с Персией и мероприятиях, требующих "доверенности". П. М. Литвинову вменялась обязанность резидента внешнеполитического ведомства на южной окраине России. Ему было доверено управление канцелярией главноуправляющего Кавказа. Успешное выполнение им поручений, ознакомление с местной обстановкой послужили основанием П. Д. Цицианову для ходатайства о назначении его правителем Грузии. 9 января 1806 г. П. М. Литвинов был утвержден в должности царём, учитывавшим "затруднения" главноуправляющего Кавказа П. Д. Цицианова в гражданской сфере управления Грузии и готовящегося к закреплению Южного Кавказа за Россией3. Спустя месяц П. Д. Цицианов был убит под Баку. В этих условиях ещё более возвысилось значение гражданской власти в закавказских владениях.

В 1808 г. П. М. Литвинов вернулся из Грузии. 4 июля он представил Александру I ряд записок: "О хозяйственных видах на Грузию, Имеретию и Мингрелию, как в пользу сих владений, так и для торговли с Россиею", "Сведения и замечания о Грузии, Имеретии и Мингрелии" и "О вредном обращении золотой и серебряной монеты для пользы Российского правительства, чиновников и частных россиян в Грузии живущих". Министру иностранных дел Н. Румянцеву была подана записка "Замечания о Персидских делах" в связи с отправлением на Кавказ новоназначенного главноуправляющего А. П. Тормасова, который мог на месте проверить предложения автора. Излагаемые меры по "улучшению состояния" Грузии затрагивали управленческую, экономическую, судопроизводственную и пограничную сферы. По воле царя Александра I их рассмотрение было поручено межведомственному комитету в составе министра внутренних дел А. Б. Куракина, главноначальствующего Кавказа А. П. Тормасова и П. М. Литвинова4.

"Сведения и замечания" состояли из двух частей, включая описание Имеретии и Мингрелии, представленные Литвиновым ещё 25 октября 1804 г. П. Д. Цицианову. В них говорилось о невостребованности и изобилии сырьевых ресурсов — фруктов, шелка, винограда, возможности улучшения сельского хозяйства, организации замшевых и сафьяновых заводов. Во второй части, — "политической", — составленной в 1808 г.5, затрагивались вопросы улучшения управления. Установление "тишины" в бывшем Карталино-Кахетинском царстве намечалось отозванием имеретинского царя Соломона I в Россию и присоединением его владений: "Пока царь там останется, до тех пор тишина внутренняя не будет в Грузии прочно основана"6. Предуматривалось включение в состав Российской империи Поти и Ахалциха, установление границы по реке Арпачай.

Записка "О вредном обращении золотой и серебрянной монеты..." была представлена 16 января 1807 г. главнокомандующему на Кавказе М. В. Гудовичу и министру финансов графу Васильеву. В ней утверждался факт потери достоинства червонца при обмене на грузинские абазы. Значительные потери вызвала переделка

полноценной рублевой монеты. Требовалось введение в Грузии русских бумажных знаков для обращения и оплаты труда служащих, как средства против обесценивания золотого червонца, вывозимого в Персию и Турцию для переделки в монеты местной чеканки.

Представленные в межведомственный комитет вышеназванные записки решали ряд задач: 1) создание единой системы управления закавказскими владениями России; 2) сближение по форме и устройству южной окраины к "пользам России"; 3) подготовка почвы для русских капиталистов с целью основания "новых отраслей хозяйства" и открытие транзитной торговли с Персией; 4) улучшение "состояния Грузинских дел".

Комплексный характер намеченных задач требовал прочной и устойчивой границы. В "Замечаниях о Персидских делах" обосновывалась необходимость определения естественной границы между Персией и Россией: "Излишне было бы доказывать, что безвыгодно для России приобретение границы, отделяемой сухопутною чертою из Персии". На Кавказе имеются две "природные" границы: "Первая есть северная сторона Кавказа по рекам Кубани и Тереку; вторая, естественная, идет по Куре, Араксу, Арпачаю и по реке Чорох, впадающей в Черное море у Батума. Коль скоро мы перешагнули через первую, должно утвердиться на последней". Смешанная водно-сухопутная граница предусматривалась "мимо озера Палакацио", через крепости Ардаган и Артвин до реки Чорох и "вдоль оной до Батумской крепости на Черном море". Включение Ахалцихского пашалыка мотивировалось необходимостью "продолжить границу от Каспийского моря до Черного". Такой представлялась новая граница, геополитически и экономически выгодная: "Тогда Кавказский край, определенный со всех сторон морями и реками, составил бы для России новое царство, многолюдное и изобилующее естественными произведениями, для упрочения коих нужно только приложить старание"7.

Политическими и экономическими соображениями представлена необходимость взятия Еревана: "1) Потому что входит в план новой границы; 2) Как скоро будет в руках наших первопрестольный армянский монастырь Эчмиадзин, влияние России распространится на всю армянскую нацию, рассеянную в Европе и Азии; 3) Богатые армянские дома переселятся в Российские владения из Персии, Турции и может быть из Ост-Индии, так как некоторые уже оказали желание выехать из Мадраса и поселиться в Грузии; 4) Со стороны турецких и персидских границ Ереван есть лучшее соборное место и депо для воинских снарядов, равно как и для съестных припасов. С малым исправлением на европейский образ, Ереванскую крепость можно почитать неприступною для азиатских войск"8.

Новый план границы Южного Кавказа Литвинов рассматривал с политической, экономической и военно-стратегической точки зрения. Прочная граница должна была стать залогом длительного господства России на всем Кавказе. Литвинов учитывал проекты предшественников, в частности, план графа В. Зубова об установлении державной границы по рекам Аракс, Кура и Риони, принятый Негласным комитетом и предписанный к исполнению Циციановым рескриптом Александра I от 26 сентября 1802 г.9 Сохранял свое значение и план царя Александра I, изложенный устно Цицианову при назначении на должность главы Кавказа, об осуществлении присоединения Имеретии, Мингрелии и Гурии, "когда к тому удобный случай представится"110. Существовало также постановление Государственного Совета от 14 апреля 1802 г. о занятии Еревана и Гянджи.

Присоединение Еревана мотивировалось рядом факторов: 1) подавление сепаратизма в бывшем Картли-Кахетинском царстве, означающее устранение "неблагонамеренных князей грузинских, покушающихся на положение Грузии";11 2) создание естественной преграды для "намерения" Персии нарушить безопасность закавказских владений, "поелику граница Грузии со стороны Персии открыта и натуральных препятствий противостоять не может";12 3) обеспечение свободы действий русских формирований, "ибо с сих двух важных по положению мест (Ереван и Гянджа) войска наши имели бы более удобности действовать и останавливать движение неприятеля"13. В ходе реализации "нового плана" границы Южного Кавказа Цицианов штурмом взял Гянджу в 1803 г., но овладеть Ереванской крепостью в 1804 г. не сумел14. Пришлось отложить также взятие Нахичевана и Карабаха.

Имелся и альтернативный план царя Александра I об установлении границ на Южном Кавказе. В предписании главнокомандующему войсками в Грузии К. Ф. Кноррингу от 24 декабря 1801 г. требовалось создать "твердый союз" из владетельных ханов Кубинского, Дербентского, Бакинского и Талышинского, а также шамхала Тарковского, уцмия Каракайдакского и кадия Табасарана. Планом намечалось достижение трёх тактических целей: обеспечение "безопасности" Кавказской линии; расширение русской торговли с Азией и усиление контроля над занятыми и вассальными "персидскими областями". Воля монарха не подлежала обсуждению: "Я положил установить между помянутыми ханами и горскими владельцами, для общего их и народов блага, твердый союз и дружеское под верховным моим покровительством согласие"15.

Все участники союза рассматривались преимущественно как представители Дагестана: Южный Дагестан - Бакинское, Кубинское и Дербентское ханства; Северный Дагестан - шамхальство Тарковское, ханства Джангутаевское, Казыкумыцкое, Кюринское, Табасаран и вольные общества — Даргинское, Акушинское, Рутульское, Суршинское, Кубечеинское и другие. Кавказская линия, основанная в 1777 г. (с крепостями

Екатериноград, Георгиевск, Александровск и Ставрополь), еще в 1786 г. вошла в Кавказскую губернию, простирающуюся от Предкавказья до Каспийского моря16.

Союз Северо-восточных владетелей Кавказа был призван "защищать одного другому и всеми силами оборонять от общего врага их"17, а в стратегическом плане намечал включение участников в состав новой границы России18. Альянс был оформлен Георгиевским договором от 26 декабря 1802 г.19 В 1805 г. Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства стали вассальными уделами, а в 1806 г. последовало присоединение еще двух ханств – Бакинского и Кубинского. Присоединение ханств Южного Кавказа Цицианов обосновывал восстановлением исторических границ. Персидскому шаху сообщалось об утверждении границы "древней Иверии" между Черным и Каспийским морями, а ханам Шеки, Ширвана и Шемахи заявлялось о необходимости признания древней зависимости от Агванского (Гандзасарского) армянского католикосата20.

Упразднение "твердого союза" владетелей Северо-Восточного Кавказа и наличие плана царя Александра I получили отражение в подходах П. М. Литвинова к формированию русской границы на Южном Кавказе. Главным представлялось создание новой безопасной границы в западной части Южного Кавказа. Подчинением Поти и Абхазии намечалось расширить восточное побережье русского Черного моря, а присоединением Ахалцихского пашалыка создать заградительный пояс безопасности для Грузии. Аналогичная роль отводилась на южном направлении Араратским ханствам (Еревана и Нахичевана). В указанных пределах предлагаемая Литвиновым граница выходила за рамки плана Александра I.

Общий замысел Литвинова раскрывал подход к "новому царству" Кавказа, разделяемого на четыре "стороны": западную, северную, восточную и южную.

Западную сторону Кавказа составляла "Абхазия большая" с населением в 50 тыс. чел.

Северная "сторона" Кавказа включала горские народы:
"Закубанские черкесы - 35000
Большая и малая Кабарда - 20000
Кисти, Ингуши, Карабулаки - 12000
Аксакаевские кумыки - 15000".
Восточная сторона Кавказа составляла:
"Дагестан
владения шамхала Тарковского - 10000
Союзник его Акуши и Дженгуты- 30000
владения уцмея Каракайдакского - 25000
------------ кадия Табасаранского,
Маасума и прочих - 10000
Ханство Дербентское - 9800
Ширван
Ханство Кубинское - 7964
Ханство Шемахинское - 25000
Ханство Шакинское- 20000
Ханство Бакинское - 1000
владение Сальянское - 2000".

Отдельно были представлены горцы-грузины и осетины:
"Высокий кряж Кавказа
Сванетия - 3000
Осетия, Грузинская и независимая - 30000
Хевсуры, Туши, Пшавы - 2300".

Подробно был представлен состав Лезгистана:
"владение Аварское, Анди и пр. - 20000
владение Казыкумыцкое и
Самурские лезгины - 30000
Джарские вольные общества - 8000
Заречные лезгины, Дидо,Кауч и пр. - 10000"

Южная сторона Кавказа включала грузинские земли:
"Грузия с татарами - 45000.
Имеретия - 35000

Мингрелия - 20000
владение Ахалцихское, или
Турецкая Грузия - 25000".
Выделена также "Область между Курою, Араксом и Арпачаем: владение Елисаветпольское (Гянджа) - 10000
владение Карабахское- 5000
владение Ереванское- 20000".

Общее количество дворов населения на Кавказе определялось в 563 664. В пересчёте каждого двора на пять душ, максимум населения Кавказа определялся в 2 818 320 чел., а минимум в 2,5 млн. В пределах Российской империи проживало 1,5 млн., в Турции - 200 тыс., в Персии - 150 тыс., а оставшиеся 800-900 тыс. чел. обитали в "независимых владениях". "Полагая с двух дворов по одному человеку носящему оружие, собраться может до 250000 воинов; но в случае нужды каждый двор дает по одному воину и более где есть"21.

Историческим реалиям соответствовала информация Литвинова об армянском народе. 3 июля 1806 г. представители армянского общества г. Мадраса обратились с просьбою к царю Александру I содействовать освобождению Армении. Просьбу индийских армян перед Петербургским двором, с указанием их желания переселиться в российские пределы, поддержал духовный глава российских армян архиепископ Ефрем22. После поступления документа руководитель внешнеполитического ведомства А. Я. Италийский доложил царю, что прошение "кажется, заслуживает некоторого внимания"23. Учитывалось, что представители армянского купечества занимались "знатною торговлею" в Ост-Индии, и их переселение могло ущемить интересы англичан. Литвинов являлся также компетентным лицом в вопросе положения дел в Ереване. Сохранился рапорт Шамшадинского моурава от 7 июля 1807 г. правителю Грузии со сведениями, добытыми тайными агентами24.

Воплощение "нового плана" границы с Персией было возложено на главу Кавказа И. Гудовича, который осенью 1808 г. предпринял меры по занятию Еревана. 17 ноября состоялся неудачный штурм Ереванской крепости, а 30 ноября осада была снята25. В декабре 1808 г. И. Гудович, докладывая Александру I о неудачном штурме города, отметил роль фортификационного искусства французской миссии в Персии: "Крепость Еревана укреплена по всем европейским правилам"26.

1 ноября 1808 г. журнал межведомственного комитета по запискам Литвинова был направлен царем на заключение И. Гудовичу27. Межправительственный комитет согласился с планом Литвинова об установлении новой границы по черноморскому побережью и расширения за счет Турецкой Грузии: "Когда же таким образом Поти присоединен будет к Российской державе, тогда границы Мингрелии и Гурии по берегу Черного моря будут уже ничем не разделены, а по присоединению Ахалциха граница… опускается до реки Арпачай"28. 30 января 1809 г. И. Гудович представил частные "замечания" в журнал межведомственного комитета по управлению Грузии, исходя из "пользы Империи", осуществление которых представлялось возможным лишь по окончании войны с Персией и утверждении границ "закавказских владений". Основой же активизации границы представлялось упразднение независимости Имеретии29.

В 1809 г. удельным владением стало Талышинское ханство, а 31 сентября царь Александр I подписал грамоту об утверждении архиепископа Ефрема католикосом всех армян30. 10 февраля 1810 г. главноуправляющий Тормасов, после занятия г. Кутаиси, объявил об "удалении" с престола царя Соломона I за нарушение "верности" российскому самодержцу. Было образовано временное управление Имеретинской области. Для обеспечения лояльности князя Гурии, находящегося в вассальной зависимости от царя Имеретии, Тормасов обещал предоставить "независимость", по примеру Мингрелии. Учитывалась боеспособность военных сил князя Мамия Гуриели, находящегося в родственных отношениях с Ахалцихским пашою, который, согласно "Просительным пунктам", стал удельным владетелем. Русские войска получили право "квартирования" в Гурии31. Занятие Поти и сюзеренет Александра I признал владетель Абхазии князь Г. Шервашидзе. Вследствие контроля над восточной частью Черного моря (от Анапы до Поти), ожидался разрыв отношений горских народов с Турцией и принятие ими российского подданства32.

19 марта 1810 г. министр внутренних дел Куракин представил доклад царю Александру I по запискам Литвинова. Повелением монарха материалы межправительственного комитета поступили в Государственный Совет, Департамент экономии которого 17 июля вынес обобщающее заключение. Учтено было мнение Гудовича о пользе введения "общей системы" управления в Грузии и других владениях Южного Кавказа после окончания войны с Персией и утверждения новой границы. Мнение Государственного Совета Александр I утвердил 19 июля 1810 г.: "Быть по сему"33. Монарху приходилось учитывать значительность выполнения плана границы 1802 г., необходимость "замирения" с соседями, для уделения внимания наполеоновской Франции в Европе.

В историографии уделено достаточное внимание запискам Литвинова, но "Замечания о Персидских делах" остались незамеченными. Кавказовед Н. Ф. Дубровин считал, что они представляют собой лишь "опровержение" мнения известного руководителя горной части Грузии А. А. Мусина-Пушкина о значительности естественных богатств Картли-Кахетинского царства34. Эта точка зрения представляется

поверхностной, поскольку Литвинов ставил задачу дать рекомендации по организации эффективной системы управления, повышению доходности и определению границ русских владений на Южном Кавказе. Иного мнения придерживаются грузинские исследователи. Так, Н. В. Гугушвили находит, что в начале XIX в. царизм осуществлял аннексионистскую политику с целью установления новой границы на Южном Кавказе за счёт отделения "христианских владений" лишь от Турции35. А. Н. Сургуладзе записку Литвинова "Описание Имеретии и Мингрелии" характеризует как "план колониального" освоения этих территорий36.

Таким образом, в начале XIX в. при определении границы России на Южном Кавказе действовало несколько программ: Зубова – Негласного комитета, царя Александра I, Государственного Совета и Дагестанского союза. Доминирующим стал план Александра I, предусматривающий включение Имеретии, Гурии и Мингрелии в черту новой границы по рекам Аракс, Кура и Риони.

Изменение геополитической ситуации и подчинение части удельных ханств побудили Литвинова разработать план новой конфигурации границы Южного Кавказа за счёт присоединения Поти, Абхазии, Ахалцихского пашалыка и Еревана. Преодоление разногласий в вопросах установления безопасной и эффективной границы между военно-политическим руководством Грузии и внешнеполитическим ведомством, а также между указаниями царя и потребностями реальной политики на южной окраине получили отражение в создании межведомственного комитета и эспертизе Государственного Совета. Новый план Литвинова стал воплощаться в результате корреляции предыдущих программ по определению российской границы на Южном Кавказе.

Определение границы России на Южном Кавказе основывалось на ряде принципов: 1) проведение её по естественным рубежам (рекам, озерам и горным хребтам); 2) обеспечение единого контроля над восточным побережьем Черного моря как средства надзора за владениями на Южном Кавказе и усмирения горских народов; 3) создание альянсов и удельных владений в качестве временной буферной границы с последующим её превращением в постоянную; 4) формирование обширной границы для создания "нового царства", призванного стать самодостаточным владением; 5) изначальное установление границы для подписания мирных договоров, получившее отражение в Бухарестском договоре 1812 г. с Турцией и Гюлистанском трактате 1813 г. с Персией; 6) определение внутренних границ административных единиц с учётом существующих феодальных владений, приспособляемых к русской губернской системе управления; 7) учёт противодействия сопредельных стран при утверждении определенных границ.

1. Богданович М. И. История царствования императора Александра I и его время. М., 1869. Т. 1; Иваненко В. И. Гражданское управление Закавказом. Тифлис, 1901; Маркова О.П. Присоединение Грузии к России в 1801 г. Историк-марксист. 1940, N 3; Брегвадзе А. И. Славная страница истории. М., 1983 и др.
2. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией, (АКАК). Тифлис, 1868. Т. 2, N 50. С. 35.
3.Там же, N 104. С. 62.
4. Российский государственный исторический архив С. Петербурга (РГИА), ф. 1152, оп. 1, д. 96, л. 1-113.
5. См.: "Политическое положение Имеретии, Мингрелии, Гурии, Абхазии, и перемена от прихода Российских войск последовавшая", "Рассуждение о пользах приобретения Грузии, Имеретии, Мингрелии и Одиши, со всеми прилегающими народами" // Чтения в обществе истории и древностей Российских. М., 1864. Кн. 4. С. 80-93; РГИА, ф. 1152, оп. 1, д. 96, л. 53-60, 68-77. (Впервые о принадлежности этих публикаций высказался Н. Ф. Дубровин. См.: Дубровин Н.Ф. Георгий XII последний царь Грузии и присоединение её к России. СПб, 1867. С. 230).
6.РГИА, ф. 1152, оп. 1, д. 96, л. 103.
7. Там же, ф. 561, оп. 1, д. 30, л. 112,112 об.
8. Там же, л. 111.
9. Тунян В. Г. Россия и Армянский вопрос. Ереван, 1998. С. 4.
10. АКАК, т. 2, N 688, С. 341.
11. Архив Государственного Совета. СПб, 1878. Т. 3. Ч. 2, стлб. 1248.
12. Там же, стлб. 1249.
13. Там же, стлб. 1250.
14. Тунян В. Г. Указ. работа. С. 4-6.
15. Внешняя политика России XIX и начала XX вв. М., 1960. Т. 1. N52. С. 160.
16. Исторический очерки распространения и устройства русского владычества под Кавказом и в Закавказье. СПб., 1851. С. 145.
17. ВПР. Т. 1. N 52. С. 161.
18. Там же. С. 160-163.
19. Блиев М. М. Политика России на Кавказе во второй половине XYI в.— первой трети XIX в. // Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М. 1984. С. 102, 103.

20. Тунян В. Г. Указ. работа. С. 6.
21. РГИА, ф. 561, оп. 1, д. 30, л. 111-114.
22. Присоединение Восточной Армении к России/ под ред. Ц. П. Агаяна. Ереван, 1972. Т. 1. N 297. С. 356; N 334, С. 396, 397.
23.Там же. N 396. С. 420, 421.
24.Там же. N 293. С. 420, 421.
25. Там же. N 427. С. 508, 512.
26. Там же. N 423. С. 482.
27. РГИА, ф. 1152, оп. 1, д. 96, л. 112-113.
28. Там же, л. 104.
29. АКАК, т. 4, N1, С. 3-6.
30. Там же, N 254, С. 173.
31. РГИА, ф. 1152, оп. 1, д. 96, л. 142, 142 об.
32. Записка о финансах, политике и торговле Российского государства в 1810 г. // Чтения… Кн. 4. С. 137; ПСЗРИ- I. Т. 40. N 24128 а, 24584.
33. РГИА, ф. 1152, оп. 1, д. 96, л. 142, 142 об.
34. Дубровин Н. Ф. Указ. работа. С. 230, 231.
35. Гугушвили П. В. К аннексионистко-колонизаторской и аграрной политике царизма в Грузии. Сельское хозяйство и аграрные отношения. Тбилиси, 1937. Т. 1. С. XXYI.
36. Сургуладзе А. Н. Прогрессивные последствия присоединения Грузии к России. Тбилиси, 1982. С. 110.

“ДЕКЛАРАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ ВОЙНЫ ПЕРСИИ 16 (28) СЕНТЯБРЯ 1826 г.”. ОФИЦИАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ МИД РОССИИ

Кюркчян А. А.

Провозглашение суверенного армянского государства — событие большого исторического значения в многовековой истории армянского народа. К этой знаменательной победе армянский народ пришел через столетия своей освободительной борьбы. Важным этапом на этом долгом и трудном пути была русско-персидская война 1826-1828 гг., в результате которой было ликвидировано иранское господство и Восточная Армения была присоединена к России.

В условиях численного превосходства иранских войск над армянскими ополчениями армянский народ не мог рассчитывать на освобождение от иранского господства своими силами. Поэтому видные армянские общественные деятели XVIII в. Исраел Ори, Иосиф Эмин и Эчмиадзинский католикосат вели поиски потенциальных союзников армянского народа в Европе и в России. Однако их обращения за помощью к западным державам ни к чему не привели. Поэтому надежды на освобождение родины и воссоздание армянского государства связывались, в основном, с Россией и ее войнами с Ираном в начале XIX в. Так, на базе христианской общности формировалась и углублялась русская ориентация армянского народа, которая исходила из баланса интересов армянского и русского народов.

Ориентация армянского народа на Россию была результатом взвешенного и всестороннего анализа интересов армянского освободительного движения, несмотря на то, что цели царизма никогда полностью не совпадали с задачами армянского освободительного движения. Дружественные связи России и Армении имели глубокие исторические корни, что ярко проявилось в русско-персидской войне 1826-1828 гг.

Декларация царизма об объявлении войны Ирану была опубликована и прочитана с амвонов церквей 16 (28) сентября 1826 г.1 . Иран первым начал войну 16 июля 1826 г. и в течение 50 дней осуществлял наступательные операции в Закавказье без объявления войны и не считаясь с пребыванием в Иране русского посла Меньшикова.

Какие цели преследовали авторы вышеуказанной декларации, и, в первую очередь, министр иностранных дел России граф К. В. Нессельроде? Сразу бросается в глаза, что российская сторона хотела доказать всей Европе, что она свято соблюдает условия Гюлистанского трактата. Но так ли это?

В преамбуле правительственной декларации отмечалось, что после первых известий о внезапном нападении правительство России в течение почти месяца считало себя вправе не верить, "чтобы шах персидский среди мира, утвержденного взаимными клятвами, не имея причин к важным спорам и предлога к жалобам…

распространил на нас все ужасы войны". В декларации указывалось, что "конфликт начался не набегом полудиких племен, обитающих в соседстве с нами, а вторжением войск самого шаха и наследника престола", что Россия была вынуждена отражать силу силой, а на войну ответить войной. Однако "готовясь оружием положить конец возникшей распре, сочла бы долгом пред всей Европой рассмотреть беспристрастно причины, побудившие персов к разрыву мира"2. Справедливо указывая на агрессию Ирана, авторы "Декларации" потом сами иногда искажают исторические факты.

По условиям Гюлистанского договора Россия должна была признать законным наследником того из сыновей шаха, которого он сам назначит своим преемником. И поскольку таковым был назначен сын Фатх-Али-шаха Аббас-Мирза, Российский двор признал его наследником Иранской державы3, однако известно, что император России признал Аббас-Мирзу не "немедленно", как отмечается в декларации, а в 1819 г. или через шесть лет после заключения Гюлистанского мира. В "Декларации" не раскрываются причины такой задержки. По статье второй Гюлистанского договора границы подлежали уточнению, а по Сепаратному акту этого договора иранским дипломатам предоставлялось право обращаться с просьбами к царю, однако генерал Ермолов задерживал многих иранских дипломатов в Тифлисе, не разрешая их выезда в Петербург. Отчасти это объяснялось длительным пребыванием Александра I в Европе.

Таким образом, эта часть русско-иранских отношений была отражена в правительственной декларации в искаженном виде. Не менее тенденциозно говорилось в "Декларации" о пограничных конфликтах, нагнетавших напряженность в русско-иранских отношениях.

В этой части "Декларации" говорилось о некоторых территориях, которые подлежали обмену: Мегри, Кафан, часть озера Севан. По существу генерал Ермолов предлагал произвести обмен армянских территорий, чем вызвал недовольство армянского населения, добивавшегося освобождения от иранского господства. К тому же генерал Ермолов поставил Аббас-Мирзу перед свершившимся фактом, без предварительного согласования этого вопроса с наследным принцем, что также не указывалось в "Декларации" о войне.

Ничего не говорилось в правительственной декларации о войне и о безуспешных попытках Аббас-Мирзы оставить под контролем Ирана все течение реки Арпачай, чтобы Даралагез остался на Иранской территории. Нельзя согласиться и с другим заявлением авторов "Декларации" о том, что в марте 1825 г. обоюдные требования и мнения начали уже "сближаться" и, казалось, что все "клонилось к скорому удовлетворительному окончанию переговоров, когда судьба пресекла… дни Александра Первого"4. Речь идет о "Тифлисском договоре об установлении пограничной согласованной линии между Россией и Ираном", заключенном 24 марта 1825 г. между тебризским беглярбегом Фатх-Али-беком и начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса генералом А. А. Вельяминовым.

Тифлисский договор 1825 г. закреплял за Россией часть северного побережья озера Севан, а за Ираном — район Кафана5, что прежде предлагал генерал Ермолов. Однако Аббас-Мирза передумал, отказался ратифицировать Тифлисский договор и заявил, что новая граница должна проходить по реке Хамза-Чиман, по озеру Севан и далее через Кафан, Муганскую степь и Талыш, с целью оставить их в пределах Ирана.

Следовательно, вопреки декларации правительства, никакого сближения при русско-иранских переговорах в марте 1825 г. не произошло. Более того, с начала сентября 1825 г. обстановка в районе озера Севан резко обострилась. В письме генерала А. А. Вельяминова на имя Аббас-Мирзы от 25 сентября 1825 г. указывалось, что подразделения ереванского сардара Хусейн-хана отбросили русские караулы с Севанского района Гили и стали создавать в этом контролируемом русскими войсками районе иранские поселения6. Тогда же, в сентябре отряд Хусейн-хана атаковал на берегу Севана русские подразделения полковника Северсамидзе.

В Заключительной части правительственной декларации говорится об отправлении в Иран генерал-майора князя А. С. Меньшикова7.

В декларации не могла быть упомянута главная задача А. С. Меньшикова, предписанная ему Николаем I в секретной инструкции от 8 января 1826 г.: "В условиях надвигающейся войны с Турцией сохранить с Ираном мир"8. Не говорилось в декларации и о том, что А. С. Меньшикову предлагалось решить пограничные споры на основе Акта о разграничении 1826 г., разработанного генералом Ермоловым и не утвержденного Аббас-Мирзой9, что, по нашему мнению, обрекало предстоящие переговоры с шахом и Аббас-Мирзой на провал. Отметим также, что А. С. Меньшиков имел и другое секретное поручение — изучить дух войск и выявить "тайные общества" на Кавказе. Офицеры Кавказского корпуса давали ему расписки об их непричастности к "тайным обществам" и заполняли анкеты, вопросы которых требовали указания места и цели "тайного общества", если в нем участвовал заполнявший анкету10. В секретной инструкции Николая I приведен список сосланных на Кавказ декабристов, а на полях пятой страницы инструкции имеется резолюция Николая I: "Было бы хорошо к этим именам присоединить и Грибоедова"11. Меньшиков допрашивал и генерала Ермолова, которого Николай I подозревал в связях с декабристами.

Исследователи не обратили внимания на цели заключительной части "Декларации российского правительства об объявлении войны Персии", которая вместе с циркулярными депешами доказывает тонкость и зрелость русской дипломатии. "Государь император, - говорится в Декларации, - объявляет войну шаху

персидскому, объявляет, что трактат Гюлистанский уничтожен персиянами и что он не прежде положит оружие, как обеспечит совершенно безопасность границ наших, вознаградив себя за потери и усилия постановлением мира твердого, сообразного с достоинством и пользами Империи"12. Прежде всего бросается в глаза, что вторая русско-персидская война началась 16 (28) июля 1826 г., а правительство России объявило Ирану войну только 16 (28) сентября 1826 г., т. е. спустя два месяца после начала войны. Известно также, что первые 50 дней наступали иранские войска. Шамхорская битва стала началом контрнаступления русских войск, отбросивших иранские войска за реку Аракс и восстановивших границы Гюлистанского мира. Казалось, что на этом войну можно было закончить и восстановить в правах Гюлистанский договор. На этом первом этапе войны Россия играла исключительно положительную роль. Однако Россия объявила войну Ирану 16 (28) сентября 1826 г., когда война с Ираном по существу уже закончилась. Какие цели преследовало самодержавие, объявив о денонсации Гюлистанского договора?

Царизм фактически начал завоевательную войну с целью присоединения всего Закавказья к России и установления новой государственной границы по реке Аракс. Таким образом, в 1827 г. начался третий этап русско-персидской войны 1826-1828 гг., завоевательный для царизма и освободительный для армянского народа, поскольку в результате русско-персидской войны к России были присоединены Ереванское и Нахичеванское ханства Восточной Армении и на их основе была образована Армянская область.

Вместе с тем царский министр иностранных дел К.В. Нессельроде не мог не предвидеть, что Англия и другие европейские державы осудят царскую Россию за второй этап русско-персидской войны и усмотрят в этой акции царизма тайное намерение захватить и Иран, граничащий с Индией, с целью отбросить Англию из Ирана и Персидского залива. Опасаясь оказаться во внешнеполитической изоляции накануне второго этапа русско-персидской войны, К. В. Нессельроде одновременно с правительственной декларацией разослал аналогичные по содержанию циркулярные депеши дипломатическим представителям за границей. Как и в "Декларации", в циркулярной депеше он пытается свести причины войны к тем же пограничным конфликтам, хотя и стремится их обобщить, усилить миролюбивую концепцию внешней политики России, доказать "вполне дружественный характер" русско-иранских отношений накануне войны, чем начисто отрицает саму сущность пограничных конфликтов. Несмотря на то, что на промежуточном этапе между двумя русско-персидскими войнами пограничные конфликты беспрерывно нагнетались, граф К. В. Нессельроде внушает "не наивным иностранцам": "нарушено спокойствие наших границ в одном из тех мест, где, как мы надеялись, оно должно было быть прочным со времени заключения Гюлистанского мира… Наши отношения с Персией не переставали носить вполне дружественный характер. Политика умеренности и доброжелательства свято соблюдались в отношениях между Россией и Тегеранским двором"13.

Однако заключительная часть циркулярной депеши была написана намного резче, чем в правительственной декларации: "Нападение совершено без уважительной причины, без открыто объявленной цели, без предупреждения и невзирая на состояние мира. Нападение столь неожиданно, что император все еще не хочет верить, что оно является деянием самого персидского двора. Наше оружие покарает за оскорбление, нанесенное достоинству империи. Оно покарает и отомстит, дабы предотвратить возобновление подобных вторжений. Император употребит все средства, чтобы проучить за вероломство, чтобы вести со всей решимостью войну до ее успешного окончания и добиться почетного мира"14 .

Европе трудно было возразить графу К. В. Нессельроде, так как 16 июля 1826 г. иранские войска вторглись в Закавказье и 50 дней разоряли его.

1. Балаян Б. П. Международные отношения Ирана в 1813-1828 гг. Ереван, 1967. С. 13-14.
2. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 6 (14). М., 1985. С. 601.
3. Там же.
4. Там же. С. 602.
5. ЦГИАЛ, ф.1018, оп. 2, д. 90 (Записка о войне), л. 6.
6. АКАК, т. VI, ч. 2, N 581, С. 322.
7. Меньшиков Александр Сергеевич (1787-1869) после иранской миссии был начальником Главного морского штаба в звании адмирала, а во время Восточной войны был главнокомандующим Крымской армии.
8. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4288, л. 1-10.
9. Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века. М., 1983. С. 55.
10. ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 458, л. 1.
11. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4288, л. 5.
12. Внешняя политика России XIX и начала XX века. С. 603.
13. Там же.
14.Там же

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ РОССИИ АРМЯНСКИМ БЕЖЕНЦАМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Арутюнян А. А.

Начало военных действий на Кавказском фронте в Первую мировую войну и геноцид армян в Османской империи усугубили положение армянского населения. Война вызвала огромный отток беженцев из районов, охваченных военными действиями. Большое количество армян из Западной Армении и Персии переселилось в различные районы России. Вследствие этого в 1914-1917 гг. значительно сократилась численность армянского населения Западной Армении и Персии. Согласно данным главного органа Кавказского фронта по упорядочению положения беженцев, в Кавказском крае, в районах Турции, занятых по праву войны и внутренних областях Российской империи, по состоянию на 1 января 1916 г. нашли прибежище 2344001 беженцев, на 14 января 1916 г. — 2670002, на лето 1916 г. — 2864703, на 1 октября 1916 г. — 3669924, на 1 декабря 1916 г. — 3735535, а в начале 1917 г. — 2830636 .

В целях удовлетворения нужд беженцев 30 августа 1915 г. русским правительством был опубликован закон, которым вводилось в действие "Положение о мерах к обеспечению участи беженцев"7. Согласно Положению, состоявшему из 13 пунктов, беженцами признавались лица, которые во время войны покинули местности, занятые или находившиеся под угрозой занятия противником, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из районов военных действий, а также выходцы из враждебных России государств. Забота по обеспечению нужд беженцев возлагалась на государственные органы — Министерство внутренних дел, главноуполномоченных по устройству беженцев —губернаторов и градоначальников, на земские учреждения и городские общественные управления, на местные комитеты. Оказанием временной помощи лицам, пострадавшим от военных действий, занимался также "Татьянинский комитет" под председательством дочери царя Татьяны Николаевны, который действовал с 14 сентября 1914 г. В оказании помощи беженцам могли принять участие также общественные и частные учреждения, а также отдельные лица. Предусмотренные Положением меры помощи распространялись на всех беженцев, за исключением немецких, венгерских и турецких подданных. Расходы на нужды беженцев производились государственной казной посредством отпускаемых Министерством внутренних дел кредитов (согласно правилам от 17 января 1915 г.)8.

В целях объединения и централизации мер по обеспечению нужд беженцев, установления общего контроля, под председательством министра внутренних дел Н. В. Плеве, было создано Особое совещание по устройству беженцев. В состав его вошли представители Государственного Совета, Государственной Думы, военного министерства, министерств иностранных дел, внутренних дел, финансов, народного просвещения, путей сообщения, торговли и промышленности, земледелия и государственного контроля, учреждений здравохранения и эвакуации, "Комитета Татьяны Николаевны", Общества Красного Креста России, Земского союза, Союза городов, а также главные уполномоченные по делам беженцев9 .

Особое совещание рассматривало вопросы распределения кредитов среди беженцев, организации их размещения, пропитания и здравоохранения, учета, восстановления их хозяйств и многое другое. На Особое совещание была возложена также оценка движимого и недвижимого имущества, оставленного беженцами в местах их постоянного жительства, возмещение убытков и т. д.

Определенные обязанности по оказанию помощи беженцам были возложены также на земские учреждения, городские управления, а также на церковные общины10 . В местностях, в которых не было введено Положение о земских учреждениях, и в городах, в которых не было введено Положение об общественном управлении городов, попечение о беженцах возлагалось на губернские, уездные и городские, а в случае необходимости — и на участковые местные комитеты помощи пострадавшим от войны.

После публикации Положения 27 ноября 1915 г. министром внутренних дел А. Хвостовым были утверждены "Правила отчета о расходах, производимых на нужды беженцев", которые обязывали все учреждения, занимавшиеся делами беженцев, представлять отчеты Министерству внутренних дел о произведенных ими расходах11 .

2 марта 1916 г. министром внутренних дел было утверждено новое руководящее Положение по устройству беженцев, в основу которого были положены основные положения предыдущего Положения12.

Для удовлетворения нужд беженцев в Кавказском крае 20 апреля 1916 г. было принято "Руководящее положение по устройству беженцев на Кавказском фронте", которое фактически представляло собой приспособленное к местным условиям вышеупомянутое Положение13 .

После того, как государство взяло в свои руки организацию помощи беженцам, 29 октября 1915 г. был опубликован утвержденный Министерством внутренних дел "Приказ главных уполномоченных по устройству беженцев внутри империи". Согласно Приказу, главные уполномоченные империи руководили делом передвижения и размещения беженцев в своих районах, в связи с чем были привлечены местные власти, правительственные и общественные учреждения, отдельные лица. В обязанность главных уполномоченных входило: ознакомление с передвижением и размещением беженцев в районах, упорядочение продовольственной и врачебно-санитарной помощи беженцам, установление связей с главными уполномоченными других районов империи, периодическое предоставление Министерству внутренних дел сведений относительно удовлетворения нужд беженцев, оказание беженцам всякого рода содействий и т. д.14.

Вслед за Приказом, 5 ноября 1915 г., наместник Кавказа утвердил "Наказ главного уполномоченного по устройству беженцев Кавказского фронта"15, в основу которого были положены основные принципы общеимперского приказа. Еще до этого главным уполномоченным по размещению беженцев Кавказского фронта при наместнике Кавказа был назначен генерал-майор А. Тамамшян (Тамамшев)16. Главный уполномоченный определял порядок перемещения, переброски и размещения беженцев в губерниях и районах, находящихся в ведении наместника Кавказа, а также занятых русскими войсками, принимал меры для оказания беженцам продовольственной и врачебно-санитарной помощи. Он должен был вступать в сношения со всеми учреждениями, ведомствами и организациями, которые оказывали помощь беженцам, через них руководить размещением беженцев (без соответствующего разрешения беженцы не имели права обосноваться на Кавказе, в противном случае они лишались государственных пособий)17.

Уполномоченный имел также право созывать совещания соответствующих лиц и представителей всех заинтересованных организаций18. Была утверждена также канцелярия главного уполномоченного по размещению беженцев Кавказского фронта19. Полномочия главноуполномоченного распространялись на все губернии, области и округа Кавказского наместничества, а также на районы Турции и Персии, занятые русскими войсками. В каждую губернию, область, а также местность Турции и Персии, занятую русскими войсками, посылались представители главноуполномоченного.

19 июля 1916 г. помощником наместника Кавказа по гражданской части генералом Орловым была утверждена инструкция уполномоченных по делам беженцев20. Уполномоченные осуществляли все мероприятия главного уполномоченного, на местах оказывали содействие в удовлетворении врачебно-санитарных нужд беженцев, размещении беженцев, организации помощи беженцам-детям и сиротам и т. д.21.

Главным финансовым источником оказания помощи армянским беженцам являлись государственная казна, "Комитет Татьяны Николаевны", всероссийские союзы городов и земств, русские и зарубежные общественные организации. Основными формами помощи были: продовольственная, жилищная, врачебная, юридическая, забота о сиротах, распределение пособий и денежных отчислений22.

Помощь продуктами и зерном производилась главным образом государством. Для удовлетворения нужд беженцев в продуктах вскоре после начала войны в 1914-1915 гг. был отпущен чрезвычайный сверхсметный кредит в размере 10 млн. руб. Продовольственную помощь, обеспечение жильем получали дети в возрасте до 14 лет и нетрудоспособные, а также те трудоспособные члены семьи, которые были вынуждены опекать нетрудоспособных. Вовлеченные в сельскохозяйственные работы, получавшие иной источник дохода, а также те, кто отказывался от работы, лишались пособий23.

Однако не во всех случаях распределение пособий проводилось упорядоченно. Председатель Армянского центрального комитета С. Арутюнян в записке генералу Тамамшеву от 18 октября 1915 г. сообщал: "Пособия беженцам не выдаются своевременно, часто проходят месяцы, а пособия не поступают..."24.

Для упорядочения распределения пособий было признано необходимым основать склады и выдавать пособия наличными. В 1916 г. правительство отпустило 1.400. тыс. руб. с целью организации в занятых районах продуктовых складов. Всего было основано 32 таких склада в различных районах, которыми ежемесячно пользовались 164.000 беженцев. Склады поставляли беженцам муку, сахар, мыло, керосин, спички и другие необходимые товары 25.

Учитывая угрозу распространения среди беженцев инфекционных заболеваний, вскоре были опубликованы проекты ряда предупредительных мер по борьбе с ними26.

Юридическая помощь государства выражалась в возмещении ущерба беженцам и материальном страховании, что было закреплено законом от 9 ноября 1916 г.27.

С целью оказания беженцам денежной помощи 13 мая 1916 г. были опубликованы временные правила оказания денежного содействия пострадавшим от войны, согласно которым каждому беженцу оказывалась разовая денежная помощь сроком на 8 лет. После окончания войны в течение трех лет производилась уплата долгов. Эти временные правила не распространялись на беженцев, пользовавшихся государственными пособиями, а также на лиц, оставшихся в занятых противником районах28. На эти нужды из государственной казны, за счет военного фонда, было отпущено 25 млн. руб.29 По выражению Лео, "это была цена за кровь турецких армян"30.

Для оказания помощи западноармянским земледельцам и ремесленникам, согласно решению Совета министров от 25 марта 1916 г. и по распоряжению наместника Кавказа, было выделено 300 тыс. руб.31.

До этого М. Пападжанян в телеграмме Г. Сазонову от 8 августа 1915 г. сообщал, что для армянских беженцев необходимо отпустить не менее 1 млн. руб.32. Из упомянутых 300 тыс. руб. по распоряжению главного уполномоченного по делам беженцев Кавказского фронта 275. тыс. руб. были предоставлены Ереванской комиссии братской помощи (КАБО), 15 тыс. руб. Армянскому учительскому союзу, а 10 тыс. руб. — в распоряжение Общества армянских писателей33.

Создавая казенные учреждения по организации помощи беженцам, царское правительство в первую очередь думало о том, чтобы ограничить общественную инициативу, которая могла принять, а впоследствии действительно приняла политический характер. Национальным благотворительным обществам правительство поручало сбор средств, открытие пунктов питания, лазаретов и др. По мере того, как деятельность комитетов помощи беженцам принимала политический характер (в связи с общим ростом недовольства населения политикой самодержавия, продовольственным кризисом, реквизициями, неудачами на фронте, бесконечными призывами на фронт, исключительно тяжелым положением крестьянства, недостатком рабочих рук в деревне, дороговизной в городах, политическими репрессиями и т. д.), правительство придиралось к деятельности комитетов и всячески притесняло их.

Царизм неохотно удовлетворял нужды беженцев. Он использовал каждый удобный повод для сокращения расходов. В этой связи в протоколе межведомственного совещания отмечалось, что представители Министерства финансов и Государственного контроля обратили внимание на тот факт, что оказание финансовой помощи западноармянским беженцам считается общим делом союзных государств, а не только России34.

Правительство не расположено было расходовать государственные средства на нужды беженцев, особенно в Закавказье, и шло на это с большой неохотой. Когда первая волна беженцев хлынула в Закавказье и потребовалась срочная продовольственная помощь, Совещание по продовольственному делу внесло в Совет министров предложение об ассигновании 3 млн. рублей. Совет министров перевел наместнику на Кавказе только 1 млн. руб.35.

На просьбу наместника на Кавказе Воронцова-Дашкова от 24 июля 1915 г. о предоставлении еще 500 тыс. рублей из наличных средств казначейства было отпущено 300 тыс. рублей. Правительство предпочитало идти по пути предоставления ссудной помощи беженцам (закон от 13 мая 1916 г.).

Для этой цели в Закавказье предполагалось образовать два местных ссудных комитета в Батумской и Карсской областях и один центрально-ссудный комитет с участием представителя наместника. Но ссудная помощь не могла дать ощутимых результатов разорившейся массе беженцев. Намеченные съездом 150 руб. на каждого беженца для восстановления хозяйства говорят о том, какая непосильная задача стояла перед организациями по оказанию помощи беженцам. К тому же для обеспечения даже этой нормы требовалось 30 млн. руб.!

Учитывая тяжелое положение государственной казны и необходимость ограничения государственных расходов на беженцев, царское правительство постановлением от 24 июня 1916 г. сократило размеры продовольственной помощи проживающим в сельской местности на 10%, а беженцам-горожанам — на 15%.36

Однако единственно верным решением вопроса, как отмечал помощник наместника по гражданской части генерал Орлов, было трудоустройство беженцев. Государство должно было оказывать помощь только нетрудоспособным37.

Исходя из этого и учитывая тяжелое положение армянских беженцев, Бухарское управление строительства дорог в своей телеграмме от 20 февраля 1915 г. предлагало трудоспособным беженцам выполнять в весенние и летние дни земледельческие работы в Средней Азии за сдельную оплату38.

В другой телеграмме, направленной в Тифлис 8 июля 1915 г., отмечалось, что в Царицыне имеется большой недостаток в рабочей силе. И поскольку в Тифлисе сосредоточилось большое количество армянских беженцев, предлагалось перебросить в Царицын всех трудоспособных мужчин в возрасте старше 14 лет для восполнения нехватки рабочей силы39.

В одной из телеграмм, направленных из Владикавказа в Ереван, отмечалось, что для железнодорожного строительства в Московской губернии требуется 4 тыс. рабочих, которым предусматривалось дать широкие привилегии (50-60 руб. зарплаты, бесплатный проезд, государственные квартиры и т. д.)40.

Царизм считал целесообразным использовать дешевую рабочую силу беженцев для сооружения в Западной Армении важных военно-стратегических дорог. В телеграмме генерала Огановского от 5 августа, направленной епископу Хорену, отмечалось, что для проведения дорожно-строительных работ в Сурмалинском уезде требуется 2-3 тыс. рабочих, вследствие чего предлагалось организовать из армянских беженцев рабочие группы. Работавшим беженцам предоставлялась возможность поселиться даже в Алашкертской равнине, а армянские общества должны были заботиться о семьях работавших беженцев41.

В другой телеграмме генерала Огановского от 12 сентября 1915 г., направленной на этот раз ереванскому губернатору, отмечалось, что для сооружения в Турции дорог требуется 4 тыс. рабочих-землекопов42. В ответной телеграмме ереванский губернатор граф Тизенхаузен сообщал, что по инициативе епископа Хорена в Западную Армению уже направлены около 8 тыс. рабочих-беженцев для использования их на дорожных работах43. Ереванский губернатор немедленно приступил к организации новых групп рабочих-беженцев. В телеграмме, направленной уездным начальникам, он отмечал, что необходимо принять все меры для создания групп из беженцев и направить их в пограничные районы Турции, в частности, в Оргов и Сурмалинский уезд, в распоряжение епископа Хорена. Одновременно губернатор угрожал, что те беженцы, которые откажутся отправиться на работу со своими семьями, будут лишены государственного пособия44.

Сравнительно мягкие требования выдвигал Главный Кавказский комитет. В телеграмме от 7 ноября 1915 г., направленной председателю Ереванского губернского комитета, отмечалось, что комитет считает важной задачей обеспечение беженцев работой, перебрасывая трудоспособных беженцев в районы с недостаточной рабочей силой или же предоставляя беженцам работу по месту жительства. Главный Кавказский комитет считал важным также основание трудового бюро, привлечение к работам уездных комитетов, частных и благотворительных организаций и местных сил45.

Совет министров, рассмотрев вопрос о средствах, предназначенных для нужд беженцев, пришел к выводу, что те беженцы, которые живут за счет государственной казны и различных благотворительных учреждений, без особого энтузиазма относятся к предлагаемой им оплачиваемой работе. Считая недопустимым подобное явление, особенно в условиях нехватки рабочих рук, Совет министров предложил, чтобы трудоспособные беженцы приняли участие в работе, в частности, на объектах военного назначения, в противном случае они лишатся государственного содействия46.

В вопросе использования физического труда беженцев к началу 1916 г. стало заметно определенное "смягчение" политики царизма. Так, в докладной от 16 января 1916 г. начальник сообщений Кавказского округа уведомлял ереванского губернатора, что для дорожного строительства требуется 15 тыс. рабочих-беженцев, которых генерал Порошин намеревался набрать посредством добровольного их согласия.

Ереванский губернатор в своем ответе напоминал, что жители губернии часто нуждаются в рабочих руках и что в этом вопросе большую помощь могут оказать беженцы47, из которых надо создать артели под полицейским надзором. Одновременно новый губернатор Еревана Стрельбицкий придавал большое значение также использованию рабочей силы и скота мусульманского населения губернии для оказания помощи беженцам, живущим в армянских и русских селах48.

Политика использования беженцев в строительстве дорог приобрела новый размах в 1916 г. В телеграмме от 4 апреля 1916 г. генерал Тамамшев сообщал ереванскому губернатору, что для строительства дорог на побережье Черного моря требуются 2 тыс. рабочих-землекопов, для чего главному инженеру дорог предлагалось привлечь армян-беженцев для работы в районах Сухуми и Туапсе49.

Одновременно, учитывая местные неблагоприятные условия, Строительное управление считало невозможным принять на работу семейных беженцев50. После ряда военных операций 1915-1916 гг. стала ощущаться необходимость использования труда беженцев в сельском хозяйстве.

Особое совещание по размещению беженцев признало первоочередной задачей использование рабочей силы беженцев в сельском хозяйстве, а отказывающиеся участвовать в сельскохозяйственных работах беженцы будут лишены государственного пособия51. Согласно данным, полученным от губернаторов министерствами земледелия и внутренних дел, в мае 1916 г. в 17 губерниях России в сельскохозяйственные работы были вовлечены 50 тыс. беженцев52.

О важности привлечения беженцев в сельскохозяйственные работы свидетельствует тот факт, что 18 февраля 1917 г. Особое совещание по делам беженцев обсудило доклад специальной комиссии относительно работы беженцев в сельском хозяйстве. С этой целью предусматривалось с 1 апреля до 1 октября 1917 г. сократить на 50 % пособия беженцам, а вместо этого использовать беженцев в сельскохозяйственных работах. Проект комиссии подвергся критике представителями национальных организаций, которые считали, что принудительный труд беженцев приравнивает их к военнопленным53. Дешевая рабочая сила армянских беженцев использовалась и в других областях. Так, районный комиссар Алашкерта Н. Н. Миколенко предлагал использовать беженцев в работах по заготовке строительного леса для восстановления разрушенных домов, а также на строительстве дорог. Это могло содействовать в дальнейшем колониальной политике царизма на этой территории54.

Где бы ни работали беженцы, они находились, несмотря на все обещания правительства, в тяжелом и жалком положении. Так, семьи беженцев, проживающие в Норбаязетском уезде, в своем письме Ереванскому комитету Братской помощи от 21 апреля 1916 г. с горечью сообщали, что "три месяца назад наши рабочие силы были направлены работать на поле войны. Ныне мы получаем письма, что они живут в самых ужасных условиях, днями остаются голодными, имеются случаи смертности и заболеваний... Поэтому просим обратиться куда следует, чтобы возвратили наши осколки и разрешили отправиться на родину..."55.

Царизм осуществлял также определенные мероприятия по переброске беженцев по железным дорогам. Согласно телеграмме начальника Закавказских железных дорог, направленной 23 мая 1915 г. ереванскому губернатору, бесплатная переброска беженцев по железной дороге в случае чрезвычайного отзыва касалась лишь их переброски в пределах губернии и главным образом тех, кто возвращался на родину, в частности, в район Карса56. В телеграмме ереванскому губернатору (28 июля 1915 г.) отмечалось, что, учитывая запрет на переброску беженцев в Тифлис и Баку, а также крайне напряженную работу железной дороги, наместник не считал возможным переброску беженцев железной дорогой57.

Таким образом, проводя захватническую политику, царское правительство, тем не менее было вынуждено считаться с обосновавшимися в Закавказье армянскими беженцами, удовлетворять их многообразные нужды. Ведь тяжелое положение беженцев и с политической, и с экономической и с медицинской точек зрения угрожало Кавказскому краю.

1. Амбавабер, 1916, 10 янвяря; Кавказ, 1916, 12 января; Мшак, 1916, 16 января; Армянский вестник, 1916, N1.
2. ЦГИА РА, ф.28, оп.1,д. 132, л. 30-33; Амбавабер, 1917, 23 апреля.
3. РГИА, ф.199, "Д. Н. Жбанов", оп.1,д. 117; Оризон, 1916, 15 июля; Арев, 1916, 20 июля; Армяне и война, 1916, июль,N5; Ван - Тосп, 1916, 24 июля.
4. Оризон, 1916, 27 октября; Мшак, 1916, 28 октября; Ван-Тосп, 1916, 30 октября; Ашхатанк, 1916, 2 ноября
5. ЦГИА РА, ф.28, оп.1, д. 581, л. 7; ЦГИАГ, ф.2080, оп.1, д. 178, л. 98;
6. Ашхатанк, 1917, 3 июня.
7. РГВИА , ф.29, оп.7, д.329, лл 19-24; РГИА, ф.1276, оп.19, д.1148, л.39; Закон об обепечении нужд беженцев. М., 1916. С. 1-16.
8. ЦГИА РА, ф.239, оп.1, д.3, л.30-31; Спутник беженца. Пгд., 1916.
9. РГВИА, ф.29, оп.7, д.329, л.26; Спутник беженца. С. 5-8
10. РГВИА, оп.7, д.329, лл.26-27; РГИА, ф.1276, оп.19, д.1148, лл.39-41; ЦГИАГ, ф.17, оп.1, д.8338, л.1.
11. ЦГАИДОПО РА, ф.14, А.Аракелян, д. 1949; Голос Кавказа, 1915, 11 декабря.
12. ЦГИА г. Москвы, ф.179, оп.3, д.1204, лл.1-8; Руководящее положение по устройству беженцев. Пг., 1916.
13. ЦГИАГ, ф.520, оп.1, д.201, л.20-24.
14. ЦГИА г. Москвы, ф.65, оп.39, д.124, л.2; РГИА, ф.1276, оп.19, д.1162, лл.53-54; ЦГИАГ, ф.520, оп.1, д.204, л.31-39; Беженец, 1915, 22 ноября.
15. ЦГИАГ, ф.2080, оп.1, д. 178, л. 153.
16. ЦГИА РА, ф.70, оп.1, д.437, л.280.
17. Там же, ф.50, оп.1, д.127, л.41, 92; д. 207, л.61; ф.70, оп.1, д.330, л.71.
18. ЦГИАГ, ф.520, оп.1, д.204, лл.31-33.
19. РГИА, ф.1276, оп.19, д. 1162, лл.53-54.
20. ЦГИА РА, ф.17, оп.1, д.8595, л. 126.
21. Там же, л. 126-127.
22. ЦГАРФ, ф. ДП 00, 1916г., д.14, лл. 119-120; Басилая Ш.И. Закавказье в годы первой мировой войны. Сухуми, 1968. С. 119.
23. ЦГИА РА, ф.70, оп.1, д.436, л.78; Арев, 1916, 7 августа; Амбавабер, 1916, 3 января
24. Амбавабер, 1915, 23 октября.
25. Мшак, 1916, 17 марта; Амбавабер, 1917, 1 января.
26. ЦГИА Р Арм., ф.70, оп.1, д.439, л.36.
27. Молот, 1917, 29 октября.
28. ЦГИАГ, ф.17, оп.1, д.8595, лл. 179-182.
29. РГВИА, ф.29, оп.7, д.329, л.27; Нор - Дар, 1916, 24 октября; Оризон, 1916, 16 апреля; Ашхатанк, 1916, 19 октября; Великая война и армянский народ. Т. 1. Константинополь, 1920. С.63. на арм.яз.
30. Лео. Идеология революции турецких армян. С. 187.
31. ЦГИА РА, ф.57, оп.2, д.1254, л.1; ЦГАИДОПО РА, ф. 181. Общество армянских писателей, д. 109; Пайлак, 1916, 27 октября.
32. АВПР, ф. Политархив, 1915-16 гг., оп.482, д. 3492, лл. 5-6.
33. ЦГИА РА, ф.57, оп.2, д. 1254, л.1; Архив МЛИ, ф. 181. Общество армянских писателей, д. 109; Пайлак, 1916, 27 октября.
34. АВПР, ф. Политархив, 1915 г., оп.482, д. 3493, л. 12.
35. Русское слово. 31 марта 1915г.
36. ЦГИАГ, ф.17, оп.1, д.8598, лл.9-10; Ашхатанк, 1916, 14 декабря.

37. ЦГИА РА, ф.50, оп.1, д.127, л.90; ф.55, оп.1, д.134, л.231.
38. Там же, ф. 50, д. 18, л. 99.
39. Там же, ф.28, оп.1, д.380, л. 170.
40. Там же, ф.50, оп.1, д. 120, л. 14.
41. Там же, ф.50, оп.1, д.18, лл.219-220.
42. Там же, д.2, л.35.
43. Там же, д.2, л.36.
44. Там же, ф.70, оп.1, д.437, л.253.
45. Там же, ф.117, оп.1, д.1780, л.36
46. Там же,, ф.50, оп.1, д. 120, л. 10
47. Там же, ф.50, оп.1, д.120, л.1.
48. Там же, ф.70, оп.1, д. 163, л.2-3.
49. ЦГАЛИ РФ, ф.199, "Д. Н. Жбанов", оп.1, д. 117, л.26.
50. ЦГИА РА, ф.57, оп.2, д. 1266, л.42.
51. Там же, ф.70, оп.1, д. 164, л. 157.
52. ЦГАЛИ РФ, ф.199, "Д. Н. Жбанов", оп.1, д. 117, л.26.
53. Русская воля, 1917, 19 февраля.
54. Республика, 1917, 15 ноября.
55. ЦГИА РА, ф.50, оп.1, д. 120, л. 156.
56. Там же, ф.50, оп.1, д.49, л.51; ф.223, оп.1, д.9, л.8.
57. ЦГИАГ, ф.520, оп.1, д.16, л.3; ЦГИАРА, ф.50, оп.1, д.49, л.67.

ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В АРМЯНСКОМ ВОПРОСЕ (1916-1917 гг.)

Меликян В. Г.

На протяжении тысячелетий национальной сверхзадачей армян являлось сохранение и развитие армянской цивилизации на своей исторической родине. До 1915 г. от Киликии до Куры армяне, не имея государства, жили на своих исторических территориях, сохраняя свой язык, религию, культуру, традиции. Однако армянскому народу в XX в. выпали трагические судьбоносные испытания, в корне изменившие картину армянского мира.

Первая мировая война, геноцид армян 1915 г., российские революции 1917 г. в продолжении трех лет потрясали не только армян. Они расшатали основы российского государства, которое, начав войну при царском правительстве, пережило две революции, коренным образом изменивших российскую внешнюю политику.

В отличие от многих стран Западной Европы, Россия в основном не руководствовалась идеей создания национального (в этническом смысле) государства, не ставила знака равенства между национальным и государственным. При этом российская государственность не только все время разрушалась войнами и революциями, но и трансформировалась в процессе осуществления собственного грандиозного исторического "проекта". В конечном счете это помешало процессу российского национального строительства войти в привычный для Запада образ.

Обширные пространства, этническое многообразие предопределяли в качестве общенационального интереса укрепление государства, призванного гарантировать выживание Отечества, его территориальную целостность и внешнюю безопасность.

Вот почему национальные интересы России стали трансформироваться в государственные. Государственные интересы еще при Петре I были официально поставлены выше интересов общества и личности, что и предопределило, собственно, "имперский" характер России.

Армянский вопрос оказался в поле зрения российской внешней политики на одной из поздних стадий развития Восточного вопроса, находившегося в центре внимания России на всем протяжении XIX в. Еще в XVIII в. усилившаяся Российская империя стремилась утвердиться на Балканах и в Закавказье, получить доступ к "теплым морям". Именно это стремление России явилось причиной не только русско-турецкого противостояния, но и осложнения отношений с ведущими европейскими странами. Великие державы вовсе не были заинтересованы в усилении позиций России на Ближнем Востоке.

Осуществляя свои внешнеполитические замыслы, русская дипломатия широко использовала возможность вмешательства во внутренние дела Турции, оказания давления на ее правящие круги под предлогом защиты интересов подвластных Османской империи христианских народов, в том числе и армян.

Подобная политика России явилась основой формирования прорусской политической ориентации не только восточных, но и западных армян, что неоднократно проявлялось во время русско-турецких войн.

Армянские общественно-политические круги и население воспринимали продвижение России на юг и аннексию Западной Армении как осуществление национально-освободительной идеи XVIII-XIX вв. Все сводилось к решению Армянского вопроса, в частности, к освобождению Западной Армении от турецкого ига и восстановлению армянской государственности.

Вскоре стало ясно, что царское правительство не намерено оправдать чаяния армян. 5 июня 1916 г. царем было утверждено положение об образовании Военного генерал-губернаторства областей Турции, занятых по праву войны. Тот факт, что в наименовании генерал-губернаторства даже не упоминалась Западная Армения, достаточно ясно свидетельствовал о том, что царизм не помышлял о создании какой-либо Армянской автономии и после окончания войны. В случае, если эта территория останется подвластной России, генерал-губернаторство могло быть превращено в обычную российскую губернию. Об этом свидетельствует и расформирование армянских добровольческих отрядов, которые влились в состав стрелковых частей русской Кавказской армии.

И, наконец, заключение соглашения Сайкс-Пико уже не давало никаких надежд на решение национально-освободительных устремлений армянского народа. В документах соглашения Сайкс-Пико термины "Армения" и "Армянский вопрос" вообще не фигурировали. Майкл Сайкс в записке английскому послу в России Дж. Бьюкенену от 12 марта 1916 г. считал невозможным создание армянского государства, а также полную передачу Армении России (подразумевалась "желтая зона" – области Эрзрум, Трапезунд, Ван, Битлис и часть Курдистана)1.

Впервые после Берлинского конгресса, с занятием Кавказской русской армией Западной Армении, Армянский вопрос, как сугубо военный, территориальный, принял реально разрешимый характер.

Однако впоследствии содержание Армянского вопроса значительно расширилось. Это обстоятельство к 1916 г. в первую очередь проявилось в вопросе о геноциде армян. Истребление западно-армянского населения и резкий демографический перелом в пользу мусульман привели к потере актуальности автономии Западной Армении под протекторатом России в дипломатических кругах2.

В конце ноября 1917 г. правительство Советской России рассекретило текст соглашения Сайкс-Пико и объявило его аннулированным, что свидетельствовало об изменении приоритетов в российской внешней политике. Нужно отметить, что и внутри российского внешнеполитического ведомства также были разногласия. Министр иностранных дел России (с 1910 г.) С. Д. Сазонов в том же 1916 г. подал в отставку, не разделив мнение царя относительно заключения с Германией сепаратного мира. Кстати, интересная параллель с Брестским миром.

Намерения царского правительства относительно Западной Армении проявились, в частности, в планах колонизации западноармянских территорий. Возникли проекты заселения Западной Армении русскими переселенцами.

Инициатором подобного освоения армянских областей являлся министр земледелия А. Кривошеин. Командующий Кавказской армией генерал Н. Юденич также считал необходимым заселить пограничные с Россией области Алашкерта, Диадин и Баязет переселенцами с Кубани и Дона и образовать здесь так называемое "новоефратское казачество" в качестве надежной опоры русского государства.

В 1917 г. в России произошли радикальные политические события. Многонациональная и полная противоречий страна стала ареной общественных потрясений, революций. В этих условиях традиционные (военно-политические) пути решения Армянского вопроса фактически потеряли свою практическую значимость.

После Февральской революции Армянский вопрос вступил в своеобразный этап своего развития и представлял собой совокупность различных, в частности, внутренних проблем. В истории Армянского вопроса деятельность Временного Правительства нужно считать прогрессивной. Созданная им военно-гражданская власть в Западной Армении — исключительный случай в истории не только Армянского вопроса, но и всего армянского народа. Созданием Генерал-комиссариата Западной Армении (26 мая 1917 г.) гражданское правление в Турецкой Армении выводилось из под юрисдикции не только Кавказских властей, но и командования Кавказского фронта, и отдавалось в непосредственное распоряжение Временного Правительства. Этот указ придал законодательный характер правлению Западной Армении, которая признавалась как отдельная административная единица.

Благодаря последовательной внешней политике России и российско-армянскому боевому содружеству на Кавказском фронте, освобожденная Западная Армения впервые в своей истории непосредственно была подчинена Российскому государству.

Повторилось то, чего достигла Восточная Армения в 1828 г. по Туркменчайскому договору. Разница лишь в том, что с Турцией не подписывался договор, война продолжалась, а кризисное положение новой России не позволяло вести активные боевые действия.

В этом смысле Армянский вопрос опять принял военный характер и его решение как никогда связывалось с могуществом России.

12 мая 1917 г. министр юстиции А. Керенский призвал русских солдат продолжать войну не ради "захватов и насилия", а ради "спасения свободной России". На этот раз в качестве новых лозунгов на первый план выдвигалась проблема сохранения власти, что в данном случае означало продолжение войны до победного конца. Тем самым демократическое правительство стремилось всячески воспрепятствовать также усилению большевизма3.

Альтернатива большевистской диктатуре в России, конечно же, была. Этим могло бы стать развитие по пути буржуазно-демократической республики. Однако реальная политическая ситуация в России в период с июля по октябрь 1917 г. свидетельствует, что за власть одновременно боролись сразу три силы: монархисты в лице генерала Корнилова, Временное Правительство и большевики.

Дальновидность большевиков проявилась в том, что сотрудничая с Временным Правительством, они сначала подавили контрреволюционный мятеж Корнилова, а затем, воспользуясь нестабильной политической ситуацией, пришли к власти.

С одной стороны, принято считать, что в октябре 1917 г. была прервана преемственность российской внешней политики, государственности, российской истории в целом. Осуществление имперского исторического проекта было внезапно прервано. Оппонируя эту мысль, можно утверждать, что осуществление данного проекта было приостановлено не столько Октябрьской, сколько Февральской революцией, особенно если эту идею связывать с победой в войне. С другой стороны, нужно принимать во внимание и тот факт, что большевики уже к 1922 г. в территориальном смысле практически восстановили Российскую империю, т. е. выполнили ту программу, которую не смогло осуществить Временное Правительство.

Можно лишь констатировать, что, к сожалению, на пути решения своих внутренних проблем, связанных в основном с сохранением власти, российская новая внешняя политика не смогла удержать за собой Западную Армению. На данном этапе территориальные проблемы рассматривались в контексте советизации тех или иных областей, в том числе и Восточной Армении.

1. Армения в документах международной дипломатии и советской внешней политики (1828-1923), Ереван, 1977. С. 384-388.
2. Там же. С. 401.
3. См. более подробно: Меликян В. Г. Февральская революция и Армения (март- октябрь 1917г.). Ереван, 1997.

СОВЕТСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ “ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ” И АРМЯНСКИЙ ВОПРОС (1945-1949 гг.)

Хачатрян К. Г.

В истории "холодной войны" определенное место занимает Армянский вопрос, обращение к которому советской дипломатией на заре "холодной войны" некоторыми, в основном западными, исследователями связывается лишь с "планами экспансии Сталина в отношении Турции", "расширением коммунизма на Ближнем Востоке". Не секрет, что, исключая короткие периоды "оттепели", русско-турецкие отношения в основном носили характер постоянной враждебности, геополитического соперничества. Такой же характер, в целом, носили и советско-турецкие отношения.

Как известно, Армянский вопрос, как составная часть Восточного вопроса, вошел в сферу международных отношений после русско-турецкой войны 1877-1878 гг., найдя свое отражение в Сан-Стефанском договоре 1878 г., который в том же году был пересмотрен под давлением англо-австрийской коалиции на Берлинском конгрессе. Россия не только лишалась части завоеванных в ходе войны территорий, но и монопольной роли гаранта того, что Османское правительство осуществит реформы в Западной Армении, защитит жизнь и права армянского населения империи. Это ставило под угрозу проведение реформ. Так и получилось. Османское правительство не только не выполнило своих обязательств перед державами, но, уяснив, какую пагубную роль для империи может сыграть Армянский вопрос, решило покончить с ним

посредством физического уничтожения армянского населения. Первая массовая резня (свыше 300 тыс. армян) была осуществлена правительством "кровавого султана" Абдул Гамида в 1894-1896 гг. Таким образом, в данном аспекте Армянский вопрос вошел в международную политику как вопрос о судьбе Западной (Турецкой) Армении и западных армян.

В годы Первой мировой войны младотурецким правительством Османской империи была организована и в 1915-1916 гг. осуществлена массовая депортация и физическое истребление армянского населения. Геноцид армян продолжался и в последующие годы и был завершен турецкими националистами-кемалистами лишь в 1922 г. За период с 1915 г. по 1922 г. было уничтожено ок. 1,5 миллиона армян, свыше 1 миллиона стали беженцами. Так образовалась армянская диаспора (по-армянски — "спюрк"). Со времени геноцида Армянский вопрос стал восприниматься сквозь призму его последствий.

После поражения Германии и ее союзников (в том числе Турции) в Первой мировой войне, державы-победительницы заявили, что угнетенные народы Османской империи, в первую очередь, армяне, в качестве их "младшего союзника" в войне, получат независимость. Отметим, что Восточная (Русская) Армения 28 мая 1918 г. провозгласила свою независимость. По Севрскому же договору от 10 августа 1920 г. Армения, в том числе и Западная (Турецкая), провозглашалась свободной и независимой. Таким образом, международная дипломатия, великие державы и сама Турция признали неоспоримое право армянского народа на свою родину — Западную Армению. К сожалению, долгожданное и справедливое решение Армянского вопроса в силу изменившейся международной обстановки не было реализовано. Осталось на бумаге и решение президента США Вудро Вильсона об определении армяно-турецкой границы. Согласно этому решению от 22 ноября 1920 г. (Вильсона арбитражный режим), к территории независимой Восточной Армении присоединялась значительная часть Западной Армении с выходом к Черному морю.

Осенью 1920 г., потерпев тяжелое поражение в развязанной кемалистами турецко-армянской войне и попав под кемалистско-большевистское военно-политическое давление, Армения была советизирована. По Московскому советско-турецкому договору от 16 марта 1921 г. Советская Россия незаконно уступила Турции (без участия армянской стороны) территории Армении — Карс и Ардаган, Сурмалинский уезд (со священной для армян горой Арарат). Под протекторат Советского Азербайджана был передан Нахичеванский уезд, а спустя несколько месяцев был незаконно передан и Нагорный Карабах. Вопрос о Западной Армении на советско-турецкой конференции вообще не поднимался. В дальнейшем он был похоронен международной дипломатией на Лозанской конференции 1922-1923 гг. К сожалению, этому во многом способствовала и недальновидная восточная политика большевиков, которая, провозгласив Турцию локомотивом "мировой социалистической революции" на мусульманском Востоке, пожертвовала как исконно армянскими территориями, так и геополитическими интересами России.

В условиях, когда находившаяся в составе СССР Советская Армения была вынуждена хранить молчание, дело борьбы за справедливое решение Армянского вопроса возглавила армянская диаспора. Выступая в качестве носителя исторической памяти, армянская диаспора стала движущей силой борьбы армянского народа за свои права на историческую Родину — Западную Армению. Следует отметить активную деятельность армянской диаспоры, всех ее организаций, армянских национальных партий, общественных движений, Армянской Церкви по включению Армянского вопроса в сферу международной политики с целью воссоединения отторгнутых армянских территорий к Советской Армении. К концу Второй мировой войны, в ходе которой десятки тысяч армян диаспоры сражались в армиях союзников, в рядах Сопротивления и партизанских отрядах, оказывая материальную и финансовую помощь (в 1943 г. в Нью-Йорке была создана антифашистская организация армян США в целях оказания помощи СССР и Советской Армении), успехи Красной Армии и ее союзников породили в диаспоре новую надежду на решение Армянского вопроса.

Надежду усилило и заявление Советского правительства от 19 марта 1945 г. о денонсации советско-турецкого договора от 17 декабря 1925 г. о дружбе и нейтралитете, как не соответствующего новой международной обстановке1. Уже 7 апреля 1945 г. действующий в Нью-Йорке Армянский Национальный комитет направил телеграмму И. Сталину с надеждой, что тот не забыл декрет Советской России "О Турецкой Армении" от 29 декабря 1917 г. и будет содействовать справедливым требованиям армянского народа2.

Особенно большие надежды были связаны с открывающейся в апреле 1945 г. в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций. Армянские национальные организации в США обратились к конференции и многочисленным делегациям с меморандумами по Армянскому вопросу, требуя его справедливого решения3. Отмечалось, что это даст возможность армянам диаспоры наконец вернуться к своим потерянным очагам. В дальнейшем организациями армянской диаспоры и армянскими общинами многих стран мира были представлены обращения также к руководству Советской Армении, руководителям держав-победительниц на Берлинской (Потсдамской) конференции (август 1945 г.), сессии Совета министров иностранных дел в Лондоне (сентябрь 1945 г.), Московскому совещанию министров иностранных дел трех держав (декабрь 1945 г.), 1-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Лондоне (январь 1946г.) и т. д. 27 ноября 1945 г. Католикос всех армян Геворк VI обратился к главам правительств СССР, США и Великобритании с требованием о присоединении к

Советской Армении территорий, отторгнутых Турцией. Эти и многочисленные другие документы под грифом "совершенно секретно" переправлялись советскому руководству4.

Вопрос возвращения армянских территорий, который был тесно связан с проблемой репатриации армян, поднятой диаспорой с конца 1944 г., был поддержан правительством Советской Армении и поставлен перед правительством СССР.

6 апреля 1945 г. руководство Советской Армении обращается в ЦК ВКП(б), к И. Сталину с просьбой поднять вопрос об установлении дипотношений и обмене дипредставителями между Советской Арменией и Ираном, Сирией, Ливаном; учреждении должности советника при посольствах СССР в США, Египте и Франции по вопросам армянских колоний; командировке представителей Совнаркома Армении для изучения на месте вопросов, связанных с предстоящей репатриацией, и "для ознакомления армян с достижениями Советской Армении". Последнее мотивировалось тем, что "дашнаки и другие антисоветские элементы делают провокационные заявления"5. Следует отметить, что 6 апреля 1945 г. Госкомитетом обороны СССР было принято решение об улучшении состояния автомобильных дорог Закавказья6, что имело далеко идущие цели.

15 мая 1945 г. первый секретарь ЦК компартии Армении Г. Арутюнян обращается к И. Сталину с просьбой разрешить организовать возвращение зарубежных армян в Советскую Армению7, а 4 июля и к В. Молотову8. К сожалению, обращения остались без ответа — начиналась Потсдамская конференция, которая должна была дать ответы на многие вопросы.

6 июля 1945 г. Г. Арутюнян вновь обращается к И. Сталину и В. Молотову с сообщением, что в Армении и диаспоре широко поднимается вопрос возвращения армянских территорий и выражается надежда, что Советское правительство, которое содействовало объединению украинского, белорусского и других народов, пойдет навстречу пожеланиям армянского народа и на предстоящей "встрече трех руководителей великих держав будет ставить вопрос об объединении с Советской Арменией территорий, отошедших к Турции после Первой мировой войны". В письме дипломатически намекалось, "что надо требовать восстановления границ 1914 г. и передачи бывшей Карсской области и Сурмалинского уезда Армении", и что с этим связывается также вопрос переселения зарубежных армян в Советскую Армению9. Интересен тот факт, что на состоявшихся в Москве в июне 1945 г. советско-турецких переговорах об урегулировании отношений в связи с денонсацией договора 1925 г. советская сторона устами наркома иностранных дел СССР В. Молотова заявила, что не против заключения союзнического договора при условии, если Турция пересмотрит режим черноморских проливов, согласится на создание военных баз в этой зоне и вернет некоторые армянские и грузинские территории, незаконно отторгнутые Московским договором 1921 году. Соглашение, однако, не состоялось.

Вопрос возвращения территорий Карса, Ардвина и Ардагана был поднят советской делегацией на Берлинской (Потсдамской) конференции, однако, встретив упорное сопротивление США и Великобритании, она не настояла на его включении в повестку дня. Несмотря на это, на конференции он все-таки был затронут в связи с вопросом о черноморских проливах. На шестом заседании 22 июля 1945 г. У. Черчилль обращает внимание И. Сталина на недопустимость пересмотра восточной границы Турции и о необходимости урегулирования советско-турецких отношений. По указанию Сталина Молотов заявляет, что советская сторона считает советско-турецкую границу несправедливой, так как Турция в 1921 г. аннексировала территории Карса, Ардвина и Ардагана у Советской Армении и Грузии, и во имя справедливости Турция должна вернуть эти территории. 23 июля вопрос в том же духе затронул и И. Сталин, заявив, что если Турция хочет подписать союзный договор, то должна пересмотреть советско-турецкую границу, в противном случае вопрос о союзе исключается. Советская сторона выразила готовность подписать отдельное соглашение по вопросу черноморских проливов10.

Надо заметить, что связывая территориальные требования армянского народа с вопросами черноморских проливов и военных баз, Советский Союз значительно ослабил свою позицию по первому вопросу, тем самым дав возможность Турции и ее союзникам обвинить СССР в экспансионизме, игнорируя справедливые требования армянского народа.

В связи с этим надо указать, что у некоторых исследователей сложилось мнение, что территориальные требования СССР носили относительно второстепенный характер, являясь лишь средством нажима на Турцию с целью добиться пересмотра режима черноморских проливов и их контроля.

Первым иностранцем, выразившим свое одобрение и сочувствие требованиям армян, явился известный общественный деятель, настоятель Кентерберийского собора доктор Хьюллет Джонсон, давний друг И. Сталина, председатель "Английского комитета помощи СССР". Х. Джонсон в июне 1945 г. посетил Советскую Армению, где присуствовал на Церковном соборе и выборах армянского католикоса. На соборе был поднят и вопрос о возвращении армянских территорий. На пресс-конференции Х. Джонсон заявил следующее: "Я полностью и от всего сердца согласен с тем, что области, отторгнутые Турцией, должны быть как можно скорей возвращены Армении. Турция намеренно задерживала нормальное экономическое развитие отторгнутых областей, население которых до сих пор непропорциально мало, в то время как их законные обитатели рассеяны по всему свету"11 .

Американский политический обозреватель Р. Миллер замечает, что не одобряя политику СССР в отношении Ирана, Маньчжурии, Восточной Европы, он тем не менее находит, что по отношению к Турции Советское правительство поступает правильно, поддерживая требования армян. Вместе с тем он считает, что "американское правительство в данном случае не должно противодействовать желаниям армян, а наоборот, выразить симпатию русским начинаниям в этом деле"12 .

В письме, опубликованном в мае 1946 г. в "Нью-Йорк Таймс", председатель "Американского комитета борьбы за права армян" Эдвин Смит замечает, что некоторые влиятельные американские круги, к сожалению, возражают против справедливых требований армян лишь по той причине, что это послужит стратегическим и экономическим интересам СССР. По этому поводу Смит заявляет: "Этот аргумент представляет собой призыв игнорировать требования человечности и справедливости только потому, что в результате будет случайно оказана помощь одному из великих союзников в недавней войне. Такая позиция не соответствует идеалам, за которые сражались и умирали американцы, русские, англичане и армяне. Армянский вопрос был создан черными страницами прошлой истории Турции, а не Советским Союзом"13 .

По нашему мнению, территориальные требования Советского правительства нельзя объяснить только "планами экспансии Сталина" и "расширением коммунизма на Ближнем Востоке". Здесь уместно говорить о попытке восстановления исторической справедливости — возвращения зарубежных армян на историческую родину. Заметим, что наличие большого контингента советских войск на советско-турецкой границе в годы Второй мировой войны было мерой не наступательного, а оборонительного характера. Известно, что по германо-турецкому соглашению, после падения Сталинграда 26 турецких дивизий, сосредоточенных на границе с Советской Арменией и Грузией, должны были вступить в Закавказье. Турецкое командование с нетерпением ждало вестей о захвате фашистами Сталинграда, чтобы отдать долгожданный приказ о переходе советско-турецкой границы. Уместно отметить, что позиция Турции в годы Второй мировой войны имела антисоветскую, антиславянскую, можно сказать, расистскую направленность. Премьер-министр Турции Ш. Сараджоглу хладнокровно заявлял, что "русская проблема может быть решена Германией, только если будет убита по меньшей мере половина всех живущих в России русских", и "как турок, он страстно желает уничтожения России, что является подвигом фюрера, равный которому может быть совершен раз в столетие"14.

Советско-турецкие отношения продолжали оставаться напряженными и после войны, что отмечалось и на турецко-армянском участке границы. Так, за период с 1945 г. по 1946 г. на границе произошло около 100 инцидентов (обстрелы погранзастав, взрыв турецкой части моста, связывающего Армению с Турцией через реку Аракс, обстрел турецкими солдатами советского самолета 13 августа 1945г.)15.

В начале ноября 1945 г. Г. Арутюнян вновь обращается в Москву к Сталину и Маленкову, отмечая необходимость принятия окончательного решения по вопросу организации репатриации. К документам прилагается и подготовленный проект решения СНК СССР16. И уже 21 ноября СНК СССР принимает решение "О мероприятиях по вопросу возвращения зарубежных армян в Советскую Армению", которое было приурочено к 25-летию советизации Армении и восторженно встречено армянами всего мира. 22 февраля 1946 г. правительством СССР было принято и решение "О практических мероприятиях по переселению армян из заграницы в Советскую Армению"17.

По данным советских представительств за рубежом и армянских комитетов по вопросам переселения, для возвращения на Родину обратилось около 360 тыс. армян из более десяти стран мира. Первые эшелоны с репатриантами стали прибывать в Армению во второй половине 1946 г. Сразу же выявились организационные просчеты, многочисленные социально-бытовые проблемы, нехватка жилья, продовольствия и т. д. Проблемы не были решены даже после особых постановлений Совмина СССР за подписью Сталина от 29 января, 24 марта и 10 декабря 1947 г.

Планы репатриации на 1947 г. не были реализованы: из намеченных 63 тысяч репатриировалось 35401 человек18. Не были реализованы и планы на 1948 г. В связи с многочисленными трудностями ЦК КП(б) Армении 24 августа принимает решение сократить число репатриантов на 1948 г., а с 1949 г. и вовсе прекратить репатриацию19. Однако уже с 14 сентября 1948 г. репатриация была прекращена. Поводом послужила телеграмма Сталина Маленкову. В связи с пожаром на борту теплохода "Победа" 1 сентября 1948 г., который днями раньше переправил в порт Батуми большую группу репатриантов, Сталин уведомляет Маленкова: "Среди армянских репатриантов есть американские агенты, которые подготовили диверсию на теплоходе "Победа". На следующий день Маленков отрапортавал "вождю": "Вы, конечно, правы… Примем все необходимые меры". И меры принимаются — Совмин СССР 14 сентября 1948 г. принимает решение о незамедлительном прекращении репатриации армян в Советскую Армению20. Было сделано исключение лишь в отношении 162 репатриантов из США, эта последняя группа прибыла в Армению в феврале 1949 г., тем самым завершив "Большую репатриацию" 1946-1949 гг.

В принятии таких мер не последнюю роль сыграла и поднятая в СССР антиармянская кампания, в частности, так называемые "Друзья Турции" отправляли клеветнические письма руководству СССР, где отмечалось, что "необходимо разгромить армянский буржуазный национализм", отвергнуть территориальные

требования, которые имеют цель воссоздать "Великую Армению" и отделиться от СССР. Отметим также, что первый секретарь ЦК КП(б) Грузии К. Чарквиани в письме к Сталину уведомлял "о деятельности армянских националистов в Закавказье". Сталин переадресовал письмо Л. Берии21.

За период 1946-1949 гг. в Советскую Армению возвратилось около 90 тыс. армян из 12 стран мира, а желающих, как уже отмечалось, насчитывалось около 360 тыс.

Борьба армян за справедливое решение Армянского вопроса продолжалась и в последующие годы "холодной войны", начало которой, как принято считать, положила речь У. Черчилля, произнесенная в присутствии президента США Г. Трумэна в Фултоне 5 марта 1946 г. Турции отводилась роль преграды на пути "расширения советского влияния на Ближнем Востоке" против "восточного коммунизма". Отметим, что уже в начале апреля 1946 г. в Стамбул прибыл американский линкор "Миссури", на котором были привезены останки умершего в США турецкого посла Эртегюна. На линкоре в Турцию прибыл и личный представитель президента Трумена — Уэнделл с группой американских журналистов. Турция восприняла это событие как факт американской поддержки, "политической демонстрации, направленной против СССР". Турецкая печать воинственно писала: "Если артиллерийские залпы с бортов "Миссури" и "Явуза" вызывают радость у дружеских стран, то у наших врагов они вызывают печаль и думы. Но они бессильны, ибо турецко-американская дружба заставит еще больше призадуматься тех, кто ожидает случая, чтобы напасть на Турцию". На вопрос американского журналиста о позиции Турции относительно советских требований о предоставлении военных баз и возвращении районов Карса, Ардагана и Ардвина, премьер-министр Турции Сараджоглу ответил, что США готовы поддержать Турцию против любой внешней агрессии22. Сараджоглу не был далек от истины. 8 марта 1946 г. "Нью-Йорк Таймс" писала: "В Вашингтоне считают, что советские территориальные требования к Турции являются более серьезными, чем любые другие, так как попытка захватить этот район вызвала бы войну"23. Известно, что в таком духе высказывался и президент Трумэн, считая границу Турции с СССР границей США.

Можно резюмировать, что визит линкора явился политической и моральной поддержкой Турции со стороны США. США открыто продемонстрировали свои интересы в Ближневосточном регионе.

Состоявшийся весной 1947 г. в Нью-Йорке Всемирный армянский конгресс, в работе которого приняли участие 715 делегатов из 22 стран мира, представляющих 70 зарубежных армянских организаций и 275 их отделений, 31 церковную епархию, поднял вопрос о возвращении Турцией армянских территорий. Выступивший на открытии конгресса сенатор Чарльз У. Тоби высказался за справедливое решение Армянского вопроса, за возвращение армянских территорий, в границах предложенных президентом Вильсоном в ноябре 1920 г. Сенатора поддержали его коллеги, делегаты конгресса. Образованная конгрессом делегация 12 мая представила заместителю госсекретаря США Этчисону меморандум, прося правительство США внести в повестку дня сессии ООН вопрос о территориальных требованиях к Турции. Решение конгресса было передано также в секретариат ООН24. Однако требования конгресса не нашли поддержки в условиях "холодной войны" и нового политического курса США. Под предлогом защиты от "коммунистической опасности" провозглашенная в начале апреля 1947 г. "Доктрина Трумэна" предусматривала оказание широкой финансовой и военной помощи Турции, гарантируя ее территориальную целостность. 15 мая 1947 г. Конгресс США принял закон об оказании такой помощи в размере 400 млн. долларов Турции и Греции, а 12 июля 1947 г. было подписано соответствующее американо-турецкое соглашение.

Интересно, что параллельно с улучшением американо-турецких отношений, американская администрация принимала решительные меры, направленные против деятельности армянских организаций в США, требующих возвращения армянских территорий. Некоторые организации были включены в "черный список" антиамериканских организаций, другие под жестким давлением были вынуждены отказаться от пропаганды справедливых требований армянского народа. Американская администрация воспринимала их как противоречащие стратегическим интересам США.

В свою очередь, нарастание напряженности в международных отношениях, образование военно-политических союзов, подписание в апреле 1948 г. договора о Североатлантическом союзе (НАТО) и вступление в него Турции привело к тому, что руководство СССР, игнорируя чаяния армянского народа, 30 мая 1953 г. заявило, что "во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции… Советский Союз не имеет никаких территориальных претензий к Турции"25. В ноябре 1956 г. Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев в поднятии вопроса территориальных требований к Турции обвинил Л. Берия.

Таким образом, рассматривая любые территориальные требования к Турции через призму "развертывания коммунизма", США и западноевропейские державы на начальном этапе "холодной войны" не поддержали Армянский вопрос. Можно также констатировать, что "Доктрина Трумэна" косвенно была направлена и против справедливых требований армянского народа. Волею судьбы Армянский вопрос на этом

историческом этапе был вовлечен в сферу проти- востояния Востока и Запада, коммунизма и антикоммунизма, стал жертвой военно-стратегических, политических, идеологических противоречий периода "холодной войны".

1. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 3. М., 1947. С. 146.
2. Центральный Государственный Архив Документов Общественно-Политических Организаций Республики Армения (ЦГА ДОПО РА), ф.1, оп.26, д.47, лл.146.
3. Там же, оп.34, д.28, лл.46-47.
4. Там же, оп.26, д.47, лл.104-160,179-193; оп.34, д.28 и т.д.
5. Там же, оп.034, д.27, лл.18-22.
6. Там же, оп.25, д.22, л.19-20.
7. Там же, оп.034, д.27, лл.33-36.
8. Там же, лл.37-39.
9. Там же, лл.40-43.
10. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т.6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании/Сб. док. М., 1984. Док.N1. С. 37-38. Док.N13. С.135-136. док.N16. С.149.
11. ЦГА ДОПО РА, ф.1, оп.26, д.47, л.161-167.
12. Там же, л. 172.
13. Там же, лл.175-178.
14. Документы МИД Германии. Вып.2. Германская политика в Турции (1941-1943). М., 1946. Док.27. С. 98.
15. ЦГА ДОПО РА, ф.1,оп.26,д.47, лл.194-201.
16. Там же, лл.73-75.
17. Там же, ф.1, оп.26, д.47,л.43.
18. Там же, ф.1, оп.29, д.100, л.78.
19. Там же, оп.28, д.49, л.147.
20. РЦХИДНИ, ф.17, оп.12,24, д.83-1-2, лл.87-89.
21. Архив Президента РФ, 44-А5/7л.
22. ЦГА ДОПО РА, ф.1, оп.26, д.47, лл. 91-95.
23. Там же, л.163.
24. Армянский вопрос. Энциклопедия. Ереван, 1991. С.105 .
25. Берлинская (Потсдамская) конференция… С. 477.

ДИПЛОМАТИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Зонова Т. В.

Подводя итоги 200-летней деятельности российского Министерства иностранных дел, мы не можем не задуматься о тех проблемах, которые стоят сегодня перед дипломатической службой как в России, так и в других странах мира. Отмечу, что дискуссия о будущем дипломатии ведется уже не первое десятилетие. В основном участники этой дискуссии делятся на пессимистов и оптимистов: на тех, кто предрекает ее закат, и тех, кто считает эту отрасль государственного управления достаточно стабильной.

Наиболее известным выражением пессимизма стало высказывание З. Бзежинского, сводящееся к утверждению о желательности отдать помещение американского посольства в Лондоне под студенческое общежитие1.

Современная организация мирового бизнеса и средств связи, утверждает Бзежинский, позволяют любому бизнесмену установить необходимые контакты без помощи какого бы то ни было посольства. Речь идет, естественно, о странах с рыночной экономикой и демократической системой разделения властей. И, действительно, компании Шелл в Нигерии, БП Амоко в Колумбии, Оксфам в Эфиопии и Судане имеют гораздо более многочисленные представительства, чем любое правительственное агентство2 .

В связи с этим возникает вопрос: нуждаются ли страны в той классической дипломатической системе, которая зародилась на заре Нового времени в городах-государствах Апеннинского полуострова. Известная как "итальянская модель" дипломатии3, эта система основывалась на выделении внешней политики в самостоятельную отрасль государственного управления и на взаимоотношениях светских суверенных

правителей, пытавшихся следить за международным равновесием. Посол был личным представителем своего самодержавного монарха, в качестве такового обладал всеми необходимыми полномочиями для принятия самостоятельных решений.

Подобное положение дел в свою очередь определялось тем, что ответственные центры власти — монарх, президент, всесильный первый министр в стране, которую представлял дипломат, — были в состоянии заставить другие властные структуры играть соответствующую роль в политическом процессе, проводимом дипломатическими методами.

В современном мире внешняя политика постепенно теряет свой прежний статус, еще во времена Бисмарка характеризовавшийся как "das Primat der Aussenpolitik".

В условиях всеобщей глобализации постепенно исчезает грань между политикой внешней и внутренней. Проблемы, прежде считавшиеся сугубо внутренним делом той или иной страны, зачастую решаемы лишь на международном уровне, усилиями целого ряда различных акторов.

В отличие от стран с авторитарными структурами, в демократических странах наблюдается значительное рассредоточение центров власти и, соответственно, центров принятия решений. Дипломаты этих стран отнюдь не всегда уверены, получат ли предпринимаемые ими за рубежом акции поддержку со стороны парламентских институтов, органов местной власти, муниципальных властей. Это, в свою очередь, наносит ущерб престижу дипломатических представителей в глазах принимающей стороны. Не случайно еще задолго до Бзежинского в 1925 г. известный французский дипломат Жюль Камбон сказал: "Демократия всегда будет нуждаться в послах и министрах, однако неизвестно, будет ли она нуждаться в дипломатах?"

Не секрет, что решение многих жизненно важных для страны внешнеполитических вопросов перемещается из дипломатического ведомства в администрацию президента или премьера или в другие ведомства. Координаторами внешней политики стали выступать такие институты, как созданный во Франции в 1994 г. Межминистерский комитет по координации внешнеполитической деятельности. Его возглавил премьер-министр, а в его состав вошли те члены кабинета, ведомства которых имеют выход на международную арену. В работе комитета принимает участие специальный представитель президента, а также генеральный секретарь межминистерской комиссии по европейскому сотрудничеству4. В Германии координацией внешней политики также занимается соответствующее Бюро бундесканцлера5.

Особенно это касается вопросов военной безопасности. Американские источники отмечают, что вопросы национальной безопасности практически уходят из-под контроля Государственного департамента. Российские исследователи тоже заметили, что министерство иностранных дел России уступает ряд своих прерогатив в области решения проблем безопасности министерству обороны.

Таким образом, формируется ряд различных уровней выработки внешнеполитического курса *(policy-making)* и принятия решений *(decision-making)*.

В рамках государственных структур постоянно расширяется круг ведомств, непосредственно выходящих на международную арену и вступающих во взаимодействие со своими партнерами за рубежом. Все это происходит в сложной политической обстановке, где границы между субнациональными, национальными и интернациональными политическими полями становятся неразличимыми.

Действительно, в последнее время все чаще говорят о новой форме международной деятельности — *citizen diplomacy*6, поскольку трансформация государственного суверенитета и новые технологии позволяют непрофессиональным дипломатам — неправительственным организациям, группам и индивидумам — выходить на международную арену, минуя госаппарат.

В связи с этим встает вопрос о взаимодействии между государственными и негосударственными акторами на мировой арене. Дж. Розенау предлагает рассматривать современную международную политику как "два мира" — мир, где господствуют суверенные государства, и мир, где есть множество иных центров власти. Оба развиваются параллельно и взаимодействуют друг с другом.

Исследователями разработаны и другие сценарии, предусматривающие пересечение официальной и неофициальной дипломатической деятельности7. С. Браун предлагает рассматривать современную мировую систему как "глобальную полиархию", пронизанную сложными связями8. "По логике вещей дипломатия не является больше традиционным ведением государственной политики, она представляет собой комплекс взаимоотношений, устанавливаемых как между государственными, так и негосударственными акторами, результатом чего является ведение переговоров и создание новых институтов", — отмечают Т. Принсен и М. Фигнер9.

Сложность системы международных отношений, глобальный характер большинства проблем, все большее взаимопереплетение внутренней и внешней политики приводят к тому, что на современном этапе решающее значение приобретает многосторонняя дипломатия. Помимо ее традиционных форм — международных организаций и конференций — многосторонняя дипломатия находит свое выражение и в участившихся саммитах. Это своего рода возвращение к архаичной дипломатии, когда послами являлись в

основном люди, наделенные властью внутри страны, имеющие непосредственную возможность влиять на ее политический курс.

Частоте саммитов, бесспорно, способствует и наличие современных средств связи, позволяющих главам государств и правительств проводить оперативные встречи и совещания. Правда, в этих обстоятельствах задачи дипломатической службы приобретают более сложный характер, ибо зачастую главы государств склонны принимать неожиданные решения, которые требуют немедленного осмысления и развития. Время от времени внешнеполитическому ведомству приходится дипломатично корректировать те спонтанные заявления, которые были сделаны лидерами в ходе саммита. Это сказывается на традиционной роли посла, который в условиях классической дипломатии, исходя из интересов своего правителя и государства, принимал решения самостоятельно. Сегодняшняя практика во многом лишает его этих функций. В то же время, подготовка встреч на высшем уровне требует от дипломатов огромной подготовительной работы, по преимуществу аналитического плана. Поэтому было бы преувеличением утверждать, что "посол нужен лишь для того, чтобы заказать билеты на самолет и обеспечить номер в гостинице руководителям своей страны"10.

Пессимистический взгляд на будущее дипломатической службы находит свое подтверждение и в целом ряде других факторов. Прежде всего, это хронический дефицит средств, предусматриваемых государственными бюджетами для финансирования центральных внешнеполитических ведомств и зарубежных представительств. Действительно, после второй мировой войны произошел колоссальный рост бюрократического дипломатического аппарата. Это объяснялось и логикой холодной войны, и возникновением многочисленных новых независимых государств. Возросшая сложность внешнеполитических проблем, требовавших участия в их разрешении все более широкого круга специалистов, привела к тому, что, например, американские посольства в последние десятилетия были укомплектованы далеко не только карьерными дипломатами. Работники посольств представляли самые различные ведомства - военные, разведывательные, коммерческие, информационные, агропромышленные и пр. К началу нового тысячелетия американское посольство в Лондоне насчитывает всего 20% работников, принадлежащих к внешнеполитическому ведомству11.

Государственный департамент США, насчитывавший в конце 40-х гг. 700 человек, к 1990 г. увеличил свои штаты до 10000 чиновников12. В Великобритании, имевшей в 1914 г. всего 9 послов, в настоящее время в центральном ведомстве трудится 2295 чиновников, а в зарубежных представительствах 784113.

Швейцария, не имевшая до 1960 г. ни одного представителя в ранге посла, к 1990 г. имела более 70 посольств и т. д. Постепенно практически все страны по соображениям престижа стали обмениваться посольствами, что предполагало и известный численный рост представительств.

Тем не менее с окончанием холодной войны, причем, несмотря на возникновение значительного числа новых государств в Европе и на территории постсоветского пространства, многие страны стали сокращать расходы на содержание дипломатической службы. В частности, в докладе видного американского посла В. Хэрропа, подготовленном по заданию Рэнд Корпорэйшн в качестве рекомендаций новому президенту, отмечалось, что еще в 1960 г. расходы США на международные дела составляли около 4% федерального бюджета. В начале 90-х они сократились до 1,5%. По прогнозам на 2001 г. внешнеполитическая статья расходов составит лишь 1%. Таким образом, к концу XX в. бюджетные ассигнования на дипломатическую службу США сократились по сравнению с началом 80-х гг. более чем на 50%14. При этом США тратят на разведывательную деятельность на 50% больше, чем на внешнюю политику, а бюджет ЦРУ намного превышает бюджет Госдепа. В результате США к 2000 г. закрыли около 40 своих посольств и консульств15.

Правительство Великобритании, сохраняя огромные расходы на оборону, так урезало бюджет внешнеполитического ведомства, что он составил половину французского и всего лишь треть германского16.

В России в конце 90-х гг. в связи с финансовыми трудностями было сокращено более 300 должностей, упразднены генеральные консульства в Польше, Венгрии, Германии и Болгарии, уменьшена численность посольств на менее активных политических направлениях17.

Немалые проблемы возникают и с дипломатическими кадрами. Зачастую наиболее подготовленные и талантливые молодые люди, выдержав сложные конкурсные испытания, на проведение которых министерства иностранных дел затрачивают огромные средства, немедленно соглашаются на предложения следивших за результатами экзаменов крупных коммерческих компаний, которые обещают претендентам гораздо высокооплачиваемую должность.

Кадровый вопрос усугубляется так называемой гендерной проблемой. Постоянно возрастающее число работающих женщин и женщин-дипломатов заставляет задуматься об обеспечении занятости жены или мужа дипломатического сотрудника во время работы за рубежом, об обеспечении представительств необходимыми структурами для воспитания и образования детей.

Серьезной проблемой для внешнеполитической службы стал современный терроризм. Дипломаты являются привлекательной мишенью для террористов, поскольку их похищение, например, всегда вовлекает в последующие переговоры представителей власти того или иного государства на самом высоком уровне. Поэтому более трети жертв, подвергшихся подобному шантажу, в настоящее время составляют дипломаты. Это

делает профессиональную дипломатическую карьеру не менее опасной, чем, предположим, представителей средств массовой информации, работающих в горячих точках. Объектом террористических атак становятся и посольства. Достаточно напомнить о взрывах в американских посольствах Кении и Танзании в 1998 г., повлекших за собой значительное число жертв.

Вопросы обеспечения безопасности представительств и их персонала занимают все большее место в планировании внешнеполитической деятельности. В 2000 г. прошла конференция американских архитекторов, занимающихся строительством зданий дипломатических представительств. В одном из докладов прозвучало любопытное сравнение американских представительств в Европе 60-х гг. с сооружениями сегодняшнего дня. Демонстрируя миру свою открытость и демократичность, посольства послевоенного времени являли собой архитектурные конструкции из стекла и бетона. Извне можно было любоваться их внутренней структурой. Обычно в том же здании располагался культурный центр и библиотека, доступ в которые был открыт для широкой публики.

Сегодняшние постройки скорее напоминают средневековые крепости, количество стеклянных проемов в стенах строго ограничено. Посольства охраняют вооруженные морские пехотинцы, и в радиусе 100 метров от здания запрещены стоянки автомобилей и движение автотранспорта. Дипломаты в новом помещении чувствуют себя полностью изолированными от остального мира, но отнюдь не более защищенными18.

Автор законопроекта о безопасности посольских зданий и контртеррористической деятельности сенатор Р. Грэмс предложил последовать примеру американского представительства в Париже, открывшего в целях рассредоточения персонала филиалы в некоторых французских департаментах19.

И все же, несмотря на множество проблем, вряд ли можно говорить об исчезновении необходимости в профессиональной дипломатической службе. По всей вероятности изменения, происходящие в мировой системе, приведут не к исчезновению, а к качественному изменению самой дипломатической службы, не исключая и изменений ее формальных признаков. Иными словами, если слово "оптимизм" в отношении будущего профессиональной дипломатической службы вызывает определенные сомнения, то ее "оптимизация" представляется совершенно бесспорной.

Речь прежде всего идет об оптимизации самой структуры министерств иностранных дел. В связи с определенным снижением роли двусторонних представительств в министерствах неизменно возрастает число так называемых функциональных отделов, занимающихся общими проблемами.

Как уже указывалось, с появлением на международной арене большого числа новых акторов ведомства иностранных дел, перестав быть привилегированным каналом связи своего правительства с заграницей, своего рода "гейт-кипером", вынуждены взять на себя гораздо более сложные функции координации деятельности различных юридических и физических лиц. Особо остро этот вопрос встает в связи с процессами регионализации, которые вовлекают во внешнеполитическую деятельность отдельные земли, области, департаменты, графства и т. д 20.

Правительства европейских стран по-разному реагируют на подобные начинания. Так, в Италии декретом президента было установлено, что "даже в тех сферах деятельности, где Области (Regioni) обладают самостоятельностью, только государству принадлежит исключительное право окончательного решения, когда речь идет о международных отношениях или о связях с институтами ЕС". Декрет председателя совета министров подтвердил "исключительную компетенцию МИД-а в вопросах внешней политики". В ходе обсуждения законопроекта о реформе министерства иностранных дел Италии особое внимание было уделено координирующей роли МИДа в вопросах, касающихся международной деятельности регионов21.

В Норвегии этот вопрос решается иначе. В январе 1996 г., на конференции в Осло, посвященной вопросам регионализации, бывшая в то время премьер-министром Гру Харлем Брунтланд заявила, что "министерство иностранных дел не может далее сохранять монополию на контакты с заграницей"22. В развитие этого заявления отмечалось, например, что Тронхейм может создать "собственную службу внешних сношений" и назначать послов. Кстати, Тронхейм, Берген и Ставангер уже располагают своими лоббистами в штаб-квартире ЕС в Брюсселе. Представители норвежских властей утверждают, что их региональная политика основана на осознании того, что "значение национальных границ постоянно уменьшается".

Наиболее красноречивым примером изменений, происходящих в традиционной дипломатии, является трансформация в странах ЕС внешнеполитического механизма и дипломатических структур. Взаимозависимость и тесное переплетение проблем политического, экономического, социального и оборонного характера дали основание Дж. Джексону, на наш взгляд, удачно ввести в оборот термин "евродипломатия"23, свидетельствующий о возникновении своего рода новой европейской "политии", представляющей собой децентрализованный и многоуровневый институт согласования и проведения общей внешней политики.

Статья "J.10" Амстердамского договора определяет основные задачи дипломатических представительств следующим образом: дипломатические и консульские миссии государств-членов и делегации Комиссии в третьих странах и на международных конференциях, а также их представители в международных организациях, призваны кооперировать свои действия в достижении единства позиций.

О дипломатической активности Комиссии свидетельствует и тот примечательный факт, что при ней аккредитованы представители как государств - членов ЕС, так и 165 третьих стран, что, несомненно, превращает Комиссию в достаточно привилегированного актора международных отношений.

Главы постоянных представительств при ЕС входят в Комитет постоянных представителей — COREPER, координирующий орган, связывающий государства-члены с Брюсселем. В рамках COREPER осуществляются предварительные переговоры, предшествующие встречам министров иностранных дел и глав государств. Европейская пресса определила его как "эксклюзивный клуб, где все вопросы решаются во время деловых завтраков и где получают разрешение 90% всех вопросов, еще до того как они попадут на рассмотрение министров"24. Члены этого эксклюзивного клуба выступают в качестве своего рода лоббистов интересов аккредитующей страны, оказывая влияние на решения Комиссии. В свою очередь COREPER координирует деятельность 250 комитетов и рабочих групп, занимающихся подготовкой предварительных материалов для саммитов.

В литературе отмечается и обратное влияние интеграционных структур на дипломатический корпус. Дело в том, что в свое время согласование позиций осуществлялось создаваемыми *ad hoc* межправительственными рабочими группами, которые действовали под руководством глав соответствующих департаментов министерств иностранных дел. Теперь же центр дипломатической активности переместился в Брюссель, что увеличивает возможность ЕС оказывать значительное влияние на политику государств-членов через аккредитованных при нем дипломатов.

В настоящее время Комиссия имеет за пределами ЕС свои представительства (так называемые "делегации" или "миссии", направляемые генеральным директоратом Комиссии) в 124 странах и при многих международных организациях, в частности, при ООН, ВТО и ОБСЕ. В этих представительствах занято более 700 чиновников ЕС и около 1600 работающих по контракту местных жителей25.

В странах ЕС координация дипломатической деятельности между министерствами иностранных дел и органами Союза осуществляется широкой сетью "корреспондентов", имеющих офисы во всех столицах интегрированной Европы, а также соответствующее бюро в самом Брюсселе. "Корреспонденты" обеспечивают также постоянную связь между национальными центрами и Комиссией, направляя в течение одного года свыше 20000 шифрованных сообщений26.

На саммите Европейского совета в Хельсинки в декабре 1999 г. особое внимание было обращено на выработку более эффективных способов использовать дипломатическую сеть посольств стран-членов ЕС и делегаций Комиссии с тем, чтобы усилить роль ЕС в мировой политике27.

Стремление оптимизировать расходы на дипломатические институты приводит к появлению достаточно фантастичных проектов. Например, в Европейском союзе были озвучены предложения, направленные на создание единого министерства иностранных дел ЕС. Это позволило бы направлять в третьи страны объединенное посольство, способное заменить многочисленные представительства стран-членов. Правда, раздавались и менее радикальные предложения равномерно распределить обязанности между представительствами стран ЕС, когда посольство одной страны берет на себя лишь вопросы экономического сотрудничества, посольство другой — консульские функции и т.д.28.

На международных дипломатических форумах высказывалась также идея совместно приобретать или арендовать здания для посольств. Любопытно, что уже сегодня в Алма-Ате и Минске представительства Великобритании, Франции и Германии располагаются в одном здании. В Намибию и Танзанию направлены совместные представительства Северных стран Европы. Однако следует отметить, что, например, Великобритания, имеющая значительные экономические и финансовые интересы в Нигерии, отказалась размещать свое посольство совместно с партнерами по ЕС в общем здании. Однако система совместного использования не только помещений дипломатического представительства, но и оздоровительных комплексов, транспорта, школ, коммуникаций, систем связи и персонала получает все более широкое распространение.

Некоторые эксперты предлагают внешнеполитическим ведомствам последовать примеру латиноамериканских стран. Известно, что Колумбия, Мексика и Перу имеют несколько совместных посольств в третьих странах, причем раз в год послом становится по очереди представитель одного из этих латиноамериканских государств.

В условиях информационной революции все большую популярность приобретает идея поддерживания отношений с другими странами непосредственно из министерства иностранных дел. Иногда речь идет о возвращении к средневековой практике посольств ad hoc. Так, в последнее время в Норвегии практикуется институт так называемого "выездного посла", проживающего в своей стране и выезжающего по мере необходимости с чрезвычайным посольством.

Оптимизация является одной из центральных проблем реформ дипломатической службы. Исследования содержания различных предложений в этом направлении свидетельствуют о стремлении выявить степень необходимости полноценного дипломатического представительства в данной стране. Ведь в малых странах иногда достаточно присутствия двух-трех дипломатов. Это позволит значительно сократить аппарат.

Американские эксперты, например, предлагают учредить институт так называемых "magnet embassies", небольших посольств с функциональной специализацией. В то же время в кризисных ситуациях центральное ведомство должно быть готовым оперативно и гибко усилить эти представительства необходимым персоналом29. В Форин офис обсуждается вопрос о слиянии консульских служб стран-членов ЕС. Не исключается возможность прислушаться к настоятельным советам министерства финансов и закрыть некоторое число консульств, заменив их горячей телефонной линией, связывающей нуждающихся в консульских услугах с чиновниками в Лондоне30.

Экономии средств способствует широко распространенный институт "почетных консулов", как правило, не являющихся штатными сотрудниками министерств иностранных дел и не получающих заработную плату. Опираясь на Положение "О почетном консуле Российской Федерации" 1998 г., на сегодняшний день 29 почетных консулов представляют Россию в 26 странах мира31.

Инновационный и гибкий характер современной дипломатии доказывает и распространение так называемых "секций интересов", существование которых позволяет сохранять связи даже в отсутствие официальных дипломатических отношений32. Например, Великобритания и Ливия после разрыва дипотношений в 1964 г. и вплоть до их восстановления в 1999 г. сохраняли при посольствах третьих стран свои "секции интересов"33.

Все большее значение в последнее время придается экономической дипломатии. Участие внешнеполитических ведомств и посольств в содействии национальному бизнесу не является характеристикой лишь нашего времени. Уже в начале XX в. в министерствах иностранных дел и посольствах появились экономические отделы. Однако сегодня экономический аспект глобализации стимулирует внешнеполитические службы на гораздо более активное участие в коммерческих предприятиях. Задача продвижения и защиты национального бизнеса стала центральным пунктом большинства государственных программ, касающихся организации и деятельности внешнеполитических ведомств.

Сегодня в посольствах группы, занимающиеся не только вопросами экономики, но и пиара, во многом ориентированы на активное содействие финансистам, предпринимателям и коммерсантам своей страны. Например, одна из обязанностей американского посла состоит в том, чтобы "сделать все возможное для устранения тех законодательных положений страны пребывания, которые препятствуют продвижению американского бизнеса на рынки этой страны". В уже упоминавшемся докладе В. Хэрропа содержится предложение учредить трехсторонний форум — Госдеп, Конгресс, представители делового мира — для а) обсуждения проблем бизнеса в специфических условиях различных государств и рынков; б) более эффективной защиты интересов американского бизнеса; в) понимания различий в потребностях крупного, малого и среднего бизнеса. Выдвигалось также пожелание предусмотреть стажировку дипломатов на частных фирмах.

На прошедшей в Великобритании конференции "Партнеры по экспорту 2000 г." подчеркивалось, что продвижение торговли — одно из основных направлений работы английской внешнеполитической службы, поглощающее 25% ресурсов и занимающее 34% персонала зарубежных представительств34.

Активизирует свою деятельность в области экономической дипломатии и министерство иностранных дел России. Под его патронажем создаются деловые клубы и проводятся круглые столы российских бизнесменов, стремящихся выйти на мировой рынок. Нарабатывается техника дипломатического сопровождения важнейших проектов и сделок и их целевого лоббирования35.

Естественно, что в этой работе активно задействованы и консульские учреждения. Экономическая дипломатия требует все большего числа специалистов этого профиля для работы в центральном аппарате и зарубежных представительствах. Первостепенному значению экономической дипломатии в работе современных дипломатических институтов посвящена обширная литература36.

Широкие возможности государственных представителей за рубежом осуществить лоббирование и выйти на необходимый уровень в решении того или иного вопроса выгодно используются бизнесменами. В то же время исследователи экономической дипломатии отмечают, что при благоприятной конъюнктуре крупные фирмы и компании, имеющие собственные представительства за рубежом, предпочитают решать свои дела без вмешательства национального ведомства иностранных дел. Более того, замечено, что даже мелкие и средние предприниматели обращаются за содействием в соответствующие департаменты и посольства лишь в условиях кризисной конъюнктуры. При благоприятной конъюнктуре бизнес предпочитает работать напрямую со своими зарубежными партнерами. Само собой разумеется, что самостоятельно действуют на мировой арене и транснациональные корпорации.

Активное участие государственных внешнеполитических структур в экономической дипломатии ставит на повестку дня и такой острый вопрос, как коррупция. Подкуп иностранных чиновников становится довольно распространенной практикой. В США до последнего времени дипломаты, замеченные в такого рода деятельности, подвергались уголовному преследованию. Теперь это наказание сведено лишь к административным санкциям. Коррупция распространяется и по линии взаимоотношений между

представителями бизнеса и дипломатами. С другой стороны, посольствам менее развитых стран официальные отчисления от посредничества при сделках позволяют пополнить их довольно скудный бюджет37.

Все более активно заявляет о себе публичная дипломатия, которая в условиях возрастающего влияния общественного мнения нацелена на продвижение имиджа своей страны, своего бизнеса и своей культуры за рубежом. Это повышает требования, предъявляемые к дипломатам, работающим в области пиара и информации. В целях повышения уровня публичной дипломатии в 1999 г. в структуры Государственного департамента США влилось информационное агентство USIA. Подобный шаг был предпринят в связи с попыткой приблизить публичную дипломатию к центрам выработки внешней политики. В официальном докладе подчеркивалось, что "подключение USIA к работе Госдепа будет способствовать большей гибкости американской внешней политики, учитывая большой опыт агентства в области публичной дипломатии, его открытость, тесные связи с неправительственными организациями, высокий уровень технологического оснащения и навык использования возможностей интернета"38.

Всемирная служба Би-би-си и Британский совет тоже реформировали свою деятельность, приблизив ее к потребностям Форин Офис. Соответственно, информационный и культурный департаменты ФО подверглись соответствующей реорганизации39.

Будущее дипломатической службы во многом зависит от того, насколько она сможет приспособиться к требованиям революции в средствах массовой коммуникации.

Благодаря современной технологии участие зарубежных представительств в выработке политического курса и его проведении в жизнь может осуществляться посредством постоянного обмена между центром и посольством, которое раньше только получало инструкции и посылало в центр отчеты. Электронные средства делают возможной моментальную связь с правительством и его реакцию на события, что также становится сразу достоянием общественного мнения как в стране, так и за рубежом. При этом быстрота реакции на события приобретает такое же значение, как и сами события.

Что все это означает для профессионального дипломата? Известный исследователь современной дипломатии Б. Хокинг утверждает, что к дипломату будут предъявляться более высокие требования, ибо он, будучи избавлен от необходимости заниматься рутинной деятельностью по сбору информации, должен будет стать опытным менеджером, координатором и аналитиком. Весьма значимой станет его роль посредника между официальной и неправительственной дипломатией, его способность выявить и мобилизовать неправительственные ресурсы для достижения государственных целей. С другой стороны, дипломат нового поколения должен рассчитать, когда и каким образом правительственные дипломатические ресурсы могут быть предоставлены другим акторам в преследовании их целей на международной арене40.

Со все большей остротой сегодня встает вопрос о возрастающей в международной жизни и дипломатической работе роли духовного, религиозного и культурного факторов41. В частности, в ходе организованной Государственным департаментом США конференции "Роль посла в продвижении прав человека за рубежом" двадцать принявших участие в дискуссии американских послов пришли к выводу, что проблемы религии становятся ключевыми для гуманитарной дипломатии. Они также подчеркнули, что глубокое понимание того, как религиозное сознание влияет на ценностные ориентиры во всех сферах международной жизни, не менее важно для дипломатов, чем знание политических и экономических проблем42.

В то же время подготовка будущих дипломатов, как правило, не предусматривает углубленного изучения истории культуры и религии. Дипломаты из более чем двадцати стран мира, принявшие участие в проходившем в 1997 г. в Великобритании симпозиуме, выразили общую озабоченность стремительным сокращением средств, выделяемых из бюджетов на всестороннюю подготовку дипломатов43.

М. Стерн, опытный американский посол, в своей книге "Разговаривая с иностранцами: пути совершенствования американской дипломатии в США и за рубежом" отмечал, что "незнание проблем религии и культуры впоследствии не позволит дипломатам вовремя осознать намечающиеся в мире глубинные изменения"44.

Совершенно очевидно, что в современной мировой политике все очевиднее становится опасность военно-политического тренда, а зачастую и просто соблазна решать все проблемы путем применения силы. История, а также события сегодняшнего дня красноречиво свидетельствуют о том, что это тупиковый вариант развития. Путь к устойчивой прогрессивной эволюции, разрешению конфессиональных и этнических конфликтов и противоречий лежит через организацию глобального диалога, в основе которого — утверждение принципов справедливости и прав человека, толерантность и культура мира.

Во все времена именно дипломатия, независимо от облика ее конкретной исторической модели, является наиболее эффективным инструментом для установления и поддержания этого жизненно важного диалога. В этой своей основной роли дипломаты XXI в. и призваны выступить. Российская дипломатия, обогащенная отечественной культурой, опытом сосуществования различных народов и конфессий, а также убедившаяся на историческом прошлом своего государства, к чему ведет фанатизм и экстремизм, забвение общечеловеческих ценностей и принципов, должна занять в этом диалоге подобающее ей место.

1. G. McDermott, The New Diplomacy and its Apparatus, London, Plume Press, 1973, pp. 50-51.
2. M. Leonard and V. Alakeson. Going public (Diplomacy for the Information society / Foreign policy centre, supported by the British Council, London 2000. p. 77.
3. По мнению автора, современную дипломатическую систему вполне можно определить как глобализацию "ante litteram", ибо, зародившись в определенное время и в определенном месте, она впоследствии распространилась на весь мир.
4. E. Fossen. Regiones Europa // Dagbladet, 1996, 13 okt. P. 30.
5. Ibidem.
6. Представляется целесообразным переводить этот термин как "гражданская дипломатия", поскольку встречающийся в нашей литературе термин "народная дипломатия" скорее связан с реалиями советской дипломатии.
7. См. J. N. Rosenau. Turbulence in World Politics: a Theory of Change and Continuity, Hemel Hempstead, Harvester Wheatsheaf, 1990; M.W. Zacher, The decaying pillars of the Westphalian temple: implications for international order and governance, in J.N. Rosenau and E-O. Czempiel (eds), Governance Without Government: Order and Change in World Politics, Cambridge, Cambridge University Press, 1992.
8. S. Brown, New Forces, Old Forces and the Future of World Politics (Post-Cold war edition), New York, HarperCollins, 1995, chapter 8.
9. T. Princen and M. Finger (eds), Environmental NGO's in World Politics: Linking the Local and the Global, London, Routledge, 1994, p. 42, note 2.
10. Это шутливое замечание одного из министров иностранных дел Италии. Цит. по: E. Serra. La diplomazia in Italia. Milano, 1984. P. 34.
11. As diplomacy loses luster, young stars flee state department (by Jane Perlez, September 5, 2000).
12. George F. Kennan. Diplomacy without Diplomats? // Foreign Affairs. September/October 1997. p. 202.
13. B. Hocking. ed. Foreign ministries: Change and Adaptation. London. 1999. P.76.
14. W.C. Harrop. The Infrastructure of American Diplomacy // American Diplomacy. Summer 2000, vol. V. no. 3.
15. P. Galbraith. Reinventing Diplomacy, Again. Studies by CSIS and Stimson criticize foreign service ways, but miss some key question // Foreign Service Journal. February 1999. p.20.
16. David Howell, 'Britannia's business' Prospect, 15 January 1997, p. 29.
17. См. интервью с заместителем министра иностранных дел И. Сергеевым // Интерфакс, 5 апреля 2001 г.
18. J. Loeffler. The Identity Crisis of American Embassy // Foreign Service Journal, no.6, 2000. p. 18.
19. R. Grams. Vulnerable Embassies? Don't Blame Congress // Foreign Service Journal, no. 6, 2000. p. 26.
20. См. подробнее Т. Зонова. От Европы государств к Европе регионов? // Полис. 1999. ¹ 5.
21. D. Spence. Foreign Ministries in National and European Context // B. Hocking. ed. Foreign ministries: Change and Adaptation. London. 1999. P.258.
22. Consiglio europeo a Helsinki 10 e 11 dicem. Conclusioni della Presidenza. Ottimizzaione della rete diplomatica (www.europe.eu.int).
23. G.Jackson. Concord Diplomacy. The Ambassador's Role in the World Today. London.1981.
24. Il Messaggero. 1998, 10 ag.
25. Representations of the European Commission (www.europe.eu.int)
26. D. Spence. Foreign Ministries in National and European Context // B. Hocking. ed. Foreign ministries: Change and Adaptation. London. 1999. P.258.
27. Consiglio europeo a Helsinki 10 e 11 dicem. Conclusioni della Presidenza. Ottimizzaione della rete diplomatica (www.europe.eu.int).
28. Le parlament europeen se prononce en faveur de la creation d'une diplomatie commune // www.radicalparty.org/humanrights
29. Equipped for the future - Managing U.S. Foreign Affairs in Twenty-first Century // Henry L. Stimson Center. Washington. October 1998.
30. J. Kampfner. Call to share consular task? // Financial Times, 2 Februaary 1999.
31. См. интервью с заместителем министра иностранных дел И. Сергеевым // Интерфакс, 5 апреля 2001 г.
32. См. подробнее Simon Dear. Diplomatic Innovation and the Origins of the Interest Section. DSP Discussion Papers. No.66 (Leicester: Centre for the Study of Diplomacy, 2000.
33. G.R. Berrige. Diplomacy. Theory and Practice. Hemel Hempstead. Prentice-Hall / Harvester Wheatsheaf, 1995
34. www.fco.gov.uk
35. См. интервью заместителя министра иностранных дел И.Д. Иванова. "Независимая газета" 2000 г. 14 марта.
36. Одним из первых исследований этой темы в отечественной литературе стала книга В.Д. Щетинина "Экономическая дипломатия". М. 2001.

37. Rik Coolsaet. Trade is war: Belgium's economic diplomacy in the age of globalization. DSP Discussion Papers. no. 62 (Leicester: Centre for the Study of Diplomacy, 2000).
38. Public Diplomacy in the Department of State. Fact Sheet released by the Bureau of Public 39. Br. Hocking. ed. Foreign ministries … Op.cit. P.79.
40. Br.Hocking. Beyond Newness and Decline of Catalytic Diplomacy. DSP Discussion Papers, no.10 (Leicester: Centre for Study of Diplomacy, 1995). P. 25.
41. См. подробнее T. Zonova. Il fattore religioso nei rapporti internazionali // Konflikt und Konsens. Deutschland, Italien und Russland auf dem Weg zum vereinten Europa. Peter Lang Ver. 2001.
42. John Stempel. Faith, Diplomacy and International System. Diplomatic Studies Programme. Discussion Papers. P. 17.
43. John Stempel. Op.cit. p. 18.
44. Monteaagle Stearns, Talking to Strangers: Improving American Diplomacy at Home and Abroad. Princeton University Press, 1996.

РУССКО-АРМЯНСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ В СИСТЕМЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ АРМЯН ИЛИ АРМЯНСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ И АРМЕНИИ

Задохин А. Г.

Считается, что Армянский вопрос как проблема национально-территориального самоопределения и воссоздания национальной государственности был сформулирован в XVII в. представителями армянской элиты и таким образом стал системообразующим элементом самоидентификации, этнической мобилизации и консолидации. В Армении Армянский вопрос имеет два подхода. Согласно первому, он существует с первых дней возникновения армянского народа, согласно второму — вся история этноса есть история Армянского вопроса.

Следует отметить, что армянское национальное самосознание, оформленное в соответствующий национальный миф, идентифицирует свой этнос как один из древнейших на территории Кавказа, Ближнего и Среднего Востока. Особый акцент ставится на аборигенности армянского этноса, а начало своей государственности армяне связывают с таким известным историческим образованием, как Ванское царство или Урарту. Подчеркивается также, что формирование армянской социально-политической общности проходило в условиях жесткой борьбы за выживание. Принятие христианства рассматривается армянским самосознанием как рубеж в этногенезе, ибо именно оно в будущем определило их проевропейскую культурную и политическую ориентацию.

Для армянского самосознания характерно обостренное и болезненное чувство к внешней опасности, которая отождествляется с соседней Турцией и турками. Это чувство помогает национальной консолидации и является мощным ориентиром в самоидентификации.

В этой связи стоит отметить, что по-прежнему значимым для армянского самосознания является вопрос о признании факта геноцида армянского народа в 1915 г. В определенной степени это удается, если учесть, что в ряде государств (где наиболее представлена армянская диаспора) на том или ином политическом уровне геноцид армян признан.

Тот факт, что проблема прав и выживания армянского народа не рассматривалась как самостоятельная тема в европейской политике, а увязывалась с интересами великих держав, наложил отпечаток на процесс армянского национального самосознания. Обращения армян к великим державам за защитой часто не оправдывали их надежд, ибо эти державы прежде всего имели в виду свои геополитические интересы. Таким образом, у армян сложилось ощущение собственной "заброшенности", что в какой-то степени отразилось на национальной психологии.

Условия исторического и пространственного развития Армении определили и то, что судьба армян была тесно связана с Россией, ее региональной и мировой политикой. Вхождение в состав России восточных территорий Армении для части армян стало решением вопроса их безопасности, и, кроме того, дало возможность поставить вопрос о включении и Западной Армении, а значит, о воссоединении армян теперь уже в рамках христианской империи.

С особой чувствительностью армяне относятся к кавказской политике России, ее отношениям с Турцией и Азербайджаном. Признавая наличие у своего северного соседа собственных национальных интересов, армянское общество и диаспора остро переживают все нюансы и колебания российской внешней политики.

Восстановление армянской государственности после окончания Первой мировой войны, сам факт существования независимого армянского государства стал для всей армянской диаспоры важнейшим ориентиром в самоидентификации и стимулом для выхода из состава Советского Союза. Известно, что вхождение Армянской республики в СССР, при всех известных издержках, было воспринято скорее как геополитическая неизбежность, ибо в составе России и СССР армяне находились в более благоприятных условиях развития, чем в соседних Турции и Иране. Армяне получили не только физическую защиту, но и мощный импульс развития. Кроме того, как бы не критиковали советский период, но именно в это время были заложены основы современного армянского государства.

Конечно, были и другие пути развития, которые можно рассматривать как более благоприятные: проекты восстановления армянской государственности в форме республики, военно-политический союз с Россией, образование независимого Армянского государства после Первой мировой войны, которые можно рассматривать как нереализовавшиеся возможности. Но наряду с этим мог быть и другой — явно более неблагоприятный вариант. Известно, что кемалистская Турция вела себя крайне агрессивно. Великие державы тоже были готовы каким-то образом использовать ситуацию развала Российской империи в свою пользу. Но все это из области предположений. Реальностью же является тот факт, что в Западной Армении численность армян резко снизилась, а в СССР, хотя и не было той свободы, которую хотелось бы иметь, исключались эксцессы турецкого режима.

Какие бы не были разочарования и обиды в отношении России, российский фактор всегда был и остается одним из главнейших ориентиров армянского народа. Перипетии развала СССР хотя и потребовали уточнения места России в процессе самоидентификации армян, однако они не привели к ее кардинальной перестройке.

Политическая история Армянского вопроса начинается с XIX в. Но определенное историческое время Армянский вопрос существовал только как "вещь в себе", в том смысле, что христиане-армяне составляли одну из общин в этнически и религиозно многообразной Османской империи. Хотя армянские общины представляли собой относительно замкнутые миры (как и другие этнические общины), тем не менее они находились в определенной динамике и с той или иной степенью активности взаимодействовали с другими общинами региона, соотносили себя и с существующей политической системой и с мировыми процессами. Кроме того, этническая память по-прежнему идентифицировала армянскую общность с территорией ее зарождения и ее историческими государствами.

С развитием самосознания элитных армянских групп в городах (не без влияния идей европейского Просвещения) стремление к свободному культурному самовыражению и внутренний протест против имперского насилия оформляется в идею национального самоопределения и воссоздания собственной государственности.

Последняя треть XIX в. — это пик популярности идеи национального государства. Образование балканских государств стало важным стимулом для армян в их борьбе за право на свободное самовыражение и самореализацию. Это совпало с ростом тюркского национального самосознания, ранее растворенного в имперской идее. Но у турок было явное преимущество в ресурсах по реализации своей идеи. Армянам приходилось в основном рассчитывать на внешнюю помощь.

Армянский вопрос в своем политическом контексте реального восстановления государственности, национального самоопределения возник в результате национально-освободительной борьбы армянского народа.

Его окончательное политико-дипломатическое и юридическое оформление произошло после русско-турецкой войны 1877-1878 гг., когда Армянский вопрос вышел за рамки российско-османских отношений и приобрел международно-правовой статус, что нашло свое отражение в соответствующих статьях Сан-Стефанского соглашения и документах Берлинского конгресса. С этого момента решение Армянского вопроса в основном связывалось с реформами в Османской империи, а затем и с возможностью предоставления автономии Западной Армении. В ходе Первой мировой войны и после ее окончания Армянский вопрос был поставлен уже в аспекте выделения Восточной Армении из состава России и даже возможности объединения двух частей исторической Армении. В процессе распада СССР встал вопрос и об армянах Нагорного Карабаха и статусе этой территории.

Тот факт, что в настоящее время вопрос об объединении Восточной и Западной Армении официально не ставится, не означает, что в армянском самосознании он потерял актуальность. Определенный оптимизм в реализации идеи воссоединения всех армян может дать пример воссоздания практически из исторического мифа израильского государства.

Как уже было отмечено, особенности исторического и пространственного развития Армении определили тесную связь судьбы армян с Россией, ее региональной и международной политикой. А русско-армянские связи

остаются важным фактором в отношениях двух государств, то создавая определенные проблемы, то, наоборот, способствуя их решению.

Значительная часть армянского народа постоянно проживала и проживает в России и входит в состав интеллектуальных и бизнес-элитных групп России, связывая с ней осуществление своих интересов и самореализацию. Кроме того, определенные элитные группы в самой Армении также ориентированы на Россию. В то же время часть армянских элитных групп подвергает критике российскую политику и для этого есть основания, хотя бы в силу сложности исторического развития как такового.

Армянское самосознание не могло не зафиксировать тот факт, что Восточная Армения вошла в состав России без каких-либо формальных прав на минимальную автономию, хотя прецеденты уже имели место (Финляндия и часть земель Польши). А само вхождение было результатом сложных геополитических расчетов и дипломатических маневров России. Часто критиковался и подход пришедших к власти в Москве большевиков к Армянскому вопросу, поправших сложившуюся традицию русско-армянских связей. Советская политика размежевания кавказских народов также подвергалась острой критике. Обращалось внимание и на то, что в период "холодной войны" советское государство считало, что привлечение внимания к Армянскому вопросу может сказаться на отношениях с Турцией и межнациональных отношениях в самом СССР (хотя привлечь внимание к нему пытались многие представители армянской диаспоры за рубежом).

Армянский вопрос как международная проблема вновь остро встал в советский период, а также после распада СССР. Распад Союза, как в прошлом распад Османской империи и Российской империи, жестоко отразился на жизни армян Закавказья (Южного Кавказа).

В постсоветский период Армянский вопрос рассматривается в мировой политике в аспекте проблемы Нагорного Карабаха и армянских погромов в Азербайджане и перспектив стабилизации и нормализации армяно-азербайджанских отношений, различных конфликтов на Кавказе. Это имеет определенное значение для ряда соседних и западных государств. При этом, если государства (из этого ряда нельзя исключать даже Азербайджан), имеющие какое-либо отношение к Армении, так или иначе будут определять свою позицию в Армянском вопросе или его отдельных аспектах более или менее гибко, в зависимости от региональной политики или отношений с Россией или той или иной западной державой (прежде всего США), то для Турции подобное практически невозможно. Ибо это связано с непростой внутренней обстановкой, активизацией внешнеполитической деятельности Турции на Кавказе и в Средней Азии, на Балканах и Ближнем Востоке в целях достижения более высокого международного статуса.

Не только современная конъюнктура актуализирует Армянский вопрос. Речь идет о требовании различных армянских кругов признания Турцией факта геноцида армян в 1915 г., осуществленного османским режимом. Как известно, турецкая сторона либо не признает своей преемственности и не берет на себя ответственности за содеянное, либо отрицает подобный факт по существу, в обоих случаях используя различную аргументацию. Можно соглашаться или не соглашаться с подобной аргументацией, но ненормальным является то, что два соседних государства не имеют дипотношений. Скорее всего от Турции зависит разрешение этой проблемы. Россия могла бы определиться с тем аспектом Армянского вопроса, который имеет отношение к тем фактам армяно-турецких отношений, на которые особенно обращает внимание армянская общественность и политическая элита. Заинтересованность в этом вопросе есть и в самом турецком обществе среди представителей турецких предпринимательских кругов.

В свою очередь, армянская сторона могла бы найти способ, как разрешить историческую проблему не в ущерб своему национальному достоинству и внутренней политической и региональной стабильности. Развитие хотя бы торговых армяно-турецких отношений положительно сказалось бы на экономическом развитии обеих стран, а возможно и политических.

Современное состояние армянского вопроса в контексте российских интересов следует рассматривать в системе международных отношений на Кавказе и в соседнем регионе Ближнего и Среднего Востока. Это — российско-армянские, российско-грузинские, российско-азербайджанские, азербайджано-армянские и грузино-армянские отношения. Существуют многосторонние комбинации. На перечисленные двусторонние отношения оказывают серьезное влияние отношения России с Турцией и Ираном, отношения Ирана с Азербайджаном и Арменией в контексте ирано-турецких отношений. Кроме того, сильнейшим игроком во всех указанных взаимосвязях являются США. Это их политика на Кавказе, их отношения с Турцией и возможное улучшение отношений с Ираном, как по собственной инициативе, так и по инициативе последнего.

В настоящее время геополитическая ситуация на Кавказе достаточно сложна и неопределенна в своей перспективе, чтобы традиционно проармянская европейская элита смогла или захотела бы оказать существенную поддержку Армении как в вопросе Карабаха, так и по улучшению армяно-турецких и армяно-азербайджанских отношений.

Необходимость дальнейших усилий по разрешению Армянского вопроса определяется также острой международной обстановкой в регионе Ближнего и Среднего Востока. Причем во многом это связано с тем, что ряд исторических проблем региона не нашли своего оптимального разрешения.

Гипотетически нельзя исключать вероятность того, что, с одной стороны, определенные группы армянской элиты резко повернутся во внешней политике в сторону Европы и США, а с другой, США возьмут на себя роль посредника в армяно-турецких отношениях. Улучшение этих отношений в конечном итоге активизирует экономические связи соседних государств, создаст еще один выход Армении во внешний мир. Такой вариант развития может внести свои коррективы в российско-армянские отношения.

России желательно не только сохранять исторический позитив в русско-армянских связях, но и развивать имеющийся на современном этапе отношений двух государств. Для этого есть определенные условия. Это геополитические и культурные связи России и Армении. Но этого недостаточно. Желательно иметь продвинутые экономические связи двух стран. С этой целью следует их интенсифицировать, в том числе с использованием армянской диаспоры в России. При всем том, что существует иммиграция части армянской элиты на Запад, другая часть стремится реализовать себя в России или просто имеет пророссийскую ориентацию.

В заключение отметим, что и в широком историко-культурном и в политическом плане Армянский вопрос можно рассматривать как концентрированное выражение проблемы безопасности, выживания армян и, одновременно, их самоидентификации. Это обусловлено тем, что проблема безопасности армянского государства и армянского этноса еще не решена. Сами армяне по-прежнему рассматривают ее решение в историческом контексте.

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ СНГ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Минасян С. М.

Процесс формирования системы коллективной безопасности на постсоветском пространстве начался практически одновременно с распадом СССР и образованием СНГ. 14 февраля 1992 г. было принято решение об образовании Совета министров обороны (СМО) и Главного командования Объединенных Вооруженных Сил СНГ (ОВС СНГ), а 20 марта 1992 г. подписано Соглашение об ОВС на переходный период. Тем самым страны-участницы СНГ предприняли попытку сохранения общего оборонного пространства, а также трансформации бывшей Советской Армии в единые для всех участников Содружества вооруженные силы. Параллельно с этим во многих бывших республиках СССР началось формирование национальных армий. Это фактически привело к разделу и национализации бывшими советскими республиками вооруженных сил, техники и имущества Советской Армии, дислоцированных на их территориях. Свое логическое развитие данный процесс получил в ходе подписания в Ташкенте договора о квотах по ДОВСЕ.

Таким образом, уже к маю 1992 г. стало ясно, что сохранение объединенных вооруженных сил СНГ под единым контролем не представляется возможным, что было обусловлено многими факторами: усилением центробежных сил, развалом системы управления войсками, конфликтами между бывшими республиками СССР и т. д. Однако вместе с этим у руководства большинства республик росло понимание необходимости качественно новых, более действенных форм и механизмов интеграции в военно-политической сфере, которые позволили бы создать более эффективную систему безопасности со значительно меньшими экономическими и научно-техническими издержками, снизить эскалацию вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве1. Именно с учетом этих факторов 15 мая 1992 г. в Ташкенте при участии представителей Армении, Казахстана, Кыргыстана, России, Таджикистана и Узбекистана был заключен Договор о коллективной безопасности (ДКБ), ставший примером создания организации региональной безопасности в полном соответствии со статьей 52 Устава ООН. В дальнейшем к ним присоединились Азербайджан (24 сентября 1993 г.), Грузия (9 декабря 1993 г.) и Беларусь (3 января 1994 г.). Остальные государства Содружества отказались от участия в Договоре о коллективной безопасности, вступившем в силу 20 апреля 1994 г.

Договор изначально задумывался как военная составляющая Содружества Независимых Государств. Одновременно подразумевалось, что он должен стать частью всеобъемлющей системы безопасности в Европе и Азии.

Однако по ряду причин к договору присоединились не все государства СНГ. Соответственно, в течение последующего десятилетия процесс военной интеграции как в рамках СНГ, так и рамках ДКБ шел с разной интенсивностью. В связи с тем, что сохранить ОВС на основе трансформации бывшей Советской Армии не удалось, а создание новых коалиционных сил в этот период не представлялось возможным, так как

национальные вооруженные силы новых независимых государств не были еще сформированы, в сентябре 1993 г. было решено реорганизовать Главное командование ОВС СНГ в Штаб по координации военного сотрудничества государств-участников СНГ (Штаб КВС СНГ).

Впоследствии, в рамках военной интеграции в масштабах всего Содружества, был подписан ряд соглашений, созданы новые военно-политические органы, призванные стимулировать военное сотрудничество государств-участников СНГ. Среди них надо особо отметить подписание 10 февраля 1995 г. Соглашения о создании объединенной системы ПВО государств-участников СНГ, для эффективного взаимодействия в рамках которой должен был действовать Координационный комитет по вопросам ПВО при Совете министров обороны СНГ. Были созданы Комитет начальников штабов (КНШ), Военно-технический комитет, Комитет руководителей органов по работе с личным составом (воспитательной работе) министерств обороны государств Содружества и ряд других органов2.

Однако геополитическое "расслоение" в СНГ привело к тому, что в процессе формирования единой системы безопасности на постсоветском оборонном пространстве начала отчетливо проявляться тенденция к многоуровневой и разноскоростной интеграции, характерная для Содружества. Создание многоуровневой системы интеграции в постсоветском пространстве, в том числе и в военно-политической сфере, было обусловленно не только целым комплексом тесно взаимосвязанных объективных внутренних (эндогенных) и внешних (экзогенных) факторов (природно-географических, торгово-экономических, валютно-финансовых, научно-технических, культурно-образовательных и других). Во многом оно зависело и от различных субъективных факторов: "позиций, настроений, взаимоотношений, амбиций и практических действий лидеров и руководителей влиятельных политических и социально-экономических структур в странах СНГ, от их реализма (или от отсутствия такового), их желания и способности адаптироваться к новым реалиям и на этой основе принимать конструктивные решения по созданию благоприятных условий для развития реформаторских процессов"3. Это, естественно, привело к кардинальному снижению роли военно-политических органов СНГ в создании системы безопасности. Процесс военной интеграции государств-участников СНГ постепенно приобрел трехуровневый характер: в рамках всего СНГ, ДКБ и двухсторонних связей.

Тем не менее надо признать, что в начальный период своего существования система военной интеграции в СНГ показала отдельные примеры своей эффективности. Так, твердая позиция, занятая руководством ОВС, в середине мая 1992 г. не допустила непосредственного вмешательства Турции в конфликт в Нагорном Карабахе и ликвидировала угрозу применения силы в отношении участника ДКБ — Армении. Создание ОВС СНГ позволило сохранить некоторые элементы общей системы ПВО (ОС ПВО), а также систем предупреждения о ракетном нападении и контроля за космическим пространством (СПРН и СККП)4. Фактически ОС ПВО — первая реально существующая и наиболее действенная в рамках всего СНГ система военного назначения (включающая и некоторые страны, не участвующие на сегодняшний день в работах ДКБ). По данным пресс-службы ВВС России, в настоящий момент в состав сил и средств ПВО СНГ входит 31 часть Зенитно-ракетных войск, 17 частей истребительной авиации, 23 подразделения Радиотехнических войск и 3 отдельных батальона РЭБ.

Необходимо также отметить деятельность Антитеррористического центра СНГ, роль которого усиливалась по мере возрастания угроз со стороны исламского терроризма и особенно после событий 11 сентября 2001 г.

И наконец, наиболее эффективным результатом военного сотрудничества является проведение коллективных миротворческих операций на территории СНГ. Конечно, роль СНГ в организации и проведении миротворческих операций на территории бывшего СССР неоднозначна. С одной стороны, эти операции осуществляются либо без какого-либо участия СНГ, на основе соглашений вовлеченных в конфликт сторон (Приднестровье, Южная Осетия), либо под чисто формальной эгидой СНГ (Абхазия, Таджикистан). Иными словами, реальное влияние структур СНГ, в том числе Совета глав государств, на эти операции незначительно, если вообще существует. Но, с другой стороны, причастность Содружества к ним дает возможность приведения их в соответствие с ключевыми требованиями международной практики. Без участия СНГ, даже формального, они превратились бы в односторонние акции России на территории государств, что, помимо всего прочего, вызвало бы негативную реакцию мирового сообщества5.

Несмотря на все заявления о неэффективности коллективных сил СНГ при проведении миротворческих операций, на сегодняшний день это единственный фактор, способствующий сохранению мира и стабильности на линии соприкосновения конфликтующих сторон практически на всей территории СНГ, за исключением Нагорного Карабаха.

Эти силы являются коллективными только на бумаге, в действительности они состоят исключительно из военнослужащих Российской Федерации6. Естественно, активная вовлеченность России в миротворческие операции по урегулированию вооруженных конфликтов на территории бывшего Советского Союза связана, в первую очередь, с тем, что Москва рассматривала их как непосредственную угрозу своим жизненным интересам и даже национальной безопасности. Еще в 1993 г. министр обороны РФ П. Грачев заявил, что

российские миротворческие войска на территории СНГ имеют "особые функции". С этого периода, как указывают некоторые исследователи, российское участие в миротворческих операциях стало рассматриваться как важная часть стратегии, имеющей целью восстановить влияние России в провозглашенной ею "сфере особых интересов" на постсоветском пространстве7. Если в рамках международных миротворческих операций Россия послала одного гражданского полицейского в Сомали и одного на Гаити, а 1200 российских солдат в Боснию, то численность российских миротворцев в различных регионах СНГ уже к концу 90-х гг. составляла около 16 тыс. человек8.

Намного более эффективными выглядят действия по формированию общей системы безопасности, которые предпринимались и предпринимаются на основе и в параметрах ДКБ. 10 февраля 1995 г. решением высшего политического органа ДКБ Совета коллективной безопасности, была утверждена Концепция коллективной безопасности, которая определяла основные принципы взаимодействия между государствами-участниками в военно-политической сфере. В ноябре 1995 г. Договор о коллективной безопасности был официально зарегистрирован в Секретариате ООН. Однако отметим, что хотя к ДКБ в разное время присоединилось более половины государств СНГ, но, по признанию генерального секретаря СКБ ДКБ В. Николаенко, он так и не стал составной структурой Содружества9.

За довольно короткий период своего существования Договор о коллективной безопасности был неоднократно востребован (начиная с 1996 г., в связи с угрозами со стороны исламских террористов в Средней Азии).

К сожалению, процесс формирования единой системы безопасности в рамках СНГ не всегда приветствовался некоторыми странами Запада, которые видели в нем проявление неоимперских амбиций России. Стратегия России в СНГ рассматривалась многими западными политиками и исследователями как своеобразное использование политики "разделяй и властвуй" и манипулирование экономическими сложностями и вооруженными конфликтами между государствами "ближнего зарубежья" в своих собственных интересах10. И если в начальный период страны Запада, и в первую очередь США, молчаливо признавали "особую роль или ответственность России" на территории бывшего СССР, то начиная с середины 90-х гг. происходит резкое изменение их позиции в этом вопросе. Согласно выдвинутой ими концепции геополитического плюрализма на постсоветском пространстве, страны Запада начали проводить политику, направленную на недопущение возникновения крупного центра силы или единого геополитического образования на территории СНГ.

Концепция ***геополитического плюрализма*** — условное название ряда теоретических построений геополитического и военно-политического плана, разработанных в основном западными исследователями, которые пытаются обосновать объективную необходимость для правительств наиболее индустриально развитых стран (в первую очередь США) проведения согласованной политики, препятствующей восстановлению геополитического единства на постсоветском пространстве. Центральным постулатом подобного рода теорий является утверждение о "необратимой трансформации" этого пространства в конгломерат неких региональных "подпространств", историческое развитие которых будет происходить отныне по своим законам. Естественно, основным препятствием для претворения в жизнь данной концепции являлся процесс военной интеграция стран СНГ11. Некоторые американские исследователи также утверждают, что одной из основных целей политики США на постсоветском пространстве (и одновременно необходимым условием для нормальных российско-американских отношений) должно быть противодействие любым попыткам ослабления независимости новых государств в результате внешнего влияния России или другой страны, как противоречащих американским интересам и способным вызвать негативную реакцию США12.

Кроме этого, к концу 90-х гг. некоторые участники ДКБ пришли к выводу, что он не в полной мере отвечает их интересам в сфере безопасности, что усугублялось, в свою очередь, противоречиями между некоторыми странами, например Россией и Грузией, Арменией и Азербайджаном, Узбекистаном и Таджикистаном. В контексте этих событий закономерен тот факт, что три страны — Грузия, Азербайджан и Узбекистан, отказались пролонгировать ДКБ в 1999 г.

Одновременно в самой России, которая являлась и продолжает оставаться главной движущей силой, можно сказать локомотивом формирования всей системы безопасности на территории СНГ, росла уверенность, что будущее данной системы может лежать только в рамках Договора о коллективной безопасности, а также двусторонних связей России в военно-политической сфере с государствами-участниками ДКБ. Это усугублялось также и осложнением экономической ситуации в России. По различным оценкам, к концу 90-х гг. Россия тратила в виде явных и скрытых субсидий государствам СНГ около 3-4% своего ВВП, и бремя сохранения единого экономического и военно-политического пространства в СНГ становилось непосильным для России. В этих условиях в высших эшелонах российской власти намечался переход к "политике здорового прагматизма", предусматривающего перенос акцентов с бесплодных многосторонних отношений на двусторонние13.

Окончательно эта точка зрения была озвучена в феврале 2001 г. в выступлении секретаря Совета Безопасности России С. Иванова на 37-й конференции по проблемам международной безопасности в Мюнхене. По словам С.Иванова, руководство России пришло к выводу, что ускоренное развитие Содружества в полноценное интеграционное объединение в ближайшей перспективе невозможно и в результате выбор был сделан в пользу обеспечения интересов национальной безопасности России, прежде всего, через развитие двусторонних отношений со странами СНГ14.

Свою роль сыграло и создание на территории СНГ новой альтернативной региональной организации — ГУУАМ. Попытки ГУУАМ трансформироваться в военно-политический блок, а также создание собственных коллективных вооруженных сил (если они и преследуют на словах ограниченные цели, как, например, осуществление гуманитарных задач, охрану коммуникаций и трубопроводов), не могут не вызывать у стран ДКБ опасения и озабоченности. Поэтому естественны заявления, к примеру, первого заместителя министра иностранных дел РФ В. Трубникова о том, что Россия будет жестко противодействовать попыткам привнести военную составляющую в деятельность ГУУАМ15.

Важное значение для дальнейшей судьбы ДКБ сыграли Бишкекское (октябрь 2000г.), Ереванское (май 2001г.) и юбилейное Московское (май 2002г.) заседания Совета Коллективной Безопасности.

В ходе встречи в Бишкеке главы государств-участников ДКБ пришли к решению о создании трех региональных подсистем безопасности внутри ДКБ (Европейской, Кавказской и Центральноазиатской), а также подписали соглашение о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности. Формирование региональных подсистем безопасности внутри ДКБ было обусловлено тем, что большинством государств-участников, за исключением России, многие инциденты на региональном уровне не рассматривались как непосредственная угроза их национальной безопасности и жизненно важным интересам. Например, если для центральноазиатских стран основная угроза их национальной безопасности — это усиление исламского терроризма и этнического сепаратизма, то для Беларуси - это весь комплекс проблем, обусловленных расширением НАТО на Восток16.

При этом необходимо отметить, что в статье 2 Протокола о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности государств-участников ДКБ зафиксировано, что в случае акта агрессии против любой из сторон по просьбе одной или нескольких сторон формирования региональной группировки войск одного региона коллективной безопасности могут участвовать в отражении агрессии в другом регионе в соответствии с положениями статей 4 и 6 Договора о Коллективной безопасности. Так что создание подсистем безопасности одновременно предполагает как возможность конкретного реагирования на угрозы узкорегионального характера, так и их тесную координацию в рамках всей формируемой системы коллективной безопасности.

Важным этапом в развитии военной интеграции в рамках ДКБ явились решения, принятые в ходе Ереванского заседания Совета коллективной безопасности. Впервые в истории ДКБ было принято решение о формировании на многосторонней основе Коллективных сил быстрого реагирования в Центральной Азии, с участием подразделений России, Таджикистана, Казахстана и Кыргыстана. Была достигнута договоренность о дислоцировании штаба КСБР в Бишкеке. Параллельно было решено продолжить на двусторонней основе формирование региональных группировок на других направлениях — Восточноевропейском и Кавказском17. В состав объединенной группировки на Кавказском направлении должны войти подразделения 102-й военной базы РФ на территории РА, а также части 5-го Армейского корпуса вооруженных сил Армении. Аналогичная региональная группировка должна быть сформирована на Восточноевропейском направлении с участием подразделений вооруженных сил РФ и Беларуси.

На юбилейном заседании Совета коллективной безопасности в Москве (май 2002 г.), приуроченном к десятой годовщине подписания Договора о коллективной безопасности, было принято решение преобразовать Договор в международную региональную организацию — Организацию Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ). К 1 июля 2002 г. должна была быть сформирована рабочая группа на уровне заместителей руководителей соответствующих министерств и ведомств государств-участников ДКБ вместе с генеральным секретарем Совета коллективной безопасности. Этой группе предстояло до 1 ноября 2002 г. подготовить проекты документов, регламентирующих деятельность организации и ее органов с учетом существующей в рамках Договора правовой базы18.

В последнее время намечается прогресс в ряде областей сотрудничества, что должно стимулировать процесс все большей интеграции в рамках ОДКБ.

Не секрет, что в настоящий момент ни одно государство ОДКБ, за исключением России, не в состоянии самостоятельно обеспечить свою безопасность в случае широкомасштабной военной агрессии. Кроме этого, нынешнее состояние сил общего назначения Российской Федерации также не позволяет рассчитывать на возможность эффективно реагировать не только на широкомасштабную военную агрессию, но даже на конфликты локального уровня. В этих условиях для всех государств-участников ОДКБ первостепенное значение приобретает вопрос так называемых "ядерных гарантий" со стороны России в обеспечении их

национальной безопасности. Важную роль сыграло также принятие в 2000 г. новых редакций Концепции национальной безопасности и Военной доктрины Российской Федерации, в которых прямо указывается, что Россия оставляет за собой право применять ядерное оружие в случае нападения на Российскую Федерацию или ее союзников19. Для государств-участников ОДКБ, в том числе Армении, особое значение приобретают те положения Военной доктрины РФ, где говорится о готовности России "в случае нападения на Российскую Федерацию, Вооруженные Силы Российской Федерации или другие войска, ее союзников или на государство, с которым она имеет обязательства в отношении безопасности, осуществляемого или поддерживаемого таким государством, не обладающим ядерным оружием, совместно или при наличии союзнических обязательств с государством, обладающим ядерным оружием"20.

Важным стимулом для более тесной интеграции может послужить углубление двустороннего военно-технического и военно-политического сотрудничества между государствами ОДКБ. В этом контексте большое значение имело принятие решения о поставках вооружений и боевой техники между участниками ОДКБ по льготным ценам21.

Другим направлением в повышении эффективности ОДКБ и ее способности противостоять угрозам и вызовам необходимо считать создание и дальнейшее развитие военной инфраструктуры, в том числе в плане совместной системы обеспечения и использования ее объектов на территории государств-участников в интересах безопасности всех членов ОДКБ.

Необходимо продолжать реализацию мер по созданию нормативно-правовой основы механизма принятия решений на применение сил и средств формирующейся системы коллективной безопасности, координации усилий для оперативного реагирования и, в первую очередь, для оказания помощи государству, ставшему жертвой вооруженной агрессии22.

Непременным условием формирования любой военно-политической организации или союза, как показывает исторический опыт, является идеологическое и информационное обоснование необходимости их создания и функционирования. Идеологическое сопровождение и информационное прикрытие военно-политических союзов могут иметь самые различные формы и модификации, включая националистические, геополитические, цивилизационные, религиозно-конфессиональные и другие (при этом в настоящее время нет оснований говорить о возможности идеологических аргументаций по созданию военно-политических организаций по социально-классовому или общественно-экономическому признаку)23, каждая из которых может сыграть свою самостоятельную роль в укреплении союза.

Свое логическое завершение должен получить процесс создания объединенного, реально действующего межгосударственного органа военного управления на основе российского Генерального Штаба. По мнению военных экспертов, он будет в корне отличаться от той аморфной структуры, в которую сегодня превратился Штаб по координации военного сотрудничества (ШКВС) СНГ. Эта новая система управления коалиционными войсками будет существовать в структурах Главного оперативного управления ГШ ВС РФ и состоять в основном из российских кадровых военнослужащих. Коалиционный штаб (КШ) ОДКБ будет управлять коллективными силами быстрого развертывания, региональными штабами коалиционных структур на Восточноевропейском, Кавказском и Центральноазиатском направлениях и тесно взаимодействовать с Антитеррористическим центром СНГ, штаб-квартирой НАТО, Шанхайской организацией сотрудничества и др. Последние события, связанные с проведением антитеррористической операции в Афганистане, показали, что государства ОДКБ могут довольно тесно взаимодействовать с США, европейскими и региональными государствами по вопросам борьбы с терроризмом и другими актуальными угрозами миру и безопасности во всем регионе.

Однако наряду с позитивными моментами необходимо отметить некоторые проблемы и упущения, в том числе имеющие концептуальный характер. В частности, это касается определения понятий ***коллективная безопасность*** и ***коллективная оборона.***

Концепция коллективной обороны предполагает формирование региональной системы, объединяющей государства данного региона и направленной на совместную защиту от внешней агрессии. Классическими примерами систем коллективной обороны являлись НАТО и ОВД24. Нынешнее состояние военной интеграции в рамках СНГ показывает, что в данном случае можно говорить о создании системы коллективной обороны, объединяющей лишь некоторых членов Содружества и направленной на совместную защиту от внешней угрозы.

Что касается понятия коллективной безопасности, то под ним подразумевается такая система, в которой все члены определенного сообщества безопасности отказываются от применения силы в отношениях друг с другом и соглашаются оказывать помощь любому государству-участнику, который подвергся нападению со стороны иного государства25. По мнению Г. Моргентау, основным принципом коллективной безопасности является "соблюдение морального и правового обязательства рассматривать нападение любого государства на одного участника системы безопасности, как нападение на всех членов системы"26.

Система коллективной безопасности направлена, прежде всего, внутрь себя, для решения проблем безопасности в рамках самой системы. В то же время система коллективной безопасности более широкое понятие и может включать некоторые элементы коллективной обороны.

Примерами создания всеобъемлющей системы безопасности могут служить попытки их формирования на основе Лиги Наций и ООН, хотя отсутствие воли мирового сообщества и недостаток инструментария не позволяют надеяться на создание глобальной системы коллективной безопасности в обозримом будущем. Что касается формирования системы коллективной безопасности регионального уровня, то наиболее удачным примером является создание такой системы в рамках военно-политических структур Западно-Европейского Союза (ЗЕС). ЗЕС свободен от блокового противостояния периода "холодной войны" и даже со стороны России его расширение не рассматривается как угроза (например, когда в 1994 г. ЗЕС предложил центральноевропейским и прибалтийским государствам ассоциированное членство, министр иностранных дел А. Козырев заявил, что Россия не будет возражать против этого шага), разительно контрастируя с российской позицией по поводу расширения НАТО27.

Насколько оправдано определение коллективной безопасности применительно к реальной системе безопасности в рамках СНГ? Анализ основных документов СНГ и конкретных действий государств-участников позволяет говорить, что существует сильная путаница в понятиях ***коллективная оборона*** и ***коллективная безопасность.*** Так, например, Договор о Коллективной безопасности от 15 мая 1992г. представляет типичное соглашение о формировании оборонительного военно-политического союза и "присвоение" ему названия "о коллективной безопасности" — не что иное, как явная дань определенному международно-политическому лексикону. В то же время в самом Уставе СНГ, принятом 22 января 1993 г., собственно к коллективной безопасности относится лишь та часть статьи 11 Устава, где говорится о том, что государства-члены "...поддерживают безопасность в Содружестве". Одновременно ни одна из статей Устава СНГ не конкретизирует, возможно ли применение каких-либо мер со стороны государств-участников в случае военной агрессии или угрозы суверенитету, безопасности и территориальной целостности одного государства Содружества со стороны другого28. С другой стороны, формируемая система коллективной безопасности в рамках СНГ должна обладать способностью противостоять попыткам других государств воспользоваться распадом СССР в своих собственных интересах, а государства-участники — проводить совместную политику по защите прав этнических меньшинств на постсоветском пространстве для снижения вероятности эскалации межэтнических столкновений29.

По мнению ряда исследователей, эффективная система коллективной безопасности должна быть в состоянии оперативно реагировать не только на военные вызовы и угрозы, но и на национально-этнические, социальные и экологические проблемы. При этом надо заметить, что у государств СНГ в ближайшем будущем вряд ли будет реальная возможность решить проблемы обеспечения своей национальной безопасности в рамках других систем коллективной безопасности. Ни одна из существующих или формируемых систем коллективной безопасности (ни на основе ОБСЕ, ни тем более НАТО или других организаций) не в состоянии включить государства СНГ, а новые независимые государства — последовательно выполнять все положения основополагающих документов ОБСЕ и других международных организаций в области прав человека, политической демократии, транспарентности в военной области и т. п., что также является необходимым условием создания эффективной системы коллективной безопасности30.

Вместе с тем, осознание пагубности вооруженных конфликтов на территории Содружества привело к выработке механизмов для решения этих конфликтов. Именно подписание и попытки реализации Соглашения о Группах военных наблюдателей и Коллективных Силах по поддержанию мира в СНГ, а также Концепции предотвращения и урегулирования конфликтов, явились первыми реальными шагами к началу формирования в рамках СНГ системы коллективной безопасности.

К концепции коллективной безопасности примыкает концепция ***кооперативной безопасности,*** которая имеет ряд разновидностей, среди которых следует выделить разработки Центра по изучению европейских проблем в Гармиш-Партенкирхене (Маршалл-центр). Предложенная Центром концепция кооперативной безопасности представляет собой синтез концепций коллективной безопасности и коллективной обороны с привнесением нового элемента, связанного с сотрудничеством в решении конфликтов нового поколения — проецирование стабильности. Этот элемент призван обеспечить решение проблем безопасности в интересах всех участников системы кооперативной безопасности, в том числе и на пространствах, прилегающих к зоне ответственности системы кооперативной безопасности31. Как отмечает Р. Коен, чтобы новая модель безопасности (система безопасности на базе сотрудничества) была эффективной, она должна быть обращена как внутрь, так и вовне, и включать два дополнительных измерения, не предусмотренных концепциями коллективной безопасности и коллективной обороны. Первое — концепция индивидуальной безопасности, второе — активное обеспечение и распространение стабильности (проецирование стабильности)32.

На первый взгляд, данная концепция кажется весьма заманчивой для практического применения на постсоветском пространстве, если бы не один нюанс. Концепция кооперативной безопасности, разработанная в первую очередь западными исследователями, создавалась применительно к возможностям НАТО и новым европейским реалиям, возникших в связи с расширением этой военно-политической организации. При обеспечении общей безопасности наиболее явно это проявляется в элементе проецирования силы, что есть не что иное, как еще одна редакция получившей большое распространение на Западе теории ***гуманитарной интервенции.*** Другой видный исследователь Маршалл-центра М. Михалка прямо указывает, что "гуманитарное вмешательство НАТО в Косово представляет собой операцию по принуждению к миру в рамках системы безопасности на базе сотрудничества"33. Это, естественно, вызывает сомнение в реальности практического применения указанной концепции в условиях СНГ в ближайшем будущем.

Некоторе российские исследователи, тем не менее, считают целесообразным выборочное использование некоторых элементов концепции кооперативной безопасности для дальнейшего усиления интеграционных процессов внутри СНГ и, в первую очередь, в параметрах Договора о коллективной безопасности. Так, активизация поддержки реформирования вооруженных сил РФ государствами СНГ должна привести к сопричастности этих стран к процессам сокращения стратегических наступательных и обычных вооружений, и, как следствие, — прямой заинтересованности, чтобы Россия имела достаточный потенциал сдерживания. При этом возникает большая, чем в случае коллективной безопасности, "чувствительность" стран СНГ в вопросах национальной безопасности к эрозии российского военного потенциала. Другим положительным фактором может быть появление рациональной основы для проведения единой военно-технической политики, необходимой для предотвращения односторонних военных преимуществ за счет закупок "нестандартного" вооружения, прежде всего из стран Запада, а также исключение появления на постсоветском пространстве различных видов оружия массового поражения34.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что в СНГ уже существует система коллективной обороны в лице ОДКБ (другой вопрос, что она еще не вполне адекватна имеющимся вызовам и угрозам). Что касается системы коллективной безопасности, то делаются лишь первые попытки ее создания. К сожалению, в начальный период формирования системы коллективной безопасности на основе ДКБ были и случаи, когда подписавшие его государства, не смогли соблюсти "моральные и правовые обязательства рассматривать нападение любого государства на одного участника системы безопасности, как нападение на всех членов системы" и оказать содействие одному из ее участников — Армении, которая подверглась агрессии со стороны Азербайджана, оккупировавшего часть ее территории (район Арцвашена) в 1992 г.

Если формирование системы коллективной обороны в принципе возможно путем принятия нормативно-правовых актов, то для создания действующей системы коллективной безопасности в рамках СНГ необходимо пройти долгий путь поэтапной интеграции в политической, социально-экономической, культурной и иных сферах. Причем, одно из преимуществ данного пути — это включение в систему региональной безопасности невоенных элементов, усиление их роли в несиловом обеспечении безопасности. Пример Западной Европы показывает, что для формирования реальной системы коллективной безопасности необходимо пройти также длительный этап трансформации национальных интересов государств-участников в интересы коллективные35.

Десять лет, прошедших со времени подписания Договора о Коллективной безопасности, является солидной основой для подведения некоторых итогов, характеристики современного состояния и перспектив развития процессов военно-политической интеграции. Начато формирование коллективных вооруженных сил, ежегодно проводятся совместные командно-штабные и полевые учения как всех государств-участников ОДКБ, так и двусторонние (например, вооруженных сил России и Армении на Армавирском полигоне). В учениях сил ПВО регулярно участвуют и некоторые государства СНГ, не входящие в ОДКБ (Украина и Узбекистан).

Расширяются рабочие контакты исполнительных органов ОДКБ с рядом международных организаций по безопасности, таких как ООН, ОБСЕ, ШОС, ЧЭС. Так, по заявлению руководства Секретариата ООН, ОДКБ рассматривается как один из важных факторов мира и стабильности в Евразийском регионе36.

Однако развитие процессов оборонной интеграции в рамках СНГ привело, с одной стороны, к созданию региональной военно-политической организации ОДКБ, с другой — ко все большему углублению противоречий и даже конфликту между некоторыми государствами Содружества.

Несмотря на некоторые успехи, формирование реально действующей системы коллективной безопасности в рамках СНГ, являющейся составной частью общей системы безопасности в Европе и Азии, все еще находится в своей начальной стадии.

Одной из причин ее недостаточной эффективности является неразработанность концептуальной основы формирования системы коллективной безопасности на постсоветском пространстве. Следует учесть также, что копирование даже наиболее удачных теоретических разработок западных специалистов, показавших свою практическую эффективность, скажем, в условиях Западной Европы, несостоятельно. Необходимо продолжить разработку собственных научных концепций в сфере безопасности применительно к реалиям СНГ.

1. Ивашов Л. Г. Булыгин А. Н. Коллективная безопасность в рамках Содружества Независимых Государств: состояние и перспективы обеспечения // Военная мысль,1998. N3. С. 8-10.
2. Андреев П. Н. Военно-политическое сотрудничество государств СНГ: этапы и основные направления развития // Военная мысль, 2000. N4. С. 22-30.
3. Московин Л. Б. Многоуровневая система интеграции в СНГ (причины, проблемы, тенденции развития) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1999. N1. С. 6-7.
4. Ивашов Л. Г. Булыгин А. Н. Указ. соч. С. 8-9; Бондарев Ю. Объединенная система ПВО СНГ // Красная звезда, 21.08.2000.
5. Никитин А. И. Хлестаков О. Н. Федоров Ю. Е. Демуренко А. В. Миротворческие операции в СНГ. М., 1998. С.20.
6. Гаврилов В. Миротворческие операции в СНГ // Независимое военное обозрение, 05.07.2002.
7. Lunch D. Russian Peacekeeping strategies in the CIS. The Cases of Moldova, Georgia and Tajikistan. RIIA, London, 2000, p.77.
8. Trenin D. Russian and Western Interests in Preventing, Managing and Settling Conflicts in the Former Soviet Union // Commonwealth and Independence in Post-Soviet Eurasia, ed. by Coppieters B., Zverev A., Trenin D. London, Portland, Or.,1998, p.175.
9. Николаенко В. Д. Десять лет Договору о Коллективной Безопасности // Международная жизнь. 2002. N4. С. 62.
10. Bremmer I. Bailes A. Sub-regionalism in the Newly Independent States // International affairs, vol.74, N 1, January 1998, p. 139-140.
11. Николайчук И. А. Военное сотрудничество стран СНГ как элемент их национальной безопасности // Политические исследования. 1997. N 5. С.163-167; Ломагин Н. Новые независимые государства как сфера интересов России и США // Pro et Contra. Т. 5, весна 2000.
12. Rumer E. B. Sokolsky R.D. Normalizing U.S. - Russian Relations // Strategic Forum, INSS, N180, April 2001, p.3-4.
13. Шишков Ю. Россия и СНГ: неудавшийся брак по расчету // Pro et Contra. Т. 6. N 1-2, зима - весна 2001. С. 104-105.
14. www.scrf.gov.ru - Совет Безопасности Российской Федерации.
15. Десятилетие Содружества Независимых Государств // Международная жизнь, 2001, N11. С. 13.
16. Мухин В. Договор о коллективной безопасности обретает конкретные очертания // Независимая газета. 19.10.2000.
17. Ходаренок М. Преимущества коллективной безопасности // Независимое военное обозрение. 06.07.2001.
18. Мохов В. Во имя коллективной безопасности // Красная звезда. 14.05.2002.
19. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимое военное обозрение. 14.01.2000.
20. Военная доктрина Российской Федерации // Независимое военное обозрение. 28.04.2000.
21. Сокут С. Кремль мостит дороги к оборонной интеграции // Независимое военное обозрение. 15.06.2001.
22. О проблемах коллективной безопасности государств-участников СНГ // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания Россиийской Федерации. Серия Проблемы национальной безопасности. N1(89). М., 1999. С. 47-48, 59.
23. Карпов Е. А., Мохоров Г. А., Родин В. А. Вопросы генезиса и классификации военно-политических союзов// Военная мысль. 2000. N2. С.9.
24. Цыганков П. А. Теория международных отношений. М., 2002. С.323.
25. Kupchan Ch. A. The Case for Collective Security // Collective security beyond the Cold War. ed. by Downs G. W. Michigan. 1994., p.43-44.
26. Morgenthou H. J. Politics Among Nations. New York, 1953. p.142.
27. ван Хам П. Новые устремления Европы в области обороны: последствия для НАТО, США и России // Публикации центра им. Маршалла, Гармиш-Партенкирхен, N1, август 2000. С. 37-40.
28. См. подробнее: Мальгин А.В. К обеспечению региональной безопасности в СНГ // Россия и международные режимы безопасности / Отв. ред. Богатуров А.Д. М., 1998.
29. Walt S. M. Collective Security and Revolutionary Change: Promoting Peace in the Former Soviet Empire // Collective security beyond the Cold War. p.180-181.
30. Кортунов А. В. СБСЕ и перспективы создания системы коллективной безопасности в Евразии // Внешняя политика и безопасность современной России/ Под ред. Шаклеиной Т. М., 1999. С. 383-387.
31. Цыганков П. А. Указ. соч. 341-342. Его же. Безопасность: кооперативная или корпоративная? // Политические исследования. N3. С.130-136.

32. Коен Р. Безопасность на базе сотрудничества: от индивидуальной безопасности к международной стабильности // Публикации центра им. Маршалла, Гармиш-Партенкирхен. N3, апрель 2001. С. 10-11.
33. Михалка М. Безопасность на базе сотрудничества: от теории к практике // там же. С. 74.
34. Николайчук И. А. Указ. соч. С. 167-170.
35. Ortega M., Military Intervention and The European Union // Chaillot Papers, N45, Institute for Security Studies, Western European Union, Paris, March 2001, p.61-68.
36. Николаенко В. Д. Указ. соч. С. 65.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
РЕКТОРА РАУ ДАРБИНЯНА А. Р.
СООБРАЖЕНИЯ И ВЫВОДЫ

Основная задача настоящей конференции — осмысление внешней политики России как в историческом контексте, так и в контексте настоящего времени. Я согласен с уважаемым г. послом Ан. Дрюковым, что сейчас на Кавказе сложилась достаточно сложная ситуация, связанная, в том числе, с реализацией российских внешнеполитических интересов в регионе. Так как Армения находится в центре этих интересов, естественно, что действия и решения России в сфере внешней политики непосредственно отразятся на нашей стране. Принимая во внимание, что позиции официальной Москвы и официального Еревана по основным направлениям внешней политики совпадают, хотелось бы пожелать большей скоординированности действий в европейской политике и стратегии наших государств.

Вспоминаю зарождение армянской дипломатии — дипломатии независимой Армении. Мне довелось в начале своей деятельности на государственной службе работать в Москве в постоянном представительстве Совета Министров Арм. ССР при Совете Министров СССР и лично участвовать в ее трансформации в настоящее посольство, в посольство страны, имеющей свои национальные интересы.

Процесс трансформации достаточно сложен, и смею утверждать, что он еще не завершен. При этом, я имею в виду не только посольство в Москве. Это обусловлено также отсутствием соответствующего количества и качества дипломатических кадров, недостаточностью их профессиональной подготовки, опыта. В этом смысле очень важно усвоение опыта дипломатов, прошедших советскую школу дипломатии, что имеет неоценимое значение как для современной российской, так и армянской дипломатии. И, конечно же, большое значение имеет выбор модели дипломатической службы, методы структурирования дипломатической службы.

Я придерживаюсь принципа откровенного разговора, открытого обсуждения и анализа внешнеполитических проблем, представляющих взаимный интерес. Это необходимо, во-первых, во избежание ошибок прошлого, во-вторых, для разработки и проведения более действенной и эффективной политики в будущем. В частности, в ряде своих выступлений я указывал на тот факт, что и сегодня во внешней политике России (по крайней мере, в высказываниях некоторых политиков) нет-нет да и проскальзывает мысль о том, что Армению можно считать неким "гарантированным" пророссийски ориентированным политическим фактором на Кавказе. Некая "забронированность" Армении за Россией чувствуется. Между тем как в политике, так и в экономике эту забронированность надо подкреплять конкретными действиями.

Я думаю, что Россия на нынешнем этапе развития дипломатии переосмысливает свое отношение к независимым государствам постсоветского пространства. В этом смысле армяно-российские взаимоотношения должны быть подняты на качественно новый уровень как взаимоотношения равных стратегических партнеров, и опираться на новые подходы во внешней политике.

Представляется, что сильная Армения должна быть прерогативой внешней политики нынешней России, и, естественно, что сильная Россия с сильными позициями на Кавказе является предметом государственных и политических интересов РА.

Хочется остановиться на проблемах экономического взаимодействия, возникших за последнее время, и, кажется, расхожей стала мысль о том, что наше экономическое взаимодействие никак не соответствует уровню наших политических и военных контактов. К сожалению, долгое время и в Армении, и в России господствовало мнение о том, что Армении надо помогать экономически, надо оказывать какую-то помощь, и мало кто обращал внимание на реализацию экономических интересов конкретных экономических субъектов. Я думаю, что говорить о наращивании объема товарооборота, который сегодня находится на критически низкой отметке

(порядка 200 млн. долларов), можно только с точки зрения реализации конкретных экономических интересов. Это мизерная цифра, и всем нам, конечно, надо подумать о том, почему так произошло. По моему глубокому убеждению, основная проблема заключается именно в том, что очень мало российских экономических субъектов осознало необходимость реализации своих экономических, коммерческих интересов в Армении и через Армению.

В течение последних 10 лет, т. е. в период установления дипломатических отношений нового качества, периодически появляются суждения о том, что тот или иной политик в Армении или в России имеет либо проармянскую, либо пророссийскую, либо прозападную ориентацию. Мой подход, как политика, заключается в том, что для развития армяно-российских взаимоотношений наиболее оптимальным было и будет, если российские политики и государственные деятели будут вести открытую российскую политику, а армянские государственные деятели — армянскую политику. В этом смысле объективная близость политических приоритетов делает просто необходимой взаимное сотрудничество, и я бы не считал, что активизация армяно-турецких взаимоотношений обязательно приведет к изменению в российской внешней политике по отношению к Армении или же изменению российского подхода к Армении как внешнеполитическому фактору в регионе. В конце концов, существует гигантский потенциал взаимодействия и использования Армении как существенного фактора в этом регионе, в том числе для продвижения российских политических и геополитических интересов. Одного только провозглашения внешнеполитических приоритетов совершенно недостаточно: необходимо их подкреплять, подпитывать соответствующими экономическими интересами, проектами. В качестве примера приведу создание мощного Армяно-Российского предприятия газовой промышленности (АрмРосГазПром). Изначально ставились две цели: 1) обеспечение бесперебойного снабжения газом Армении (локальная цель); 2) обеспение транзита газа через Армению, в том числе в Турцию, и тем самым открытие турецкого рынка для российских газовых поставщиков (перспективная цель). Я полагаю, что в этом контексте можно вполне эффективно задействовать внешнеполитическую ось Север—Юг, которая охватывает Иран, Армению и Россию, и в этом отношении то, что год назад в Иране был подписан соответствующий договор (Декларация о транспортном коридоре), обходящий Армению стороной (Армения лишь спустя год присоединилась к договору, к тому же с не вполне понятными функциями), вызвало недоумение у серьезных политологов в Армении, потому что, если говорить об оси Север—Юг, то мы считаем, что геополитические возможности Армении совершенно не задействованы и в этом плане существует огромный потенциал взаимодействия Армении и России.

Хотелось бы указать еще на одно обстоятельство с точки зрения самоидентификации Армении во внешней политике России. Я считаю, что нам нужна большая скоординированность наших действий во внешней политике по отношению к Европе. Казалось бы, основные европейские ценности провозглашены в качестве приоритетов внутренней и внешней политики как в Армении, так и в России; есть членство в Совете Европы; есть установка на все большую интеграцию экономики, политических структур с Европой; в конце концов никогда не следует забывать о том, что Россия — великая европейская держава и играет особую конструктивную роль в создании нового европейского порядка. Я полагаю, в этом отношении еще не задействован фактор взаимодействия в инфраструктурных отраслях и существующих европейских проектах. Почему-то принято считать, что такие проекты, как ТРАССЕКА или ИНОГЕЙТ, направленные на интеграцию транспортных структур, нефте- и газопроводов, направлены на ослабление позиций России не только в Европе, но и на Кавказе и в Средней Азии. В этом вопросе необходимо занять такую позицию, которая дала бы возможность как России, так и Армении реализовать свой транзитный потенциал в существующих европейских программах, а не изолироваться и требовать изоляции также от Армении. Кроме того, с точки зрения профессионального экономиста, мне представляется гораздо более обоснованным взаимодействие, например, при вхождении в такие международные структуры, как Всемирная торговая организация. Между тем и армянская, и российская стороны ведут эти переговоры независимо друг от друга. В этой связи хочется указать на пример Грузии, которая около двух лет считается полноправным членом Всемирной торговой организации. Армения тоже в скором будущем вступит в эту организацию, и вот, представьте двух членов ВТО, ведущих приграничную торговлю на допотопном уровне, и все из-за того, что не было никакого взаимодействия во время переговорного процесса при вступлении Грузии и Армении в ВТО. Более того, эти интересы в некотором смысле даже противопоставлялись.

Мне кажется, что очень важна не только самоидентификация Армении (с точки зрения внешней политики России), но и понимание и осмысление процесса самоидентификации России в отношениях со странами СНГ. На мой взгляд, показателен пример проведения первой стадии экономических реформ в России, когда правительство Е. Гайдара занималось именно самоидентификацией России и российских экономических интересов. В этот период, к сожалению, были заморожены всякие экономические контакты не только с

Арменией, но и с остальными странами СНГ, и в этом видится одна из главных ошибок реформаторов первого периода как в России, так и в других странах СНГ. Существующая база производственной кооперации, естественная база, оставшаяся после развала Советского Союза, была окончательно и безвозвратно потеряна.

Интересной представляется проблема самоидентификации как армянских экономических и политических интересов во взаимосвязи с внешней политикой России, так и самоидентификации России и российских политических и экономических интересов с точки зрения взаимодействия со странами СНГ.

По поводу того, что программы ТРАССЕКА и ИНОГЕЙТ, якобы, специально созданы для того, чтобы отсечь Россию с ее интересами от Кавказа, от Центральной Азии, моя позиция была и остается следующей: гораздо продуктивнее и эффективнее попытаться вскочить на подножку уходящего поезда, чем плеваться вслед ему. Вскочив на подножку, можно, работая локтями, продвигаться дальше и дальше вперед — к локомативу. Поэтому я считаю, что эти программы взаимодействия европейского развития в любом случае осуществятся, и оставаться в стороне, самоизолироваться от этого процесса, нецелесообразно и недальновидно.

На мой взгляд, самым важным на сегодняшнем этапе развития нашей истории является реализация практических экономических и политических интересов России в Армении и Армении в России. Только в этом случае маленькая Армения с "большим" Карабахом будет действительно представлять интерес для России. Я призвал бы (благо, сегодня политические лидеры как России, так и Армении, придерживаются строго прагматичных взглядов на жизнь) к развитию политических и экономических взаимоотношений, ставящих во главу угла не эмоциональный фактор, возможность или невозможность удара “ножом в спину”, а прежде всего — реальный фактор экономического или политического интереса. Если он есть, его надо задействовать, если его нет — эмоции не помогут.

Спасибо за внимание!

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

ПРАВОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ПРИЗМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ НЗМЕНЕНИЙ

Арутюнян Г.Г.

Новые реалии XXI в. обусловливают необходимость переосмысления многих фундаментальных ценностей общественного сознания и серьезных поисков гарантий устойчивого развития и правовой регламентации общественного бытия. Понятия "глобализация", "универсализм", "надгосударственная Конституция", "Союзный конституционный договор", "международный правопорядок", "международный терроризм и борьба с ним" и т. д. требуют не только гносеологического, но и глубокого юридического и политологического осмысления, такого сопоставления с основополагающими принципами демократического правового государства, которое позволило бы определить критерии устойчивого и цивилизованного развития, рамки плодотворного международного сотрудничества в этой сфере.

Многие аспекты данной проблематики активно рассматриваются на многих международных форумах, посвященных освещению темы логической взаимообусловленности глобализации и права. В свою очередь, ответ на фундаментальные вопросы подобного рода можно найти только с учетом новых реалий ценностно-системных трансформаций общественных систем и вызовов нового тысячелетия.

Основные факторы, которые по-новому диктуют глобальные решения общечеловеческого масштаба, в самых общих чертах сводятся к следующему:

1) в международном плане демократическое развитие достигло определенной качественной границы, когда требуются новый уровень и новое качество системной гармоничности и устойчивости;

2) возникло серьезное противоречие между принципами правовой демократии во внутригосударственных отношениях и диктатом силы в межгосударственных отношениях;

3) экономическая глобализация создала качественно новую ситуацию общественной интеграции, когда формируются не имеющие прецедента международные сообщества, как, например, Евросоюз, и выдвигается идея надгосударственной Конституции. Одновременно смещаются границы между внутригосударственными демократическими системами и надгосударственными экономическими отношениями1;

4) еще более актуальной становится задача примирения универсализма и национальных особенностей. А вместо гармонизации еще более обостряются ценностно-системные противоречия в национально-ориентированных и личностно-ориентированных общественно-государственных системах;

5) человеческая общность постепенно из духовно-культурной общности становится меркантильной потребительской общностью;

6) религия, духовная сфера, утратив существенную роль в воздействии на образ жизни человека, превращаются в определенной мере в формальное, отчужденное от человека и самодовлеющее, замкнутое внутрицерковное явление; одновременно активизируется религиозный экстремизм в разнохарактерных сектантских проявлениях;

7) в условиях развертывания свободного рынка и широкой экономической конкуренции нравственные нормы теряют свою прежнюю роль регулятора и стимулятора общественных отношений;

8) ножницы между богатством и нищетой дошли до такого предела, что становятся просто несовместимыми2;

9) существенно меняются место и роль международного права в межгосударственной правовой системе. Одновременно различия традиционных правовых систем становятся более относительными. В европейской континентально-правовой системе прецедент становится важным источником права, а права человека, признанные как достижение человечества и высшие универсальные ценности, независимо от национальных границ, становятся объектом международной защиты;

10) наибольшей опасностью для человечества становится терроризм, который имеет экономические, социальные, политические предпосылки и противопоставляется той системе ценностей, которая в настоящее время лежит в основе утверждения демократических отношений через гражданское согласие3;

11) после окончания холодной войны в условиях демократического развития на посткоммунистическом пространстве ведется поиск новых точек опоры международного равновесия. Мир из двухполюсной системы превратился в неустойчивую однополюсную систему с реальными тенденциями перерастания в многополюсную. С одной стороны, точки опоры международной системной устойчивости пока что находятся в процессе уточнения, с другой стороны, существующие и служащие этой цели международные институты теряют свое прежнее место и роль;

12) многие страны оказались в зоне неопределенности, обусловленной системной перестройкой, когда неизбежным становится формирование новой системы ценностей на фоне решения задач общественного развития;

13) человечеством созданы предпосылки для самоуничтожения, и фактор случайности или стихийных бедствий эту возможность может сделать реальной;

14) более чем актуальной стала необходимость совместного деятельного участия, чтобы противостоять общепланетарным опасностям;

15) полет научно-технической мысли, современные информационные возможности, вплоть до опытов по созданию искусственного человека, диктуют необходимость новых общих ценностно-системных подходов.

Данный перечень можно продолжить, хотя и этого достаточно, чтобы убедиться, что именно в этом контексте должны рассматриваться все основные вопросы, которые во внутринациональной и межнациональной сферах соприкасаются с задачами устойчивого и гармоничного развития общества.

Все эти процессы нашли свое прямое или косвенное отражение и на уровне конституционного развития последних лет. Большой научный интерес представляет сравнительный анализ не столько конституций европейских стран, сколько конституционных изменений за последние 30-40 лет. Наши исследования показывают, что прослеживаются устойчивые тенденции, имеющие важнейшее значение для понимания возрастающей роли правовой глобализации и основных тенденций развития конституционализма. Последние, в основном, заключаются в том, что:

1. все более доминирующими становятся демократические конституционные ценности. Принципы правового демократического государства приобретают системный характер. Конституционные изменения и дополнения направлены на ограничение власти, “рассеивание” политических, экономических и административных сил и, одновременно, на укрепление гарантий и расширение возможностей институтов самоуправления;

2. принцип верховенства права приобретает реальное содержание, приводятся в соответствие основные конституционные принципы и конкретные механизмы конституционных правоотношений, повышаются требования к усилению конституционной ответственности;

3. углубляется процесс конституционализации общественных систем, основные конституционные права и свободы человека и гражданина приобретают действенный характер, определяют смысл и содержание власти, укрепляются конституционные гарантии их защиты. Конституционные определения о достоинстве личности как источнике его прав и свобод, а также о характере непосредственного действия конституционных прав, приобретают общепризнанное системообразующее содержание;

4. последовательно конкретизируются функциональные полномочия институтов государственной власти, которые приводятся в соответствие с функциями ветвей власти; укрепляются гарантии независимого осуществления этих полномочий;

5. приобретает системный характер сбалансированность функциональных, противовесных и сдерживающих конституционных полномочий, разделение властей осуществляется на более конкретной критериальной основе, обеспечивая динамичную функциональную сбалансированность различных ветвей власти;

6. усиливаются механизмы внутриконституционной самозащиты, укрепляются гарантии конституционной стабильности;

7. закрепляется целостный конституционный механизм выявления, оценки и восстановления нарушенного функционального конституционного баланса институтов власти с целью последовательного укрепления иммунной системы общественного организма;

8. функционирование институтов государственной власти больше базируется на принципах сотрудничества и взаимодействия;

9. параллельно с углублением правовой глобализации наблюдается устойчивый поиск механизмов сочетания универсальных ценностей с национальными особенностями;

10. принципы и нормы международного права играют все возрастающую роль в национальных правовых системах. В континентальной правовой системе судебная практика Европейского суда по правам человека в определенной мере становится признанным прецедентным институтом. Укрепляются основы единой европейской системы конституционализма, идея надгосударственной европейской конституции приобретает реальный облик.

Известно, что с образованием ООН и подписанием ряда всеобъемлющих международных договоров нормы международного права играют основополагающую роль во внутригосударственных и международных отношениях.

Однако деятельность Европейского суда по правам человека, Суда правосудия Евросоюза, а с 2002 г. и постоянно действующего Международного уголовного суда свидетельствует, что человечество вступило в новое тысячелетие, "разбивая" национальные модели восприятия права и его защиты, и защита права стала надгосударственным явлением. Это обусловлено также тем, что становление гражданского общества и создание правового государства стало всеобщим идеалом, лучшим условием реализации человеческого благополучия и созидающего первоначала человека. Не случайно, что почти все Конституции в мире, особенно в Европе, принятые после второй мировой войны, в качестве нормы-цели и нормы-принципа закрепляют положение о том, что государство является правовым и демократическим, признают приоритет норм международного права над внутригосударственными законодательными нормами.

Ценностно-системная интеграция более активно проявилась в Европе, где основанное на общих интересах экономическое, политическое, гуманитарное и, вообще, ценностно-системное сотрудничество привело к такому качеству интеграции, когда созданная совместно экономическая, правовая, структурно-системная база делает необходимым создание надгосударственной Конституции или Союзного конституционного договора. Это уже совершенно новое качество правовой глобализации, которое пока свойственно лишь Евросоюзу. Надгосударственный правопорядок с присущими ему свойствами и активным зарядом воздействия становится реальностью.

Переустраивающийся мир ставит новые задачи в плане динамичного и гармоничного развития общественных систем, гарантированной защиты прав и свобод человека, в т. ч. беспрепятственного осуществления его права на конституционное правосудие.

Эти задачи органически соприкасаются с системой конституционного правосудия как гарантии устойчивого и гармоничного развития общественного организма и предопределяет характер и логику их системного развития. Естественно, что в этой сфере многочисленные вопросы нуждаются в дальнейшей глубокой научной оценке и обобщении.

1.Как справедливо отмечает профессор Эрнст Ульрих фон Вайцзеккер, в условиях, когда демократия замыкается в национально-государственных границах, а экономические отношения имеют надгосударственный характер, надо говорить о новом этапе развития демократии — всемирной демократии (Deutschland, 2002, N4).
2. Лауреат Нобелевской премии, бывший советник Президента США, экономист Ж. Стиглиц прав, считая причиной поляризации неправильное течение экономической глобализации и экспансионистский либерализм. Цель развития человечества — не накопление богатства в руках малочисленных индивидов в условиях сплошной нищеты. Любое экономическое начинание должно оцениваться также с точки зрения его социальных последствий ("В тени глобализации", Deutschland, 2002, N4).
3. Как отмечают бывший член Конституционного Совета Франции, проф. Жак Робер, член Верховного Суда Ирландии Френсис Мерфи, член Комиссии по правовым вопросам и правам человека Парламентской Ассамблеи Совета Европы Мишель Юнон, Председатель Верховного Суда Австрии Эврин Фельцман и др. в своих выступлениях на тему: "Соблюдение баланса между интересами целесообразности и правами человека в борьбе с терроризмом", представленных на X Международной судебной конференции в мае 2002г. в Страсбурге, в конечном итоге, **борьба с терроризмом приводит к обеспечению торжества тех идеалов, которые лежат в основе социального согласия всего общества.**

ЕДИНСТВО И РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ. БИБЛЕЙСКИЕ ИСТОКИ

Папаян Р. А.

Обращаясь к доктрине разделения властей в связи с Библией, исследователи обычно говорят лишь об отделении судебной власти, придерживаясь того устоявшегося мнения, что в Священном Писании нет разделения властей в современном понимании. В одном из наиболее серьезных исследований говорится: "Здесь речь идет не о развернутой теории разделения властей, которая была сформулирована в достаточно завершенном (но, я верю, не окончательном) виде в XVII —XVIII вв. и практически во многом воплощена в конце XVIII в. в США. Такого разделения властей в Библии нам не найти"1. И все же идея трех ветвей власти — с тем разграничением функций, которое мы видим и в наше время, в Библии ясно обозначена: "Господь — судия наш, Господь — законодатель наш, Господь — царь наш" (Исайя 33: 22). Три этих постулата однозначно фиксируют тройственный характер власти, указывают на их функции — законодательную, судебную и исполнительную, но вместе с тем они подчеркивают то, что объединяет три эти ветви — это их богоучрежденность и, соответственно, богоориентированность.

П. Баренбойм, рассматривая библейскую версию доктрины разделения властей, сводит ее к отделению судебной власти, практическую ее реализацию относя к эпохе Моисея, а законодательное ("конституционное") ее закрепление — к концу эпохи судей. Он, как и ряд других ученых, так или иначе обращавшихся к этому вопросу, практическое отделение судебной власти традиционно относит к тому библейскому эпизоду, в котором тесть Моисея советует ему назначить судей (Исх. 18: 21-24). Автором же "конституционного" закрепления этой доктрины П. Баренбойм считает судью и пророка Самуила. К этому выводу исследователь приходит, ссылаясь на упоминание в Библии книги, которая связывается с именем Самуила и которую П. Баренбойм считает "первой конституцией". Основным, если не единственным, аргументом подобного утверждения служит следующее библейское предложение: "И изложил Самуил народу права царства, и написал в книгу, и положил пред Господом" (1 Цар. 10: 25). Эта аргументация нам представляется слабой. То же самое сказано и о Иисусе Навине: "Дал ему постановления и закон в Сихеме. И **вписал** Иисус слова сии в книгу закона Божия, […] и положил его там под дубом, который подле святилища Господня" (И.Нав. 24: 25-26). В обоих случаях речь не о написании книги, а о "вписании" определенных дополнений в уже существующую книгу (Самуил "написал в книгу", Иисус Навин "вписал в книгу"). Что касается Навина, отметим, что его авторство даже относительно Книги, названной в Библии Книгой Иисуса Навина, богословами отрицается вполне обоснованно — как текстологически, так и содержательно (к примеру, в ней описана смерть Навина, а также ряд событий, происходивших после его смерти)2. Из библейских определений тем более вовсе не следует, что Навин написал отдельную книгу законодательного характера. То же касается и предложения о книге, куда Самуил внес положения, сформулированные им по Божьей подсказке, это предложение вовсе не подтверждает существования некоей не дошедшей до нас книги под авторством Самуила. Принципы "государственного строительства" восходят к более ранним временам, чем конец эпохи судей и даже период правления Иисуса Навина.

На самом деле в обоих случаях речь идет о том едином своде законов, который был сообщен Моисею и позже записан им. О Моисее не сказано, что он вписал (или написал) "в книгу", а отмечено, что он и есть

создатель книги законов: "И написал Моисей все слова Господни" (Исх. 24: 3-4); "И написал Моисей закон сей" (Втор. 31: 9). Но принципы эти были предусмотрены еще раньше: Моисей зафиксировал то, что предусмотрено было самим творением.

Любое религиозное учение, будучи разговором об отношении человека и Бога, раскрывает содержание вертикали "земля-небо", "человек-власть". В контексте христианского идеала динамики мира как постоянного процесса уподобления человека Богу и, соответственно, земного царства — Царствию Небесному, можно представить христианский идеал динамики земной власти - это процесс ее содержательного и структурного уподобления власти Божественной.

Как отмечает о. Александр Мень, в библейской концепции мироустройства "космический порядок проецируется на земной"3. Проецируемый космический порядок представлен в описании первых трех актов творения.

1) Параллель "свет—закон" является одной из центральных в ценностной системе христианства. Ряд определений ("Свет у беззаконного потухнет" — Пс. 6 :23; "Свет сияет на праведника" — Пс. 96: 11; "Поступающий по правде идет к свету" — Иоанн 3: 21) позволяет переосмыслить свет в первом акте творения, как аналог закона.

2) Другой центральной параллелью в христианстве является параллель "небо—суд". Во втором акте творения (Быт. 1: 6-8) небо составлено из воды и названо твердью, акцентирующей незыблемость. Слияние понятий "небо/вода" и "суд" в формуле "Небесный суд" в описании потопа, как и в ряде определений суда ("Пусть как вода течет суд" — Амос 5: 24), позволяет переосмыслить небо как аналог носителя судебной функции.

3) Понятие "земля" в определенном смысле тождественно понятию "мир", посему земное ассоциируется со всем мирским, а из трех ветвей земной власти только цари как устроители мирских дел наделяются эпитетом "земной" (2 Пар. 9: 23; Пс. 2: 2; Плач 4: 12; Матф. 17: 25; Деян. 4: 26; Откр. 6: 15 и др.). Это позволяет переосмыслить землю, сотворенную третьим актом творения, как "пространство" исполнительной власти.

Следовательно, актом сотворения мира был заложен тройственный фундамент творения и соответственного управления им. "Бог относится к миру как создатель и охранитель. Он творит по тем же законам, по которым охраняет"4. Охраняет же он, управляя миром. Упомянутый тройственный фундамент мира был обусловлен необходимостью соответствия той структуре и функциям власти, которые сосредоточены в Самом Боге. Это диктует необходимость перейти от рассмотрения структуры самого творения к рассмотрению структуры небесной власти, также проецируемой на земную.

Уже в Ветхом Завете как бы подчеркнуты различные свойства Бога с указанием Его разных властных функций. На протяжении ветхозаветной истории Господь а) дает людям закон (заповеди, уставы), б) осуществляет суд, наказывая как целые народы, так и отдельных лиц, г) ведет народ (евреев) по пустыне, кормит его, дает конкретные повеления о конкретных шагах людей в конкретных ситуациях, тем самым осуществляя "функции исполнительной власти". Следовательно, небесная власть объединяет в Боге те же три функции: законодательную, судебную и исполнительную.

Задача уподобления Богу, заложенная в человеке по определению ("подобие Божие"), предполагает и богоуподобление человеческой власти. Бог, в течение ветхозаветных событий соединивший в Себе три властные функции, в Евангелии открывает носителей этих функций в трех Лицах. При рассмотрении значения каждого из Лиц Пресвятой Троицы и вообще для более полного и глубокого понимания смысла троичности Бога, как нам представляется, непременно следует учитывать и этот аспект. Можно с уверенностью сказать, что вопрос о глубинном смысле трехипостасной сущности Бога еще не раскрыт во всей полноте, хотя о Пресвятой Троице существует огромная литература5, которую вряд ли есть надобность приводить и рассматривать подробно. Не смеем претендовать на раскрытие всей сути этой Триады, отлично сознавая, что невозможно объять необъятное и что Бог непостижим, однако рассуждения наши позволяют усмотреть еще одну немаловажную деталь на бесконечном пути этого постижения. В суждениях о Троице часто можно встретить распространенную мысль, связывающую суть троичности Бога с некоей совершенностью числа три. Из множества трактовок приведем слова о. Флоренского: "Личность [...] построена троично, ибо у него три, а не иное какое число направлений жизнедеятельности, — телесная, душевная и духовная, — и каждое психическое ее движение трояко по качеству, так что содержит отношение к уму, к воле и к чувству. [...] Всякое произведение разума, чувства и воли человеческой [...] неизбежно запечатлено троичным делением"6. Добавим к этому великолепное определение Вл. Лосского: "Отец есть источник, Сын — явление, Дух — сила являющая. Поэтому Отец есть источник Премудрости, Сын — сама Премудрость, Дух — сила, усвояющая нам Премудрость; или: Отец есть Источник любви, Сын — любовь, Себя открывающая, Дух — любовь, в нас осуществляющаяся"7.

Сопоставив два приведенных определения, с неизбежностью констатируем, что в них фактически источник и разум соединяются в Отце, чувство (любовь) и Премудрость — в Сыне, воля (сила) и осуществление — в Духе. Разум (источник), чувство (Премудрость и любовь) и воля — вот три начала, с одной стороны,

доминирующие в каждом из божественных Ипостасей, с другой — предусмотренные как доминанты в каждой из трех ветвей власти: законодательной, судебной, царской. Три властные функции были соединены в триедином Боге до возвещения о небесной параллели государства — Царствии Божием. О Трех Ипостасях Бога имеются многочисленные указания, начиная с Книги Бытия, во множественном числе глагола "сотворим" (Быт. 1: 26), во фразе Господа о согрешившем Адаме ("стал как один из Нас" — Быт. 3: 22). Аврааму явился Бог во всей Своей полноте: он увидел, что "вот, три мужа стоят против него", и обратился к ним в единственном числе: "Владыко!" (Быт. 18: 2-3).

Христос, явившийся для создания Царства Божия на земле, человечеству в качестве образца раскрывает власть "на небеси" во всей полноте, в этой самой ее "структуре". Точно так, как **до** возникновения государства функции эти были объединены в Моисее, пребывающем на земле "вместо Бога", и окончательно разъединились вместе с установлением государственности, те же функции на небе были объединены **до** возвещения о небесной параллели земного государства — Царстве Небесном, Царстве Божием. Божественные властные функции, представленные в Ветхом Завете синкретно, в Евангелии раскрываются в трех Лицах, из которых в Боге-Отце сосредоточен вселенский разум, в Боге-Сыне — мудрость (Слово), в Боге-Святом Духе — сила. Эти властные функции, как и в формуле пророка Исайи, единятся присутствием общего слова "Бог" в наименовании Каждого из Них. В течение евангельского повествования мы видим, что каждая из трех властных функций соединяется с одним из Лиц Святой Троицы, в то же время сохраняя соответствующую соотнесенность с понятиями разум, мудрость и сила.

1. Бог-Отец выступает в качестве законодателя. Христос разъясняет закон, но при этом Он ссылается на первоисточник: "Как научил Меня Отец Мой, так и говорю" (Иоанн 8: 28). В последних книгах Ветхого Завета, уже после пророчеств о Христе, вообще понятие "закон" соединяется с понятием отцовства: "Я же, как и братья мои, предаю и душу и тело за отеческие законы" (2 Мак. 7: 37). Тот же эпитет, определяющий понятие "закон", переходит и в Евангелие: "Наставленный в отеческом законе" (Деян. 22: 3). Эту семантическую связь понятия "отечество" с Богом-Отцом особо подчеркивает апостол Павел: "Преклоняю колена пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле" (Ефес. 3: 14-15). Государство, основой существования которого является закон, в языковых представлениях многих народов связывается с понятием отцовства, выражаясь синонимами "отечество", "paternal", Sie Faterland", армянское "hayrenik" ("hayr" означает "отец")8 и др. Подобную связь в семантике слов, обозначающих родительство, родину и божественное, видим и в дохристианском мире, в частности, в соотнесении богов (или Юпитера) с родителем и родиной (Помпоний), которому позже Юстиниан вернул утраченное библейское осмысление: "Подобно почитанию Бога, мы должны повиноваться родителям и родине"9.

2. Судебные функции, осуществляемые ветхозаветным Богом, в Новом Завете Бог-Отец складывает с Себя и передает второму Лицу Троицы, вместившему в Себя вселенскую мудрость: "Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну" (Иоанн 5: 22). Слова Христа о Своем отношении к закону ("Не нарушить пришел Я, но исполнить" — Матф. 5: 17) продиктованы той очевидной истиной, что суд рожден законом. Напоминание об этом мы неоднократно видим в Библии. "Где нет закона, нет и преступления" (Рим. 4: 15); "И до закона грех был в мире; но грех не вменяется, когда нет закона" (Рим. 5: 13). В соответствии с этим, в структуре небесной власти Христос, являющийся Судией, есть рожденный от Бога-Отца, являющегося Законодателем. Евангелист Матфей говорит о Христе: "Да сбудется реченное через пророков, что Он Назореем наречется" (Матф. 2: 23). Слово "Назорей" впервые использовано в связи с Самсоном, спасшим Израиль ценою своей мученической смерти. Самсон — центральная фигура Книги Судей, где все судьи наделяются эпитетом "спаситель". Так, уже в Ветхом Завете видим соединение судебной власти с идеей спасения. Слово "Назорей", характеризующий также Христа, (см. также Деян. 26: 6) связывается с еврейским "нацар" ("нецер"), что означает "отрасль", и в связи с этим экзегеты заключают, что "евангелист, сближая слово нецер с названием Назарет, имел полное право называть Христа Назореем, т. е. Отраслью"10. Этим проясняется и ссылка евангелиста на пророчества о Христе: "В тот день отрасль Господа явится в красоте и чести" (Исайя 4: 2); "И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его" (Исайя 11: 1); "Восставлю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь, и будет поступать мудро, и будет производить суд и правду на земле" (Иер. 23: 5; 33: 15); "Я привожу раба Моего, ОТРАСЛЬ" (Зах. 3: 8); "Вот Муж — имя Ему ОТРАСЛЬ"11 (Зах. 6: 12). Следовательно, Христос — властная ветвь, отрасль, ответвление всевышней власти, именуемое судебной. Всё предельно логично даже в свете нашей, человеческой логики, в том числе логики современного права: без суда закон остается пустой абстракцией; суд есть воплощение закона, в суде закон обретает плоть и кровь. Если Бог есть закон, то совершенно естественно, что воплощенный Бог есть суд. Первый акт божественного созидания, сотворение света, было началом установления миропорядка, высшего закона. Соответственно, и в дальнейшем во многих местах библейского текста "свет" обретает значение "закон". В этом контексте также явление воплощенного Бога осмысляется как воплощение закона, как пришествие в мир суда, то есть закона во плоти: "Суд же состоит в том, что свет пришел в мир" (Иоанн 3: 19)12.

3. Деяния, соотносимые с функциями исполнительной власти, более всего связываются с третьим Лицом Пресвятой Троицы — Святым Духом: "Дабы вы, силою Духа Святого, обогатились" (Рим. 15: 13); "В покорении язычников вере, словом и делом, силою знамений и чудес, силою Духа Божия" (Рим. 15: 18-19). В этих формулировках исполнительная функция, на земле связанная с силовыми структурами, на небе связывается со Святым Духом, и с понятием "сила". И действительно, Божий промысел на земле осуществляется Святым Духом, именно это Лицо Пресвятой Троицы "работает" с людьми, посещает их, подсказывает им пути и ведет их, нисходит на тех, кому предстоит сыграть решающую роль в устроении человеческих судеб.

Так, в триаде Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух обозначены три ветви небесной власти, являющиеся небесными эквивалентами законодательной, судебной и исполнительной властей. Единство же их выражено, как и в формуле пророка Исайи, присутствием слова "Бог" в обозначении каждого звена триединства. Но не только этим. Заметим: когда ветхозаветный Бог выступает в качестве единого носителя трех властных функций, Он зачастую говорит о Себе во множественном числе ("Сотворим"); одно из имен Бога (Элогим) — это множественное число еврейского "Элоах". Но как только Бог является в трех Лицах, появляется необходимость подчеркнуть их единость. Уже в Ветхом Завете к Господу, явившемуся перед Авраамом в трех лицах, патриарх обращается в единственном числе: "Владыко! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего" (Быт. 18: 3). Точно так же, когда в Евангелии людям раскрывается триединство божественной власти в Лицах Пресвятой Троицы, Их единство подчеркивается не только "описательно" ("Видящий Меня видит пославшего Меня" — Иоанн 12: 45), но и формой молитвенного обращения к трем Лицам — не "во имена", а "Во имя Отца, Сына и Святого Духа".

В толкованиях Господней молитвы (Матф. 6: 9-13; Лука 11: 2-4) отцы Церкви, в соответствии со своими задачами, раскрывали богословские значения каждого из предложений этого текста13, оставляя в стороне прочие семантические соотнесенности, в том числе соотнесенность с государственно-правовыми реалиями. Рассмотрение же молитвы в этом ракурсе показывает, что она в своей структуре выделяет три различные, но единые властные функции, соотносимые с мирской властью: законодательной ("Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое"), исполнительной ("Да приидет царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день"), судебной ("И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим"), с финальным подведением всего под единую духовную цель указанием на функцию духовной власти ("И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого").

В триаде "Господь — судия наш, Господь — законодатель наш, Господь — царь наш", помимо идеи разделения властей, отражена и идея их единства. Их соединяет общее для трех частей этой формулировки — Господь. До разделения трех ветвей "земной" власти, для соединения каждой из них с Богом, Господь заботится об утверждении общей теологической базы наземных властных функций, которая и является объединяющим фактором. Триада "Господь — Судия, Господь — Законодатель, Господь — Царь" формирует иерархическую цепь "Господь — Суд — Закон — Исполнитель". Каждому компоненту этой цепи должны соответствовать на земле определенные понятия, которые, в свою очередь, выстраиваются в эквивалентную цепочку: духовная — судебная — законодательная — исполнительная. В процессе формирования государственной власти, представленном в книге Исход, ключевой фигурой является Моисей. С ним связана еще не вполне разгаданная "тайна", которая, как кажется, раскрывается лишь в контексте проблемы формирования приемлемой структуры государственной власти. Посему считаем целесообразным начать с изложения сути этой "загадки".

Господь сказал Моисею: "Не войдешь туда, в землю, которую Я даю сынам Израилевым" (Втор. 32: 52). Объясняя причину Своего "вердикта", Бог ссылается на то, что Моисей усомнился в реальности Его обещания высечь воду из скалы ударом жезла, и ударив о нее дважды, сделал всё общество свидетелем своего сомнения. Между тем, слова, выразившие это сомнение, приведены ретроспективно, при повторении рассказа (Чис. 20: 10), при самом же описании события, напротив, сказано, что Моисей в точности выполнил поручение Господа: "Сделал так Моисей в глазах старейшин" (Исх. 17: 6). После события у скалы ничто не изменилось в статусе Моисея пред Богом: состоялась их встреча на горе Хорив, Господь говорил с Моисеем "лицом к лицу, как бы кто говорил с другом своим" (Исх. 33: 11), продолжал ставить его выше пророков и заявлял, что "он верен во всем дому Моему" (Чис. 12: 6-8). Это подсказывает необходимость искать другую причину столь "жесткого" обращения с Моисеем. Ряд деталей указывает: то, что Моисей не должен был ступить на территорию будущего государства, было предрешено изначально. Моисею говорилось лишь, что его задача — довести людей до обетованной земли, а о том, что он будет благоустраивать ее или жить на ней и тем более править там, нет ни слова. Все слова о том, что следует делать на ней и как жить, адресованы уже не ему, а **обществу**. Есть недвусмысленный намек на то, что Моисеев срок окончится с завершением возложенной на него миссии: "Сам Я пойду (пред тобою) и введу тебя в покой" (Исх. 33: 14). Являя знамения, Господь говорит Моисею: "Чтобы ты рассказывал сыну твоему и сыну сына твоего" (Исх. 10: 2), т. е. сын сына и есть последнее поколение, с которым Моисею предстояло общаться.

Один из непонятных в Исходе фрагментов следующий. Когда Моисей, только что призванный Богом к своей миссии, направился в Египет для ее осуществления, "встретил его Господь и хотел умертвить его" (Исх. 4: 24). Возложение на него миссии и следующее за этим намерение умертвить при любой мотивации остаются двумя никак не совместимыми актами. В свете нашего предположения о предрешенности судьбы Моисея кое-что начинает проясняться. Господь ничего не таит от Своих избранников и, значит, трудно приписать Господу "коварство" в отношении Моисея. На самом деле, видимо, здесь говорится о предупреждении Господа, что с исполнением миссии завершится и срок земной жизни Моисея. А срок человеческой жизни был определен Господом перед потопом: "Пусть будут дни их сто двадцать лет" (Быт. 6: 3). В соответствии с этим, "Моисею было сто двадцать лет, когда он умер" (Втор. 34: 7).

Следовательно, выбрав 80-летнего Моисея для осуществления плана по созданию государства, рассчитанного на 40 лет, Господь уже предопределил, что Моисей не должен войти в землю обетованную и стать правителем страны. В предопределенности такого финала можно усмотреть две взаимосвязанные причины.

Первая: Господь в лице Моисея демонстрировал людям бескорыстное служение Богу, не обусловленное ничем, кроме веры в Него. Как бы ни восприняли люди факт пребывания Моисея во главе государства, в любом случае подобное завершение его подвижничества стало бы осмысливаться как его цель. Да и в дальнейшем все подвижники стали бы восприниматься обществом в том же плане: политиками, преследующими аналогичную цель, что мы видим и в современном мире. Между тем недопущением Моисея в правители государства, к которому он вел народ, Господь подсказывал всем грядущим поколениям: политический деятель, стремящийся вести общество и государство определенным путем (подсказанным ему Господом), борящийся за свою идею, после торжества этой идеи не должен становиться правителем: если он достиг цели и общество уже приняло ее, то найдутся люди, готовые и способные далее ее осуществлять. Как много проблем современного мира нашли бы решение при введении подобного законодательного принципа как международно признанной нормы! Как легко ориентировались бы избиратели в многочисленных предвыборных обещаниях и политических кампаниях, как много политических карьеристов сами же отказались бы от участия в политической борьбе за власть, будучи уверены, что этому не может следовать их личный приход к рычагам власти!

Следовательно, смерть Моисея следует усматривать как конец не столь физический, сколь "политический", обусловленный и второй причиной. Она, по-видимому, может быть осмыслена, если попытаться понять суть той властной функции, которая была возложена на него. Моисей, в нарушение главной заповеди ("Да не будет у тебя других Богов" — Исх. 20: 3), дважды назван богом: "Ты будешь ему [Аарону - Р. П.] вместо Бога" (Исх. 4: 16); "Я поставил тебя Богом фараону" (Исх. 7: 1). Единственным объяснением подобного определения может быть то, что Моисей — еще не "человеческая" власть. Он — тот, посредством кого еще предстоит сформироваться земной, то есть государственной власти, что и происходит в Синайской пустыне. "Назначив" Моисея носителем всех властных функций, объединенных в Боге, Господь с самого же начала фиксирует, что эти функции подлежат "распределению", передав духовную власть Аарону. Бог обеспечивает Свое присутствие установлением власти посредников между Ним и людьми, между ним и "земной" властью. Первое реальное разделение властей оказывается проведением границы между духовной властью и светской, объединяющей в себе три последних звена обозначенной цепочки. Устами тестя Моисея Господь советует ему отделить судебную власть и назначить судей (Исх. 18: 21), что и делает Моисей. В дальнейшем Он отделяет представительную власть в лице старейшинства, передав старейшинам "от Духа", который на Моисее (Чис. 11: 17). При этом сам Моисей не лишается ни одного из обозначенных властных полномочий: он продолжает быть посредником между Богом и людьми (функция духовной власти), продолжает быть законодателем (функция представительной власти), продолжает вести судопроизводство (назначенные судьи "о (всех) делах важных доносили Моисею" — Исх. 18: 26). Моисей, будучи уполномочен Богом быть на земле единым источником ветвей будущей государственной власти, до образования государства остается носителем функций всех властных структур и гарантом их единства. Но с образованием государства завершается и эта его миссия, потому что единым носителем всех властных функций в реальном государстве не может быть никто из людей, в том числе Моисей: "Мы — создания падшие, и человеку нельзя доверить власть над собратьями"14. Моисей должен был уйти в соответствии с Господним планом устроения государства и его властных ветвей.

Принципиально важно, что Господь не мог сделать так, чтобы "политическая" миссия вернейшего из вернейших Ему была завершена смертью физической. Господь не мог устранить его иначе, чем высоко оценив его верное служение. Противоречие между указанием точного места, где Моисей умер и где его оплакивали и погребли ("Оплакивали […] на равнинах Моавитских у Иордана близ Иерихона" — Втор. 34: 8; "Погребен в долине Моавитской против Веффегора" — Втор. 34: 6), и дальнейшим сообщением, что "никто не знает места погребения его даже до сего дня" (Втор. 34: 6), разрешается, видимо, допущением, что Моисей устранен был как-то иначе. Не имеющее аналога определение "Бог", данное Моисею дважды Самим Господом (Исх. 4: 16; 7: 1), позволяет предположить, что, подобно Христу, Моисей был погребен, но потом его не нашли на месте

погребения. Христос говорит израильтянам о живом Моисее ("Не думайте, что Я буду обвинять вас пред Отцем; есть на вас обвинитель Моисей" — Иоанн 5. 45) и живым представляет его во время преображения ("Явились им Илия с Моисеем" — Матф. 17. 3; Марк 9. 4; Лука 9. 30). Есть мнение, что это было воскрешением Моисея в этот миг и лишь на время преображения15. Полагаем, однако, что воскресение было уже тогда, в долине Моавитской. Так что можно утверждать, что Моисей умер, воскрес и вознесся. Устранен же он был потому, что никто из людей, даже почти "приравненный" Богу Моисей не может быть абсолютно безгрешен, о чем Господь знает изначально и сообщает Моисею фигурально — упоминанием события у скалы в качестве доступного человеческому разумению объяснения Божьего вердикта. Моисей не мог быть поставлен во главе будущего государства как носитель всех властных полномочий, ибо по Божьему замыслу их следовало отделить друг от друга.

Разделение властей — это приведение структуры земной власти в соответствие структуре власти небесной. Принцип разделения властей, юридически зафиксированный в конце XVIII в., внедрялся тысячелетия назад, а библейская история представляет его внедрение как важнейшую часть Божьего промысла. При этом в библейских путях формирования государственной власти предопределен не только сам принцип разделения власти на отдельные ветви, но и распределение функций по этим ветвям, а вместе с тем их единство в своих истоках и целях. Осознание этого позволяет рассматривать главнейший принцип современного государственного права не формально, а в его духовном наполнении.

1. Баренбойм П. Первая конституция мира. Библейские корни независимости суда. М., 1997. С. 68.
2. См.: Амвросий, митрополит. Краткое руководство к чтению книг Ветхаго и Новаго Завета. М., 1803. С. 43; Толковая Библия, в 12 тт. СПб., 1904-1913 (второе изд.: Стокгольм, 1987). Т. 2. С. 2-3.
3. Мень Александр. Как читать Библию. Руководство к чтению книг Ветхого и Нового Завета. Брюссель, 1981. С. 33.
4. Монтескье Ш. Л. Избр. произв. М., 1955. С. 162.
5. Булгаков С. Н. Философский смысл троичности // "Вопросы философии". 1989. N12. С. 90-97; Флоренский А. П. Столп и утверждение истины. // Собр. соч. в 2-х т. М., 1990 (Письмо второе: сомнение - т. 1, ч.1, с. 15-50; Письмо третье: триединство - т. 1, ч. 1, с. 51-69; Заметки о троичности - т. 1, ч. 2, с. 593-599); Слободский Серафим. Закон Божий. Ч. 2. Киев, 1990. С. 6-7 и др.
6. Флоренский А. П. Заметки о троичности. С. 597. Разрядка автора.
7. Лосский Вл. Догматическое богословие // Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 280.
8. Ср.: "Сражаться мужественно, до смерти, за законы, за храм, город, отечество и права гражданские" (2 Мак. 13: 14). Здесь также "закон" и "отечество" поставлены в одном ряду.
9. Памятники римского права. М., 1997. С. 158.
10. Толковая Библия. Т. 8. С. 51.
11. В обоих случаях выделено в тексте Библии.
12. Со-вечность Бога-Сына с Богом-Отцом не отменяет последовательности функций. Сначала был "свет" (закон), потом лишь - "твердь" (суд). Ср.: рассуждения Давида Анахта (V-VI вв.) о том, что практическая философия по Платону "разделяется на законодательство и правосудие не как род на виды, ибо среди противопоставленных [вследствие разделения] видов не бывает предшествующего и последующего, а здесь бывает, ибо сперва идет законодательство, а потом правосудие" (Давид Анахт. Соч. М., 1980. С. 97-98).
13. [Св. Егише, вардапет.] Соч. св. отца нашего Егише вардапета. Венеция, 1836. С. 119-206 (на древнеарм. яз.; в пер. на современный армянский см.: "Гандзасар", Ереван, 1993, N3. С. 248-254); Григор Татеваци. О молитве "Отче наш" // Мкртчян Абраам, вардапет. Толкование на "Отче наш" по Григору Татеваци. Ереван, 1992. С. 14 (на арм. яз.) и др.; Феофилакт Блаженный. Благовестник, или Толкование на Св. Евангелие, с. 77-78 и др.; из новейшей католической литературы: Гуардини Романо. Молитва Господня // "Символ" (Париж), 1989. N21, июль. С. 7-67 и др.
14. Клайв Льюис С. О равенстве. // Страницы. М., 1966. N. 2. С. 112.
15. Егише. Слово о Преображении Господнем. Эчмиадзин, 1997, с. 55 и сл. (на арм. яз.).

ИЗ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИВЕРСИТЕТ (РАУ)

Справка

Российско-Армянский университет является образовательным учреждением высшего профессионального образования совместного ведения Российской Федерации и Республики Армения и пользуется статусом государственных высших учебных заведений Российской Федерации и Республики Армения. Полномочия учредителей Университета осуществляют Министерство образования Российской Федерации (Минобразование России) и Министерство образования и науки Республики Армения.

По словам ректора РАУ А. Р. Дарбиняна, "рождение Российско-Армянского (Славянского) университета было вызвано тем, что в годы независимости нам не удалось полностью использовать тот позитивный потенциал, который есть в наших отношениях с Россией. Безусловным является одно – было стремление укрепить и сохранить пошатнувшийся гуманитарный мост между двумя странами, получить возможность лучше использовать не только традиции русской педагогической школы, но и российской культуры, искусства, литературы.

Бездумный отказ от культурного и образовательного наследия, связанного и с использованием русского языка на территории Армении, не является отражением истинных потребностей подавляющего большинства граждан. Необходим возврат к этим ценностям и к этому наследию, накопленному за сотни лет совместной жизни наших народов. И Российско-Армянский университет в данном случае является идеальным субъектом, объединяющим общие научные, культурные и литературные интересы, символизирующим тот путь, который мы прошли вместе с русским народом, вместе с российской интеллигенцией".

Обучение в РАУ ведется по программам, составленным в университете в соответствии с российскими образовательными стандартами – профессиональными образовательными программами высшего и послевузовского профессионального образования, с обязательным включением национально-регионального компонента.

Первый набор студентов в Российско-Армянский университет по пяти специальностям - ***"Юриспруденция", "Политология", "Государственное и муниципальное управление", "Социально-культурный сервис и туризм"*** и ***"Журналистика"*** – был осуществлен в феврале 1999 г. Летом 1999 г. перечень специальностей РАУ был дополнен еще двумя лицензированными специальностями – ***"Мировая экономика"*** и "***Прикладная математика и Информатика",*** а с сентября 2002 г. проводится обучение по специальности ***"Международные отношения".***

Подготовку специалистов в РАУ осуществляют 17 кафедр, укомплектованных высококвалифицированными научными и педагогическими кадрами, большинство которых имеют ученые степени докторов и кандидатов наук, звания профессоров и доцентов.

Первый выпуск студентов в Российско-Армянском (Славянском) государственном университете осуществится в 2004 г. Студентам РАУ, прошедшим итоговую аттестацию, решением Государственной аттестационной комиссии будет присвоена квалификация в соответствии с полученной специальностью и выданы ***дипломы государственного образца Российской Федерации и Республики Армения.***

При университете действует ***Попечительский совет,*** сопредседателем которого с российской стороны является ***заместитель Председателя Государственной Думы РФ Г. В. Боос,*** а с армянской стороны – ***ректор РАУ А. Р. Дарбинян.***

Попечительский совет включает видных представителей органов исполнительной власти Республики Армения и Российской Федерации, предпринимательских, финансовых, научных и творческих кругов, средств массовой информации, общественных объединений и ассоциаций, предприятий, организаций и учреждений, независимо от форм собственности.

Попечительский совет призван содействовать Учёному совету и ректорату РАУ в реализации следующих целей и задач: развития университета и формирования его не только как центра подготовки высококвалифицированных специалистов, но и как центра укрепления и развития российско-армянских гуманитарных связей; оказания финансовой помощи университету в осуществлении его уставной деятельности, а также в деле сохранения и развития материально-технической базы университета.

В 2002 г. в РАУ были созданы 4 научные проблемные группы: "Художественная литература и журналистика" (руководитель – академик НАН РА А. П. Григорян), "Физические основы нано- и оптикоэлектроники" (руководитель – академик НАН РА Э. М. Казарян), "Диалог культур и цивилизаций" (руководитель – д. ф. н. Э. С. Маркарян), "Рыночные преобразования и государственное регулирование экономики" (руководитель - к. э. н. Э. М. Сандоян).

В 2002 г. в РАУ создан ***отдел аспирантуры,*** а в 2003 г. был осуществлен первый набор аспирантов. Соответствующая лицензия Министерства образования РФ будет выдана Университету в первом квартале 2003 г.

В течение 2002 г. было налажено сотрудничество с ведущими учебными и научными центрами Российской Федерации и Республики Армения. К настоящему моменту Российско-Армянский университет подписал Договоры о сотрудничестве и взаимодействии с 18 ведущими вузами и учреждениями Российской Федерации. Из подписанных РАУ Договоров о сотрудничестве следует выделить Договор о сотрудничестве в области научной и образовательной деятельности с Московским государственным университетом и Российским университетом Дружбы народов; Соглашение о сотрудничестве с Московским государственным институтом международных отношений (Университетом), Дипломатической академией МИД России и Федеральной пограничной службой Российской Федерации; Договор о сотрудничестве с Московским государственным техническим университетом (МГТУ) им. Н. Э. Баумана; Договор о сотрудничестве с Государственным институтом русского языка им. А. С. Пушкина; Договор о сотрудничестве в области образования с Санкт-Петербургским Фондом культуры и образования.

При университете действует ***Издательство РАУ.*** Уже изданы книги по управлению и культуре, по истории русской литературы, литературоведению, юриспруденции.

С октября 2002 г. В РАУ функционирует Центр довузовского образования, который реализует программы углубленного изучения профильных (конкурсных) дисциплин для учащихся 9-10-х классов, поступающих в РАУ.

В университете функционирует ***Центр российско-армянских культурных и литературных взаимосвязей имени первого ректора РАУ академика НАН РА Левона Мкртчяна,*** внесшего большой вклад в развитие российско-армянских взаимоотношений. Центр призван выполнять образовательную и культурно-просветительскую функции.

С февраля 2002 г. в РАУ функционирует ***Центр карьеры*** по оказанию услуг по профессиональному росту студентов, полной самореализации в избранной профессии. Центр помогает студентам также в поиске работы и трудоустройстве.

Российско-Армянский (Славянский) университет учредил ***памятную золотую медаль "Ветка оливы с бриллиантами".*** По положению о медали она вручается раз, в исключительных случаях – два раза в год. Среди награждённых могут быть деятели литературы и искусства, политики, бизнесмены – люди, преданные России и Армении.

Первой медалью в апреле 2001 г. был награждён В. Т. Спиваков за его вклад в русскую культуру и многолетнюю спонсорскую помощь разрушенной землетрясением Армении и её молодым музыкальным дарованиям.

Российско-Армянским университетом учреждён также ***Почетный орден Российско-Армянского государственного университета.*** Почетный орден РАУ учрежден с целью подтверждения заслуг наиболее видных деятелей науки, образования, искусства, культуры и литературы, политики, бизнеса, внесших весомый вклад в становление, укрепление и развитие отношений между РА и РФ, в укрепление дружбы между российским и армянским народами, а также в развитие Российско-Армянского (Славянского) государственного университета как центра российского образования и культуры в Республике Армения и в регионе в целом. Первым Почетным орденом РАУ был награжден в октябре 2002 г. Председатель Правительства Российской Федерации М. М. Касьянов.

Книжный фонд библиотеки РАУ постоянно пополняется за счет новых поступлений современной научной и учебной литературы.

Университет оснащен ***8-ю компьютерными классами*** и ***2 лингафонными*** кабинетами. На настоящий момент РАУ является ведущим ВУЗ-ом Республики Армения по уровню компьютерного обеспечения учебного процесса.

Сведения об авторах Вестника РАУ

1. Арутюнян А. А. — доцент кафедры истории армянского народа АГПУ, к.ист. н.
2. Арутюнян Г. Г. — председатель Конституционного суда Республики Армения, д. юр. н.
3. Задохин А. Г. — заведующий кафедрой внешней политики и международных

отношений дипломатической Академии МИД РФ, профессор, д. ист. н.
4. Зонова Т. В. — заведующая кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, д. пол. н., профессор.
5. Кюркчян А.А. — заведующий кафедрой истории России АГПУ, д. ист. н., профессор.
6. Меликян В. Г. — заведующий кафедрой мировой политики и международных отношений РАУ, н. с. института истории НАН РА, доцент, к. ист. н.
7. Мелконян А. А. — директор Института истории НАН РА, д. ист. н.
8. Мелихов И. А. — заместитель директора Историко-документального департамента МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д. ист. н.
9. Минасян С. М. — преподаватель кафедры мировой политики и международных отношений РАУ, н. с. института истории НАН РА и Кавказского центра иранистики, к. ист. н.
10. Мурадян М. А. — доцент кафедры истории сопредельных с Арменией стран ЕГУ, д. ист. н.
11. Папаян Р. А. — член Конституционного суда Республики Армения, член Верховного духовного совета Св. Эчмиадзина.
12. Тунян В. Г. — профессор департамента социально-политических дисциплин ЕГПУ, д. ист. н.
13. Хачатрян К. Г. — ученый секретарь Института истории НАН РА, к. ист. н.

К сведению авторов

Статьи должны быть в объеме примерно 20-25 тысяч знаков (в пределах 15 страниц, напечатанных в два интервала) и представляться на дискете с 2 экземплярами отпечатанных копий. Статьи на армянском языке должны быть снабжены развернутым резюме (не менее 2 страниц) на русском языке. Ссылки должны быть расположены в конце текста. Авторы ответственны за достоверность приводимых фактов, цитат и ссылок в статьях. Позиции авторов не обязательно отражают точку зрения редакции. Рукописи не возвращаются.

Адрес редакции
375000, Ереван, ул. Овсепа Эмина 123,
Российско-Армянский (Славянский) государственный университет,
тел. (3741) 25-52-70; 26-11-95.

Сдано в набор13.09.2003. Подписано к печати 28.10.2003.

Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,75. Тираж 99.
Отпечатано в типографии “Ноян Тапан”.